

Андрей Васильченко

ЯРОСЛАВСКИЙ МЯТЕЖ

Annotation

В 2018 году исполняется 100 лет Ярославскому мятежу, который стал одним из первых актов Гражданской войны в России. В результате трехнедельного противостояния белых повстанцев и частей Красной Армии, в условиях городской застройки, процветавший до революции Ярославль был практически стерт с лица земли. От шальных пуль, артиллерийских снарядов, пожаров, голода и болезней погибли тысячи мирных людей. Велико было и число жертв террора, к которому прибегли обе противоборствующие стороны. Советские историки не уделяли Ярославскому восстанию особого внимания, поскольку не испытывали желания отвечать на неудобные вопросы. Долгие годы исследованиями событий июля 1918 года занимались местные энтузиасты. Эта книга является своеобразным итогом их работы и освещает историю Ярославского мятежа с максимально объективных позиций.

- [Андрей Вячеславович Васильченко](#)
 -
 - [Предисловие](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Глава 17](#)
 - [Глава 18](#)

- [Глава 19](#)
 - [Глава 20](#)
 - [Глава 21](#)
 - [Вместо послесловия. Эхо «мятежа»](#)
 - [Библиография](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
-

Андрей Вячеславович Васильченко
Ярославский мятеж

Предисловие

Мне достаточно часто приходится водить гостей по исторической части Ярославля, той самой, планировка которой попала под охрану ЮНЕСКО, став третьим подобным объектом у нас в стране после Красной площади и Невского проспекта. Гости немало удивляются весьма причудливому, но в то же время восхитительному облику города, в котором средневековые строения могут спокойно соседствовать со сталинскими «ампирными» многоэтажками, при этом гармонично дополняя друг друга. В какой-то момент приходится открывать главный секрет Ярославля: все без исключения здания в нем в известной степени новоделы. После событий июля 1918 года, известных публике как ярославский мятеж, в городе не осталось ни одного целого дома, ни одной неповрежденной церкви. Тогда здания делились на два типа: во-первых, те, которые были полностью уничтожены (таких было большинство), во-вторых, те, которые были лишь частично повреждены (они и были затем отреставрированы). По большому счету к 1919 году город прекратил свое существование. Из живших в нем ста пятидесяти тысяч горожан осталось не более тридцати. Возрождение Ярославля пришлось уже на конец 20-х годов, когда он вновь появляется на карте, но уже как индустриальный центр, в котором, впрочем, сохранились исторические традиции.

Ярославский мятеж и его события с известной регулярностью продолжают касаться многих из современных горожан. При строительстве новых домов и ремонте дорог нередко находят неразорвавшиеся снаряды эпохи Гражданской войны. Будучи студентом, я как-то спешил на лекцию, но мне пришлось сделать приличный крюк, так как путь вдоль одной из улиц был перегорожен саперами. «Бомбу обезвреживаете?» – спросил я, решив блеснуть своими познаниями в истории – в первые годы Великой Отечественной войны немцы истово бомбили железнодорожный мост через Волгу, который был стратегическим объектом исключительной важности, поскольку связывал Москву с «Русским Севером» и частью Сибири. «Нет, снаряд», – ответил кто-то из саперов. «Разве немецкие снаряды долетали до нас?» – изумился я. «Немецкие? – сапер хмыкнул. – Большевистские!» – сказал он с интонацией, за которую в советское время можно было быть приглашенным в заведение, известное в Ярославле как «серый дом». Чтобы понять масштабы обстрелов, равно как и вызванных ими разрушений, приведу такую цифру – по выражению одного из

активных участников подавления «мятежа», *«в окончательном подсчете Ярославль имел честь скушать 75 тысяч снарядов за 16 дней»*. Гражданская война, между прочим, вообще не знала затяжных городских боев, тем и уникальна ситуация с Ярославлем. Две недели активного противостояния в городской среде более напоминают события Второй мировой войны. Если же принять во внимание исключительную жестокость схватки, равно как и тот факт, что красные войска так и не смогли захватить город (восставшие предпочли капитулировать во избежание новых жертв), то в памяти всплывают Сталинград, Будапешт и Бреслау.

В наши дни «ярославский мятеж» воспринимается всего лишь как локальное событие, но на практике он мог иметь последствия едва ли не для всей мировой истории. Отнюдь не случайно, что мятежному Ярославлю Алексей Толстой посвятил несколько страниц в своей оде гражданской войне *«Хождение по мукам»*. События двух недель кровопролитных боев оказались уместены в одном емком и пугающем абзаце: *«И вот город охватило кольцо боя. На улицах рвались снаряды... Валились древние колокольни, падали дома, повсюду занимались пожары, их некому было тушить, солнце затянулось дымом. Не убрали даже трупов на улицах»*. Впрочем, в отличие от Алексея Толстого классическая советская историография ярославские сюжеты из июля 1918 года пыталась обходить стороной. Они выглядели дико даже с поправкой на эксцессы и неистовость, присущие началу гражданской войны. Существовали, конечно, сборники воспоминаний очевидцев, подготовленные в 20-е годы, отдельные региональные диссертации и даже целая монография, увидевшая свет в 1984 году (Р. Балашов, «Пламя над Волгой»). Однако связного рассказа о том, что же на самом деле произошло в Ярославле, не было. Исключение, пожалуй, составляет документальная повесть «Ярославль», которую написал Николай Чуковский – сын знаменитого детского поэта. Ее сложно отнести к категории исследовательской литературы, тем не менее Чуковский продолжительное время работал в Ярославле, беседовал с очевидцами, а потому в его повести есть в высшей мере интересные наблюдения.

Ситуация стала меняться в конце 80-х годов. Именно тогда сложился дружеский коллектив инициативных людей, которые занимались изучением событий июля 1918 года. Точкой притяжения стал сотрудник ярославского журнала «Агитатор» Владимир Александрович Мясников. Он много времени работал в обкоме КПСС, и ему были доступны партийные архивы, заглядывать в которые «простым смертным» возбранялось. К чести

Владимира Александровича, человеком он был в высшей мере здравомыслящим, понимающим, что замалчивание страшной страницы истории города может привести к самым печальным последствиям. Свои изыскания он облачал как в форму статей, так и в документальную прозу, полагая необходимым написать роман, который планировалось назвать «Красный туман». Деятельность Мясникова привлекла внимание других неравнодушных людей – братьев Ивана и Юрия Шевяковых (1952 года рождения). Их детство прошло в Мукомольном переулке Ярославля, учеба – в школе № 43. Уже тогда у мальчишек проявился интерес к прошлому города. Особенно к июльским событиям 1918 года. Их дом располагался между мельницей Вахрамеева и так называемым «американским» мостом через реку Которосль. Как потом выяснилось, в 1918 году это были позиции поручика Соколова, одного из активных участников мятежа. В начале шестидесятых годов еще можно было увидеть отметины боев, оставленные снарядами и пулями на кирпичной кладке церкви и зданий. Мальчишки нашли здесь трехлинейную винтовку с примкнутым трехгранным штыком, отыскали ржавый пистолет. По воскресеньям отец водил сыновей в расположенный под боком их дома музей. Мальчишки рассматривали диораму «Штурм железнодорожного моста в июле 1918 года». И конечно, памятную многим поколениям местных жителей трехдюймовую пушку с разорванным стволом. Считалось, что это орудие белых и подбито красными. И только спустя много лет братья достоверно узнали, что орудие это было «красным». Оказывается, в первые дни боев, когда батарея, возглавляемая бывшим старшим фейерверкером конной артиллерии Канунниковым, интенсивно обстреливала с Туговой горы белых пулеметчиков на мельнице Вахрамеева, прикрывая проход к станции Всполье эшелона с бойцами сводного московского красного отряда, в канале ствола третьего орудия внезапно разорвался снаряд, ранивший одного из артиллеристов. По-настоящему событиями 1918 года Иван и Юрий Шевяковы заинтересовались, когда выполняли школьное задание. Тогда им пришлось столкнуться с реальной, непричесанной историей ярославских боев.

В одной из газетных статей отмечалось: *«Братья иногда пускались на безгрешные хитрости, проникая в труднодоступные места, выкраивали время, но шаг за шагом продвигались вперед. Иван с места на место службы повсюду возил с собой архив, папки которого обозначены так: „Два цвета Ярославля“. Особенно успешно он их пополнял в Москве, учась в военной академии, имея доступ в музеи, архивы, библиотеки. Довести дело до конца он не успел. Он ушел из жизни на 38-м году жизни».* В одном

из последних писем, адресованных своему брату Юрию, Иван Шевяков писал: *«Дорогой братик! Много различных толкований в разное время было у ярославских событий восемнадцатого года, но до сих пор о них не только не рассказана вся правда, но даже и не рассказано вполне правдиво! Видимо, нам стоит приложить к этому делу свои братские усилия и попытаться рассказать о тех днях с позиций беспристрастного историка, то есть правдиво, скрупулезно проанализировать все исторические факты и события тех грозных дней гражданской войны... Призываю тебя к совместному братскому труду. Может быть, когда-нибудь эта наша работа превратится в хорошую книгу. Ведь времена меняются, а любое честно сделанное дело никогда не пропадет, оно всегда оставит свой след в истории!»*

После смерти брата Юрий Николаевич Шевяков продолжил собирать материал по истории ярославского мятежа. Эта работа заняла почти двадцать лет: с 1959 по 1990 год. Итогом ее стали обширные тетради, которые делились на несколько категорий. Одни братья называли «опусы» (Оп-1, Оп-2, Оп-3), другие – «архивные книги» (АК), а еще были «печатные книги» (ПК). Каждая из таких тетрадей была составлена из стандартных 50–60 листов, которые были отпечатаны на машинке. Кроме этого, имелось 29 рукописных «томов».

К содружеству «краеведов», ядром которого были В.А. Мясников и Ю.Н. Шевяков (с начала 90-х они стали готовить совместные публикации в форме газетных статей), примкнули активисты поисково-исследовательской группы «Июль 1918» Андрей Бенедиктович Киселев и Николай Ульянович Козак. Оба они прекрасно понимали, что «время работает не на нас», а потому разыскали всех, кто хоть что-то помнил о событиях 1918 года. Сейчас их проект был бы назван «живой историей». Автор этой книги также помогал группе «Июль 1918» в части поиска очевидцев или их родственников, помнивших рассказы предков. Среди таковых оказался один из лидеров легализованного в годы перестройки ярославского монархического движения Григорий Дмитриевич Дубровский, который помнил рассказы своего деда. Тот был активным белогвардейцем, в отличие от многих чудом избежавший расправы. Сам Г.Д. Дубровский не раз вспоминал, что его дед красочно рассказывал о том, как из последних сил удерживал железнодорожный мост через Волгу, ожидая прибытия десанта «союзников из Антанты». Что показательно, дед внушал внуку не доверять Антанте, которая предала ярославцев, а потому он ненавидел западные державы больше, чем «большевиков и немцев вместе взятых».

Надо отметить, что ярославцы уже давно подспудно симпатизируют

тем, кто оказался на стороне «мятежников». С этим связано множество легенд. От самых странных – что-то вроде регулярно появляющегося в городе призрака погибшего в 1918 году поручика, до вполне реальных. Одна из легенд рассказывает о том, как на одном селе близ Ярославля объявился «комиссар» Мефодька Шашкин. С маузерами на каждом боку, в сопровождении отряда, он кричал, что как член партии социалистов-революционеров изведет всю «контру» под корень. Для начала отряд заявился в усадьбу мелкопоместных дворян Стеколиных. «Эксплуататоров» арестовали, усадьбу разграбили, а потом в пьяном раже и сожгли. Однажды, узнав, что в селе Андроники на вечеринке гуляют молодые офицеры, вернувшиеся с войны, Мефодька решил расправиться и с ними. Но офицеров предупредили, и они бежали в лес от произвола «комиссара». Мефодька с отрядом стал прочесывать лес, наткнулись на одного «золотопогонника» и тут же расстреляли его. Второму повезло больше, его или не нашли, или кто-то пожалел односельчанина и не выдал на расправу «комиссару». Сам Мефодька вскоре был расстрелян большевиками за мародерство. Так вот суть этой истории в том, что второго спасшегося офицера звали Федор Толбухин. Тот самый Толбухин, который станет маршалом Советского Союза, освободит Крым, избавит от нацистов Балканы, а заодно в битве у озера Балатон окончательно добьет почти все немецкие танковые войска, тем самым предопределив победу Красной армии в европейской части континента. Легендами обрастали не только события, но даже попытки пролить свет на эти события.

Итоги совместной работы первоначально планировалось подвести в 1993 году, то есть к 75-летию со времени ярославского мятежа. Однако если принимать во внимание обстановку в стране в то время, то тема мятежников, противостоящих Москве, у органов власти не вызывала особого энтузиазма. До следующего юбилея, который приходился на 1998 год, не дожили, увы, ни Мясников, ни Шевяков. На этот раз итоги многолетней работы предполагалось подвести силами активистов поисково-исследовательской группы «Июль 1918», которые при поддержке местного отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры провели представительную научно-практическую конференцию. Тогда в Ярославле прошло еще три менее важных мероприятия. Конференция КПРФ, которая не скрывала своего узкопартийного подхода. Расширенное заседание Губернского общественного Совета, по сути закрытое, попасть на которое можно было исключительно по специальному пропуску. Станным было еще и то, что на это мероприятие приглашалась публика, скажем так, исключительно

ультралиберальная. Прошло еще подобие научной конференции в областной библиотеке. Впрочем, после того, как профессор М.Г. Мейерович пригласил за кафедру участника группы «Июль 1918», сопроводив приглашение словами: «А сейчас нам Андрей Бенедиктович поведает сказки от детишек из 1918 года», возникло подозрение в научной объективности организаторов мероприятия. По крайней мере, вот вам иллюстрация того, как «маститая» советская профессура относилась к «живой истории».

Когда волна ажиотажа спала, группа «Июль 1918» вышла на областную администрацию (область тогда возглавлял А.И. Лисицын) с предложением опубликовать те самые итоги многолетней совместной работы. Предполагалось, что это будет трехтомник: роман В.А. Мясникова «Красный туман», материалы конференции, к которым прилагались собранные свидетельства очевидцев и их родственников. Отдельным томом предполагалось опубликовать то, что тогда среди заинтересованной публики называлось «Архивами братьев Шевяковых». Старт проекта внушал оптимизм – он прошел несколько этапов программы по книгоизданию, получил специальный грант. Материалы стали готовить к публикации. А вот дальше случилась самая настоящая детективная история. Областная администрация отказалась воплощать в жизнь проект, а подготовленные к публикации материалы исчезли в неизвестном направлении. Вместо этого было решено опубликовать тезисы выступлений участников Губернского общественного собрания (тех самых ультралибералов, что общались в закрытом режиме). Это было бы еще полбеды, если бы для публикации официальная структура не выбрала издательство «Посев». Тот самый «Посев», что сначала сотрудничал с гитлеровцами, а затем с западными спецслужбами всех мастей, став символом не столько «антисоветизма», сколько откровенной русофобии. Когда участников поисково-исследовательской группы «Июль 1918» пригласили в областную администрацию, чтобы вручить им специальный ярославский выпуск «Посева», они отказались принять подобный дар. Например, Андрей Бенедиктович Киселев отметил: «Я отказался даже взять это в руки из чувства внутренней брезгливости».

Позднее предпринимались многочисленные попытки издать хоть что-то связное и логичное по истории Ярославля 1918 года: выходили статьи, показывались фильмы, публиковались сборники документов (странным образом напоминающие «Архивы братьев Шевяковых»^[1] с небольшими «вкраплениями»). Однако последовательного и детального изложения событий, в ходе которых был уничтожен Ярославль, так и не случилось. Раз

уж точка в этой истории не была поставлена двадцать лет назад, то ее надо поставить сегодня.

Глава 1

Город купцов и приказчиков

Ярославль в своей исторической части расположен на территории между двумя реками: небольшой Которослью и Волгой, в которую она впадает. Здесь великая река еще не настолько широкая, как, например, в Поволжье. До революции Волга в городской черте в засушливое лето могла обмелеть настолько, что ее можно было перейти вброд. Это уже после того, как в 40-е годы возникло Рыбинское водохранилище, рукотворное море Центральной России, Волга специально углублялась, дабы стать полноводной и пригодной для стратегического судоходства. Цель была достигнута, хотя и не без потерь – в результате изменения природных ландшафтов и топографии дна Верхняя Волга раз и навсегда лишилась благородной рыбы. А ведь еще каких-то сто лет назад осетров, стерлядь и белорыбицу ловили прямо в черте города. Надо отметить, что ярославец почти никогда не жил с земли: одних кормила Волга, другие промышляли ремеслом и торговлей. Это сформировало специфический местный менталитет, который Гоголь отразил в пассаже про птицу-тройку, упомянув *«расторопного ярославского мужика»*. Позже Сталин, не без симпатий относившийся к Ярославлю (хотя бы по причине того, что волжский город жутко ненавидел Троцкий), любил упомянуть *«хитрого ярославца»*. Как-то Вячеслав Молотов передал писателю Феликсу Чуеву слова *«вождя»* по этому поводу: *«В Ярославле, говорил он, такой оборотистый живет народ, что евреев там почти нет, там сами русские выполняют эти функции»*. Действительно, в Ярославле было много купцов, да и прохиндеев – тоже. Собственно, своим официальным возникновением город обязан неприятному инциденту. Живший в здешних краях народец любил грабить проплывавшие мимо корабли, что никак не устраивало ростовских князей (Ростов Великий, расположенный чуть севернее Ярославля, ранее считался более древним и важным городом). По легенде, поехавший наводить порядок князь Ярослав (предположительно Ярослав Мудрый) зарубил секирой тотемного медведя, которого местные жители выпустили на прибывших «гостей». С тех пор на гербе Ярославля изображен медведь с секирой. Сам же князь повелел заложить на месте поселения *«Медвежий угол»* (древние хронисты, к великому сожалению, не удосужились сообщить ни его историю, ни возраст), город-крепость,

названный его именем. Так, собственно, и возник Ярославль, который в 2010 году отпраздновал свое тысячелетие.

До какого-то момента история Ярославля была вполне стандартной для России и для обычного города. Стал центром самостоятельного княжества, не раз разорялся ордынцами, выступил в союзе с Москвой в борьбе против Твери. Возвышение города начинается в царствование Ивана Грозного. Тот вообще благоволил северным городам: Вологде, Александрову, Архангельску. Ярославль не был исключением. Именно здесь грозный монарх чудесным образом исцелился от тяжкого недуга – болезни ног, а потому регулярно бывал на богомолье либо в лежащем на берегу Волги близ города Толгском монастыре, либо в расположенном в самом центре Ярославля Спасо-Преображенском монастыре, который и гости города, и сами ярославцы иногда по привычке называют «кремлем». Исключительно важное стратегическое положение Ярославля было обнаружено, когда англичане начали торговать с Россией через Архангельск, открыв путь через Северное море. Пересечение торговых путей, пролежавших как по Волге (запад – восток), так и до Москвы (север – юг), делает Ярославль крупным торговым центром. Здесь постоянно находятся иностранные купцы, открываются зарубежные торговые фактории. «Смута» несколько урезала аппетиты ярославских купцов. Но Ярославль несколько раз дает отпор полякам, став одним из центров сплочения «национально-освободительных сил». Весной 1611 года из Ярославля во все стороны рассылались грамоты, в которых содержался призыв направлять в город ратных людей. Считалось, что этот призыв относился к ополчению Ляпунова, то есть первому ополчению. Но доподлинно известно, что ополчение Ляпунова никогда не собиралось в Ярославле. Кроме того, грамоты, посланные, например, в Казань, могли достигнуть города не раньше лета, когда «ляпуновцы» уже стояли под стенами Москвы. Опять же, первые попытки противостоять полякам и самозванцам были зафиксированы именно летом 1611 года и именно в Казани. В августе 1611 года казанцы снесли с нижегородцами и выработали соглашение, что отвергнут любого царя, посаженного на трон «без согласия на то земли». В Ярославль, который на время становится столицей России, стекаются отряды ополченцев – в том числе из Нижнего Новгорода. Сразу отметим, что в списке сформированного в Ярославле «русского правительства» – «Совета всея Земли» князь Пожарский и Кузьма Минин значились соответственно на десятом и пятнадцатом местах. В данном случае важным было не то, что ярославские купцы выступили финансистами ополчения, а то, что они существенно помогли утверждению

новой династии. Первоначально представители Земского собора 1613 года направились в Ярославль, так как полагали, что юный Михаил Романов находится именно здесь. Позже за ним в Кострому послали малую делегацию, устроив широкую встречу на подъезде к Ярославлю. После окончания Смуты целый ряд ярославских купцов получил, говоря нынешним языком, феноменальные налоговые послабления от нового царя – Михаила Федоровича. Они были провозглашены «государевыми гостями». Начался неслыханный расцвет Ярославля – в городе было принято, что в каждом квартале (одна купеческая семья) должна быть собственная каменная церковь. Приблизительно на полтора века Ярославль становится купеческой столицей России. Благодарность царя Михаила ярославским купцам за вклад в дело прекращения Смуты была настолько огромной, что одного из них – Надею Светешникова – он сделал личным закупщиком товаров для царского двора. Одновременно с этим Светешников получил под свой контроль почти все поставки и производство соли в России. Его деловые интересы простирались от Архангельска до Перми и Самары. Он нанимал ватаги рискованных людей и посылал их осваивать Восточную Сибирь. В России почти в каждом городе стояла лавка Светешникова либо действовал его приказчик. Кроме этого, ярославские купцы контролировали торговлю пушниной и добычу рыбы.

Утрата статуса «купеческой столицы» связана с изменением торговых путей, что, в свою очередь, было связано с появлением Санкт-Петербурга. Впрочем, Ярославль от этого пострадал не очень сильно. В городе начинается бурный расцвет фабричного производства. Ярославская Большая мануфактура снабжает всю страну дешевым ситцем (изначально «ситцевая Русь» – это именно Ярославский край), а белильные заводы производят краски в общенациональных масштабах. Кроме того, в Ярославле возникает первый русский академический театр, а его создатель Федор Волков становится на некоторое время приближенным лицом молодой Екатерины Второй. Именно Волков был постановщиком коронационного шествия «Торжествующая Минерва». Именно с этого момента отличительной чертой Ярославля становится странная смесь из предприимчивости, смешанной, с одной стороны, с фанатичными верноподданническими настроениями, но с другой стороны – с культурными устремлениями. Политический типаж, крайне отличный от реакционного Скалозуба, но более близкий к просвещенному консерватору или даже к консервативному революционеру. Если говорить о городском политическом ландшафте начала XX века, то на нем гигантской глыбой высилось самое многочисленное в России отделение «Союза русского

народа». Только по официальной статистике в нем состояло более 23 тысяч человек. Из них почти треть была весьма активной. Политический вес этой монархической организации был столь велик, что даже местная либеральная пресса (таковая была, наверное, в каждом городе) не решалась назвать ярославских монархистов черносотенцами. Вместо этого привычного для многих слова использовался другой термин – «союзники» (от «Союза Русского народа»). В этом обозначении звучал и потаенный страх, и нескрываемая зависть на предмет того, что монархистам удавалось настолько мобилизовать народные массы в Ярославле.

Когда в «Союзе Русского народа» произошел раскол, то на общероссийском уровне считалось, что главной будет та ультраправая организация, которая сможет привлечь на свою сторону ярославцев. Однако, к великому разочарованию и Дубровина, и Пуришкевича, и Маркова, ярославские «союзники» дистанцировались от всякой фракционной борьбы. Их предводитель доктор Кацауров посчитал, что надо бороться за объединение усилий, а не стремиться к размежеванию. В итоге ярославцы, как пожарная команда, выезжали на многие митинги и шествия в соседние регионы, где выступали своего рода активным костяком, хотя и не были местными. В городе в либеральной среде даже родилась шутка, связанная с революционными волнениями в Турции: «*Турецкий паша пригласил ярославских союзников, дабы те научили работе турецких черносотенцев*». Между тем нельзя сказать, что доктор Кацауров был каким-то ограниченным «охотнорядцем». Внешне он чем-то напоминал критика Добролюбова: длинные волосы, небольшие очки, ни усов, ни бороды. Он был весьма уважаемым человеком в городе – Кацауров создал и лично практиковал в одной из самых современных на тот момент офтальмологических клиник, которая располагалась в Ярославле на Волжской набережной. Когда в 1915 году он ушел из жизни, то благодарные горожане сочинили что-то вроде траурной оды:

*На что ни взглянешь в этом зданье,
Напоминает нам о том,
Что самым первым от созданья,
Здесь Кацауров был врачом.
Вот здесь, при входе, он молился
Перед иконою святой,
Там, за столом, писать садился,
Тут ожидал его больной.*

Другой отличительной политической чертой Ярославля было фактическое отсутствие крупных революционных потрясений. Впрочем, даже в городе на Волге не обходилось без исключений. В 1895 году квартировавший в Ярославле Фанагорийский полк был вынужден применить оружие в отношении рабочих Ярославской Большой мануфактуры. А на подъеме революции, 5 декабря 1905 года, казаки разогнали «мирную» демонстрацию, которая настойчиво пыталась прорваться к губернаторской резиденции. Кстати, разгон начался после того, как «мирные» рабочие открыли огонь по казачьему разъезду, и несколько казаков было убито. Тем не менее ничего подобного уличным сражениям в Москве или Санкт-Петербурге в Ярославле не было. Зато, как и везде, в Ярославле случалась масса чиновничьих недоразумений. Взять хотя бы целую эпопею, стартовавшую в мае 1911 года. В один из теплых дней этого славного месяца служащие местной казенной палаты приняли решение упразднить рукопожатия. Этот обычай, практикуемый издревле при встрече и прощании, был провозглашен *«ненужным, неинтересным и впустую отнимающим время»*. Нет чтобы признать несуразность решения, чиновничество решило обосновать его, чем еще более усугубило обстановку. В частности, заявлялось: *«Люди обставили свою жизнь и стесняют себя столькими, действительно, не имеющими за собою разумных обоснований обычаями условностями вроде визитов, рассылки визитных карточек и т. п., что всякий шаг к высвобождению от этих „китайских“ церемоний можно только приветствовать»*. И вот на этом бы и закончить полемику, развернувшуюся между ироничной публикой и некоторой частью чиновничества. Ан нет! Служители карандашей и счет решили найти новые аргументы, чем вызывали новый поток неприкрытых насмешек. Наверное, им не стоило отмечать, что рукопожатия и поцелуи *«с медицинской точки зрения признаются антигигиеническими»*. Острословы замечали по этому поводу, что рукопожатия могут способствовать распространению чахотки, а потому служащие казенной палаты непременно должны были стать активистами Общества Белой Ромашки (оно занималось борьбой с туберкулезом).

«Но были ли в Ярославле приличные чиновники?» – спросите вы. Разумеется. Если верить источникам, то это в первую очередь были ярославские губернаторы. Например, Дмитрий Николаевич Татищев, возглавлявший губернию накануне Первой мировой войны, терпеть не мог «продвиженцев» по службе. В одном из обращений к местным полицейским чинам он заявил: *«Раз чиновнику потребовалась протекция, то, следовательно, его служебная деятельность не настолько безупречна,*

чтобы быть отмеченным его прямым начальством». И в подтверждение этого начал борьбу с коррупцией, первой жертвой которой «пал» пристав первой части Нечаев. Его вина заключалась в том, что в служебное время он распространял билеты на бенефис госпожи Нежиной. Кроме того, было подозрение, что он выдал залог бывшему содержателю летнего театра на Казанском бульваре Бишоф-Сокольскому. Делать было нечего – за дело взялся ярославский полицмейстер Н. Волков, но в тот момент Нечаев отделался лишь тремя сутками, проведенными на местной военной гауптвахте.

Еще более героической фигурой выглядел предшественник Татищева, губернатор Александр Александрович Римский-Корсаков. Брат знаменитого композитора, убежденный монархист, он жестко пресекал любые революционные волнения как в городе, так и в губернии. Так что не было ничего удивительного в том, что 28 февраля 1907 года местная ячейка партии эсеров организовала на него покушение. В тот день к нему в приемную пришел якобы студент Демидовского лицея, принесший приглашение на концерт. Когда губернатор стал расспрашивать о концерте, визитер выхватил браунинг, но выстрелить не успел. Завязалась борьба, подоспели служащие канцелярии, покушавшегося скрутили. Оказывается, Римского-Корсакова спасло то, что террорист забыл снять пистолет с предохранителя. Не успело пройти с момента эксцесса нескольких дней, как ярославский поэт В. Колесников сочинил творение, называвшееся «Ярославский губернатор и революционеры». В этой поэме интересно не столько рифмованное описание самого покушения, сколько подчеркнутые качества губернатора:

*..Двери смело отворяет
Любой бедняк, иль инвалид,
Кому погибель угрожает
От сильных, или от нужды,
Тот здесь поддержку получает,
Защиту от лихой беды.
Был час – нуждою удрученный
Народ сюда толпой валит,
Утешен каждый выходил.*

Глава 2

«Тихая» губерния

Октябрьская революция дошла до Ярославля в мирном виде. Сообщение о победе вооруженного восстания в Петрограде ярославцы получили 26 октября. Как говорила советская историография, *«в этот день на всех митингах и собраниях рабочие требовали перехода власти к Советам»*. 27 октября 1917 года Ярославский Совет совместно с представителями фабрично-заводских и полковых комитетов, несмотря на сопротивление меньшевиков и эсеров, большинством голосов (88 «за», 46 «против», 9 «воздержались») постановили: *«Передать власть в руки Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов»*. Сами ярославцы реагировали на революции 1917 года (что Февральскую, что Октябрьскую) настороженно и без лишних слов. Однако передать власть Советам в Ярославле оказалось много проще, нежели удержать. Город и губерния стали напоминать паровой котел, у которого сломался клапан. Недовольство нагнеталось, причем нагнеталось в открытом виде. Постепенно становилось очевидным, что дело вовсе не кончится мирным исходом. 27 января 1918 года в Ярославле произошел первый мятеж. В тот день группа солдат 211-го запасного пехотного полка во главе с командиром полка Власовым подошла к штабу Красной гвардии и потребовала разоружения красногвардейцев и выдачи членов штаба. Находившихся при штабе красногвардейцев разоружили и отправили в Дом Народа на Волжской набережной, где учинили над ними *«судебное разбирательство»*, то есть самосуд. Главным вопросом, который разбирался на самозваном суде, был вопрос о том, нужна ли Красная гвардия. От расправы красногвардейцев спасло только чудо. На следующий день командующему войсками Московского военного округа Муралову сообщали: *«События в Ярославле таковы. Здесь давно велась агитация против красной гвардии, как некоторыми несознательными солдатами, так и обывателями; поводом к этому были отрицательные явления отдельных красногвардейцев. 27 января 211-й запасной пехотный полк пришел к Центральному штабу Красной Гвардии, обезоружил его и десятка три красногвардейцев. Попы усиливали это контрреволюционное движение. Поговаривали о выступлении против рабочих и местного совета. Я приехал в Ярославль 27 января в 12 часов ночи. Тот час же было устроено*

заседание Исполнительного Комитета, где выяснилась опасность момента. В 12 часов утра 28 января устроил заседание президиумов полковых комитетов семи воинских частей совместно с командирами и комиссарами частей по вопросу о разоружении красной гвардии и дележа полкового имущества. На этом заседании я выяснил, что не все полки стояли за разоружение красной гвардии». Тогда ярославский Совет предполагал решить проблему путем введения в губернии и в городе военного положения, а всех недовольных предлагалось расстреливать на месте. «С контрреволюционными агитаторами и погромщиками буду поступать беспощадно, начиная с арестов и кончая расстрелами без всякого суда и следствия. Но так как в Ярославле 60 церквей и три монастыря, поэтому непорочных отцов здесь весьма достаточное количество для подобной пропаганды и получены сведения, что в церквях они призывают к вооруженному восстанию».

Упоминание священнослужителей в связи с беспорядками было отнюдь не случайным. На следующий день, то есть 28 января 1918 года, в Ярославле начался так называемый поповский мятеж. Сведения о нем сохранились совсем отрывочные, поэтому придется ограничиться информацией, которая приводится в официальной советской историографии. «Церковники вместе с меньшевиками и правыми эсерами, бывшими чиновниками, кацауровцами открыто выступили против Советской власти. Под видом „крестного хода“ толпа черносотенцев с пением: „Боже, царя храни!“ заполнила некоторые улицы центральной части города. В толпе раздавались призывы к погромам и свержению Советской власти, а также провокационные выстрелы. На Екатерининской (затем Крестыанской) улице „богомольные“ лавочники избili нескольких советских служащих, а потом с ружьями, топорами и револьверами напали на группу красногвардейцев в районе „Мытного“ рынка. Красногвардейцы были обезоружены и избиты. Такие же беспорядки в тот же день происходили и на других улицах города. Выступали ораторы-черносотенцы, раздавались призывы к разоружению Красной гвардии и милиции. Подоспевшие красногвардейцы совместно с отрядом солдат только лишь к вечеру сумели восстановить порядок в городе».

На февраль 1918 года в Ярославле было намечено несколько крупных крестных ходов, и представители советской власти откровенно боялись, что дело закончится новыми беспорядками и попытками разоружить Красную гвардию (забегая вперед, можно сказать, что только зимой 1918 года подобных попыток было по меньшей мере три). В Москву летит очередной

запрос: «17 февраля назначают крестный ход, а пока ведут усиленную свою агитацию, то я прошу ваших указаний, как поступать с этими лицемерами, святыми отцами. Арестовывать их и сажать ли в тюрьму или запретить церкви и монастыри?» Впрочем, Ярославский Совет не решился на столь радикальные меры. Ссылаясь на уважение чувств верующих, религиозное шествие в этот день официально разрешили. Однако было сделано строгое предупреждение, что ответственность за сохранение порядка будет возложена на духовенство. Одновременно Ярославский Совет опубликовал обращение к населению Ярославля. В нем говорилось: «Духовенство, опечаленное по материальным соображениям отделением церкви от государства, занялось вместо проповедей о смирении и кротости агитацией, направленной к свержению Советской власти. Крестный ход, назначенный на 17 февраля, направлен против власти рабоче-крестьянского правительства». Обращение далее призывало население города не поддаваться на провокации, соблюдать спокойствие и выдержку. Для поддержания порядка в городе и уезде были выделены небольшие воинские отряды, в которых предварительно прошли митинги и собрания. Общее собрание солдат 211-го полка постановило: «Никакого участия в крестном ходе, устраиваемом буржуазией и попами, не принимать, и 211-й полк заявляет, что он твердо стоит на страже интересов трудящихся». На случай вооруженных выступлений контрреволюции городской комитет партии образовал чрезвычайный штаб, которому были подчинены воинские части. Штаб возглавили большевики П.Д. Будкин и Д.И. Гарновский. Несмотря на имевшие место во время крестного хода провокационные призывы, участники шествия мирно разошлись по домам.

Опасаясь, что ситуация выйдет из-под контроля, 3 марта 1918 года Ярославский губисполком обращается в исполнительный комитет Ярославского Совета об объявлении губернии на военном положении. «Управление губернией должно быть передано Губернскому Военно-Революционному Комитету; ему же подчиняются все вооруженные силы в губернии. При этом все общественные учреждения и заведения с 11 часов вечера до 6 часов утра прекращают работу, а на аналогичное время прекращается движение по улицам без особых пропусков местных советов воспрещается, то есть вводится «комендантский час»». Самым важным в этом обращении был призыв к «беспощадной борьбе вплоть до расстрелов с погромной агитацией, спекуляцией и контрреволюцией». Также планировалось запретить проведение без особого разрешения любых собраний, митингов и сборищ. Положение было отменено только в

последних числах апреля. Впрочем, это вовсе не значило, что обстановка в городе нормализовалась. 31 марта 1918 года «Известия советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов города Ярославля и Ярославской губернии» № 56 публикуют приказ ярославского комиссара Красной гвардии и губернского комиссара гражданской милиции, в котором среди прочего сообщалось: *«Принимая во внимание замыслы кучки несознательных железнодорожников относительно разоружения красногвардейцев, истинных поборников свободы и революции, я, губернский комиссар гражданской милиции и красной гвардии, категорически заявляю: всякий, кто бы ни был, если позволит напасть на рабочую красную гвардию, не имея мандата от Совета, есть контрреволюционер, и по отношению к нападающему будут приняты самые суровые меры наказания по законам военного времени»*. Как видим, действия против Красной гвардии были готовы предпринять уже не пресловутые черносотенцы, а железнодорожные рабочие.

О радикализации настроений и желании применить вооруженную силу можно прочитать в сохранившихся дневниках потомка старинного дворянского рода, поручика кавказской горной артиллерии Александра Лютера. В последние дни февраля он делает запись: *«Под Рыбинском один богатый купец... стоял на полустанке. Мимо него проходили эшелоны с войсками, пушками, повозками.*

– Братцы! Продайте пару пушек!

– Дашь 200 рублей – свалим.

Купец заплатил 200 рублей, и ему скатили с платформы две пушки и дали в придачу шесть зарядов. Свез он пушки в свое имение, поставил у дома, направил на деревню, зарядил и созвал крестьян.

– Вот две пушки, – сказал он им, – обе заряжены. Вернувшиеся с фронта сыновья умеют стрелять. Вы можете со мною делать что хотите: жечь, громить, что угодно, но знайте, что от вашей деревни ничего не останется.

И с тех пор у купца с крестьянами хорошие отношения...»

31 марта в Ярославле начались массовые беспорядки, которые рисковали перерасти в открытые столкновения. Некоторые из историков, словно желая оправдать положение советской власти, писали по этому поводу: *«Крайне тяжелое положение с продовольствием в Ярославле и других городах губернии было обусловлено многими причинами. Сказывался недостаточный подвоз продовольствия для этого потребляющего региона. Неурожайным на многие культуры был в губернии предыдущий год. Но отчасти продовольственный кризис был вызван и политическими*

причинами. Очевидец и участник многих событий в Ярославле в октябре 1917 г. – июне 1918 г. Р. Гольдберг позже вспоминала, что сотрудники продовольственной управы одними из первых объявили саботаж новой власти, пытаясь вызвать недовольство населения. Когда же их как саботажников уволили и стали заменять советскими работниками, то они уничтожили при передаче дел многие важные документы, статистические сведения, отчеты и проч.». В сборнике, посвященном ярославскому мятежу, «Шестнадцать дней» отмечалось, что попытки разгрома продовольственных лавок и складов не имели случайного характера, чувствовалась определенная организованность. Она проявлялась, в частности, в том, что в момент таких конфликтов неожиданно появлялись люди с мешками, корзинами и прочей тарой, заранее приготовленной на случай разгрома складов.

Так что же случилось в Ярославле 31 марта 1918 года? Официальная сводка описывала начало событий так: «Вчера утром около 9–10 часов толпа в количестве более 2000 человек граждан из волостей Сереновской, Бурмакинской и Диево-Городищенской, состоявшая, главным образом, из сельских кулаков и спекулянтов, явилась к Продовольственному Отделу, находящ. на Волжской набережной в д[оме] Кузнецовой, с ультимативными требованиями о выдаче хлеба. Темные личности, воспользовавшиеся особенно нервным настроением толпы, стали агитировать за разгром Продовольственного Отдела, указывая на некоторые дефекты в работе Отдела и распространяя совершенно нелепые слухи о деятельности членов такового. К моменту прибытия на занятия служащих и членов Отдела толпа была уже достаточно подготовлена к выступлениям погромного характера. Отдельные личности в толпе были вооружены охотничьими ружьями. По прибытии на службу членов Отдела толпа вначале не пропускала их в помещение, но после уговоров пропустила; из толпы вошло в помещение Отдела около 150 человек с требованиями о немедленном отпуске хлеба».

После этого была предпринята попытка начать переговоры, для чего предлагалось каждой из волостей делегировать по три человека. Однако собравшихся крестьян это явно не устраивало: «Толпа не слушала предложений, не давала говорить, не избирала делегатов и не выпускала председателя и членов Отдела из помещения; запрудив помещение Отдела, толпа осыпала служащих градом ругательств, угроз». Далее штаб Красной гвардии направил для наведения порядка десять человек, которым явно было не по силам справиться с двумя тысячами возмущенных крестьян. Часть красногвардейцев успела скрыться в помещении,

остальных разоружили и избили. Во время борьбы один из них, защищая голову от ударов, присел, держа винтовку отвесно перед собой, и произвел выстрел вверх; толпа расступилась. Но через минуту из толпы начали стрелять по зданию. В этой стихийной перестрелке погибли два человека. Окончание инцидента местная газета описывала так: *«Напуганные стрельбой и обнаружением трупов женщины из толпы разбежались, оставшиеся мужчины частью пошли искать поддержки у солдат местного гарнизона, а частью отправились в бывшую гостиницу „Столбы“, и сборище у здания Отдела разошлось».*

Однако спокойствие оказалось временным: на следующий день после этого столкновения начались массовые волнения среди рабочих Ярославской Большой мануфактуры. Наблюдатели сообщали: *«Состоялся грандиозный митинг, на котором некоторые представители правых политических партий недвусмысленно выступали против Советов, и, что знаменательно, они пользовались успехом у несознательной части собрания».* Чтобы успокоить рабочих, прибыл председатель губисполкома Доброхотов и *«разъяснил, что Советы рабочих, солдат и крестьян сейчас принимают самые решительные меры для изыскания хлеба и вообще продовольствия. Советы строго следят и контролируют всю деятельность [продовольственных] отделов, для чего на днях избрана чрезвычайная комиссия по борьбе со спекуляцией и следственная комиссия для расследования всей деятельности Продовольственных отделов».* В своем выступлении он прибегал к откровенной демагогии. Например, при принятии во внимание совокупности исторических фактов следующие аргументы выглядят как обыкновенное пустословие: *«Не вина Советов в том, что нельзя быстро за три месяца Советской власти наполнить всю страну хлебными запасами, когда продовольственная разруха так тяжела. Когда в наследие от старого режима, от господства Керенских осталось для Советской власти разрушенная, голодная и измученная страна. Теперь дело за самосознанием рабочих, за их революционной выдержкой и рабочей дисциплиной поднять страну, вывести на светлый путь социализма и не дать погибнуть великой русской революции».*

Между тем беспорядки и не думали прекращаться – они лишь ширились. Началась забастовка железнодорожных рабочих, волнения перекинулись на соседние города. 2 апреля на почве продовольственного кризиса начались беспорядки в городе Рыбинске. События во многом напоминали ярославские – в продовольственный отдел явилась толпа крестьян из близлежащих деревень с требованием немедленной выдачи хлеба. К толпе присоединилась манифестация железнодорожников,

враждебно настроенная к местному Совету. Свидетель сообщал: «*Вся эта толпа направилась к Совету и к Старой Бирже, где находились склады муки. По отношению к отдельным деятелям Совета было применено грубое насилие; они были избиты. Затем толпа направилась к Старой Бирже, покушаясь разграбить мучные запасы. Назревала полная картина самосудов и погромов. В этот момент Красной армией была применена сила оружия и раздались выстрелы. Оказалось, что и железнодорожники запаслись на „всякий случай“ оружием и пулеметами. Началась форменная перестрелка, закончившаяся поздно вечером*». Фактически в Рыбинске началось вооруженное антисоветское выступление.

На другой день, 3 апреля, Исполнительным Комитетом Советов г. Рыбинска было опубликовано следующее воззвание: «*Товарищи и граждане! Контрреволюционные темные силы окончательно обнаглели. Примазавшись к демонстративному движению железнодорожников, требовавших освобождения из-под ареста М.Я. Михайлова, Левина и других, кучки разжалованных офицеров, студентов, помещичьих и купеческих сынков и прочей белогвардейской швали решили использовать момент и начать атаку против Советской власти. Через несколько минут движение переросло их инициаторов – меньшевиков и железнодорожников и приняло явный контрреволюционный характер. Потребовалось вмешательство вооруженной силы, чтобы спасти от самосудов толпы целый ряд членов Исполнительного Совдепа. Все громче и громче, смелее да смелее раздавались голоса, что пора уже окончательно расправиться со столь ненавистным для всей буржуазии и мародеров советом депутатов. Красными знаменами железнодорожников воспользовались все заклятые враги Революции, которые до сих пор и пикнуть не смели. Теперь эти черные гады вылезли из своих нор и пытаются задушить Рабоче-Крестьянскую власть. Но да не будет этого! Советская власть не допустит осуществления затаенных вождлений явных и скрытых контрреволюционеров*». После этого последовала вполне недвусмысленная угроза: «*Всякое скопление на улицах будет безжалостно рассеиваться пулеметным огнем*».

Буквально за несколько месяцев в Ярославле советская власть успела полностью дискредитировать себя как идею, что было связано с бесконечными дразгмами, происходившими в местном Совете. Во-первых, революционеры (большевики и левые эсеры) выступали против реформистов (меньшевиков и правых эсеров). Последние контролировали профсоюзы и значительную часть активных рабочих. 9 апреля 1918 года они явились на заседание городского Совета с поддерживающими их

рабочими и солдатскими депутатами и заявили о своих правах. Революционное крыло Совета отказалось признать полномочия вновь прибывших делегатов, а самих меньшевиков и правых эсеров едва ли не силой выгнали из состава Совета. После этого один из лидеров меньшевиков И. Шлейфер, переодевшись в солдатскую форму, проник в казармы 181-го пехотного полка и попытался поднять его на вооруженное восстание против советской власти, за что был тут же арестован и предан суду Военного трибунала. Это вызвало волну недовольства среди рабочих. В документах тех дней значилось: *«Из доклада т. Петрова выясняется обстановка, при которой произошел арест Шлейфера. Когда т. Шлейферу было предложено дать подписку в том, что он не будет вести агитацию против Советов, он отказался, говоря, что не признает существующей власти. За это он был арестован. Но на другой день Губернский исполнительный Комитет счел возможным освободить его на поруки партии, пока пленарное заседание обоих Исполнительных Комитетов не разрешит этот вопрос. Целый ряд ораторов высказывается за то, что арест Шлейфера надо признать правильным, ибо, хотя Шлейфер, как меньшевик, и не выступает открыто с призывом против Советской Власти, он своей агитацией за учредительное Собрание, странными намеками на то, что Совет Народных Комиссаров выпустил три миллиарда не известно на что и другими недостаточными приемами, подрывает в массе доверие к Советам и способствует усилению Контр-Революции. Несколько иначе освещает этот вопрос т. Мусатов – он говорит, что массы поправили и этим объясняется успех агитации Шлейфера. Как чл. объединенной партии, Шлейфер не мог вести агитацию против Советов, как таковых, и веских оснований для ареста его нет».*

Вторая линия конфликта проходила между большевиками и левыми эсерами. Однако при этом шла активная грызня и между самими большевиками, что больше походило на сведение личных счетов. Например, шла форменная война по вопросу о демобилизации ярославского гарнизона. Одни полагали, что демобилизация гарнизона привела бы к перегрузке расстроенного железнодорожного транспорта и возможному хищению военного имущества. Фракция левых эсеров и часть коммунистов губисполкома настаивали на скорейшем исполнении приказа. Фракция коммунистов Ярославского городского Совета решила приказа не выполнять, а потребовала переизбрания губисполкома. Начался острый и затяжной конфликт между партийными фракциями губисполкома и горисполкома со взаимными обвинениями в контрреволюционности и даже

арестами отдельных лиц. *«Коммунисты фракции губисполкома и городского комитета партии арестовывают друг друга»*, – писал в ЦК РКП(б) приехавший в то время в Ярославль С.М. Нахимсон, который должен был занять пост военного комиссара Ярославского округа. Форменная «дворцовая интрига» случилась, когда одна из фракций решила отставить с поста председателя губисполкома Доброхотова. Фактически ярославские скандалы, которые не прекращались ни на день, вызвали к жизни постановление о ревизии местных учреждений Российской Федеративной Советской Республики. На Высшую Советскую ревизию во главе с народным комиссаром М.С. Кедровым (опять же ярославцем), помимо ревизии военного хозяйства, возлагалось приступить к *«выяснению дела, устранению беспорядков и преступлений, восстановлению нормального хода государственных [и] общественных дел, изобличению виновных»* на местах. Первую остановку поезд М.С. Кедрова сделал в Ярославле 29 (30) мая, где он пробыл до 5 (6) июня, затем отбыл в Рыбинск, далее его путь лежал через Вологду.

О деятельности Советской ревизии в Ярославле и Рыбинске известно немного, в основном это приказы наркома М.С. Кедрова, опубликованные в ярославских «Известиях», данные в архивных документах, и незначительные ремарки в исторической литературе, посвященные этому вопросу. Установлено лишь, что правительственная комиссия произвела ревизию Ярославского военного округа. В приказе по итогам ревизии наряду с положительными сторонами отмечались серьезные недостатки и упущения в работе окружного военного управления. Однако правительственная комиссия занималась не только ревизией военного хозяйства, но и вопросами партийной и общественной значимости, состоянием работы советских учреждений, рассматривала заявления. Поэтому поступившей в Высшую Советскую ревизию жалобе рабочих фабрики Сакина (название фабрики по фамилии ее бывших владельцев) на компанию Н.Ф. Доброхотова, пьянствовавшую у директора этой фабрики, вместо того чтобы выяснять и улаживать имевшиеся на фабрике производственные конфликты, придали особое значение. Помимо Н.Ф. Доброхотова назывались Ф.М. Горбунов и Ф.Ф. Большаков. Доброхотов был отстранен от должности председателя губисполкома, но оставался в качестве его члена. По рекомендации наркома, 10 июня губисполком временно возглавил Сырнев, ранее занимавший довольно скромную должность в финансовом отделе. Он был скорее техническим работником, а не политиком, и в данный момент устраивал почти все конфликтующие стороны. На Сырнева возлагалась задача – провести

подготовку к губернскому съезду Советов (его открытие готовилось на 1 июля) и не допустить усиления конфликта между большевиками и левыми эсерами, которые 20 июня провели свой II (крестьянский) губернский съезд Советов, не признанный большевиками. 7 июня 1918 года, после отставки Н.Ф. Доброхотова с поста председателя губисполкома, на заседании городского комитета РКП(б) рассматривался вопрос о кандидатах на замещение этой должности. Обсуждались две кандидатуры, в их числе Ф.Ф. Большаков. В ходе прений выступавшие высказывались против его кандидатуры, так как он был «замешан в разных скандалах... Его политическое поведение тоже не соответствует тактике большевиков. Не замечено за ним выдержанности и стойкости по отношению к партии коммунистов» (Г.И. Петровичев). Отмечалось, что «авторитет Большакова уже подорван в массах и поэтому нельзя выставлять его кандидатом».

Кроме этого, отдельный конфликт развивался по линии «наши» и «присланные», что со временем стало приобретать откровенно антисемитский характер. Дело в том, что в Ярославль из Петрограда были присланы Семен Михайлович Нахимсон и Давид Закгейм. Со временем один стал председателем Ярославского губисполкома, а второй – председателем исполкома Ярославского городского совета. Это породило массу недовольных толков о том, что «петроградские евреи узурпируют власть в Ярославле». И что показательно, никто их не считал «неприкасаемыми». Давид Закгейм руководил в Ярославле национализацией банков и предприятий, реквизициями. Накануне восстания он был обвинен недовольными «ярославскими большевиками» в злоупотреблениях при реквизициях и фактически находился под следствием. Семен Нахимсон накануне июльских событий пытался вызвать в Ярославль из Рыбинска отряд латышских стрелков, но его решение не поддержал горком большевистской партии. Политический кризис в Ярославле стал совершенно очевидным, когда начался Третий губернский съезд Советов. 2 июля 1918 года левые эсеры покинули съезд и создали собственный губисполком, параллельный большевистскому (возглавленному С.М. Нахимсоном). В итоге накануне ярославского мятежа в городе сложилось красное двоевластие, хотя правильнее было бы говорить о многовластии.

Глава 3

Заговорщики

В истории Ярославского восстания есть несколько неизученных глав. Какие-то сюжеты старательно замалчивались по идеологическим соображениям, какие-то обходились стороной, ибо казались незначительными. Подготовке к восстанию никогда не уделялось должного внимания, ибо советская историография полагала, что ей все и так известно (читай: «выявлено ЧК»). Дело в том, что представший перед судом Борис Савинков, которого обычно относят к инициаторам вооруженного выступления в Ярославле, дал покаянные признания, и это вполне удовлетворило советскую власть. Если вкратце, то весной 1918 года Савинков, искавший по всей России союзников в борьбе с большевиками, вернулся с Дона от генерала Алексева и начал собирать вокруг себя офицерские группы, из которых позже сформировал «Союз защиты Родины и свободы». Он случайно знакомится с полковником Перхуровым, которого активно привлекает к подпольной деятельности. Организация, получив деньги от представителей Антанты, должна была начать восстания в ряде городов. Впрочем, в мае 1918 года начались массовые аресты среди офицеров – ЧК разоблачила их тайный союз. После этого в спешном порядке было решено начать выступление, центром которого должны были стать Ярославль и Рыбинск. Версия, изложенная Савинковым, кажется вполне убедительной, если не считать того, что представляет лишь его точку зрения. На самом деле при изучении документов бросается в глаза масса нестыковок и неточностей, которые в итоге ставят под сомнение слова Савинкова.

Начать хотя бы с появления в его окружении полковника Перхурова. Сам Перхуров во время суда над ним знакомство с Савинковым, равно как обстоятельства этого знакомства, описывал следующим образом: *«Вот в этот период, когда я находился в безвыходном положении в Москве, я встретился с неким Кошелевым, который говорил, что он помещик. Он хорошо владел языками, но вид у него был такой, который заставлял сомневаться. И вот этот Кошелев сказал относительно того, что приехал Савинков, который узнал от Кошелева, что я приехал в Москву, и хочет со мной познакомиться. Он сказал: Савинков имеет открыть какое-то дело и подбирает надежных людей. В чем дело? Кошелев очень*

уклончиво ответил, и я задерживался идти туда. Не пошел я туда потому, что он мне рисовался террористом-эсером. Потом я встретился опять с Кошелевым, который передал мне настойчивое приглашение и одновременно сказал, что Савинков не то выключен, не то сам вышел из партии эсеров. Я потом пошел туда и встретился с Савинковым в номере гостиницы в Соболевом переулке». Получается, что Савинков, опытный конспиратор и террорист, пригласил свергать советскую власть и сделал своим доверенным лицом едва ли не первого встречного.

В действительности встреча была отнюдь не случайной. И инициатором знакомства был вовсе не Савинков. Полковник Перхуров сознательно опустил во время допросов часть своей деятельности, пытаясь предстать перед трибуналом простым разочарованным офицером. Прежде чем продолжить рассказ о заговорщиках, оказавшихся летом 1918 года в Ярославле, надо хотя бы несколько слов сказать о полковнике Перхурове, которому предстояло стать центральной фигурой в истории мятежа.

Перхуров Александр Петрович родился 1 января 1876 в селе Шерепово Тверской губернии. Из дворян, сын титулярного советника. Окончил 2-й Московский кадетский корпус, затем Александровское военное училище и Николаевскую академию Генерального штаба – кадровый военный. Участник Русско-японской и Первой мировой войн. В январе 1915 года за боевые отличия произведен в подполковники. В январе 1916 года произведен в полковники, награжден орденом Святого Георгия 4-й степени. Демобилизован в декабре 1917 года как военный, «достигший 40-летнего возраста», выехал к семье в Бахмут.

И именно с этого времени начинаются политические «приключения» Перхурова. Он был не просто «щепкой в потоке событий». В конце 1917 года полковник отправляется на Дон к генералу Корнилову, где планирует примкнуть к только-только начавшей формироваться Добровольческой армии. Причем Перхуров был не простым офицером, лично от Корнилова он получил специальное задание. Очевидец тех событий В.Ф. Клементьев вспоминал: «В большом зале (скорее, холле), что был сразу за входными дверями, оказалось много людей, преимущественно военных. Я заметил полковника Перхурова, который, видимо, меня поджидал. Он увлек меня в правый угол зала, где находился кабинет Верховного (так называли тогда генерала Корнилова). В левом же углу публики было побольше, и была она понаряднее. Там находился кабинет генерала Алексеева. Полковник Перхуров сказал мне, что его вызывал Верховный и предложил вернуться в Москву, вести там подпольную работу по организации антибольшевицких сил. Он это предложение

принял и просил Верховного дать ему в помощники меня». И далее: «Генерал Корнилов обратился к Перхурову и стал говорить о задании, которое он возлагает на него как на своего представителя. Это была прежде всего организация на месте наших людей – офицеров, учащейся молодежи и солдат. Но солдат, он думает, будет немного, а может быть, и совсем не будет, так как старых, надежных солдат нет – погибли на фронте, а теперешние пошли за посулами большевиков».

Как видим, Перхуров вовсе не случайно появился среди заговорщиков и свою деятельность начал много раньше, чем Савинков прибыл с поручением от генерала Алексеева. Надо отметить, что Перхурову за несколько месяцев удалось фактически невозможное – он сформировал настоящую подпольную армию. К моменту знакомства с Савинковым под его началом были следующие силы: 1-я пехотная дивизия воинских кадров (начальник дивизии гвардии полковник Жданов), артиллерийский центр (начальник гвардии капитан Шредер), кавалерийский центр (начальник штаб-ротмистр и Георгиевский кавалер Виленкин), 2-я пехотная дивизия командных кадров, сформированная полковником Сахаровым исключительно из студентов Петровской академии, отряд лейб-гвардии Преображенского полка во главе с капитаном Смирновым, отряд продовольственной милиции (начальник подполковник Бредис). Возникает вопрос, зачем этой армии потребовался авантюрист и сомнительный с политической точки зрения для большинства офицеров Борис Савинков? Ответ дает в своих воспоминаниях все тот же Клементьев: *«До середины апреля 1918 года наша организация не имела никаких денежных средств. Ставить работу и развивать ее было не на что. Мне не раз приходилось слышать от сочувствующих нам лиц: „Раз у вас нет крупных денежных средств, нечего воду мутить! Без денег ничего не выйдет. Ленин со своей гоп-компанией никогда бы не захватил власть в России, если бы ему не оказал всемерную помощь деньгами и опытными агитаторами немецкий Генеральный штаб“».*

Надо отметить, что деньги от Савинкова, который получал их от представителей Антанты, равно и как предложенный им «Союз защиты», вызывали у большинства офицеров открытое недовольство. Причин для этого было несколько, в том числе тот факт, что Антанта через Савинкова настаивала на продолжении войны с Германией, в то время как известное количество офицеров-монархистов стремилось к союзу с империей. Один из очевидцев тех событий так описал сложившуюся ситуацию: *«Как-то „по-частному“ высказал я Перхурову свое мнение об ориентациях: вместо того чтобы дробиться и стоять с протянутой рукой одним у немецкого, а*

другим – у английского посольства (ведь хорошего ни от того, ни от другого не жди), не лучше ли было постараться всем нам, русским, объединиться и сообща ударить по большевикам?» Версия о том, что все участники «Союза защиты Родины и свободы» были поголовно сторонниками продолжения войны с Германией, не выдерживает никакой критики. Известное их количество выступало за тесный союз с прогерманской монархической группировкой генерала Довгерта. И это отнюдь не предположение. Один из попавших под волну арестов участников «Союза защиты Родины и свободы», которая началась в мае 1918 года, оставил такие воспоминания: *«30 мая 1918 года к послеобеденному времени весь подвал ВЧК на Лубянке был забит нами – членами Союза Защиты Родины и Свободы. А сверху все спускали к нам в подвал то одного, то двух, то сразу трех человек – всё членов нашего Союза. Так, втолкнули к нам двух неизвестных, будто членов Союза, будто беспогонных офицеров, и с ними важно спустился, твердо ступая со ступеньки на ступеньку, немецкий фельдфебель в полной своей форме. Куда девались серые наши беспогонники, пришедшие с нарядным немцем, и кто они были такие, я не помню. Но за фельдфебелем стал незаметно наблюдать. Он держал себя независимо, непринужденно, свободно стал всех нас обходить, заговаривать, расспрашивать. Многие наши от немца отворачивались, но кое-кто начинал с ним лопотать на немецком. Но, видно, беспредметный разговор не удовлетворял немецкого фельдфебеля, и он, любезно козырнув, переходил к следующей группе. Пробыл он с нами часа два-три. Покурил, кое-кого угостил папиросами. Глянул на часы (чекисты тогда еще часов не отнимали, и я тоже был при часах), поднялся уверенно к выходной двери, постучал. Ему немедленно открыли. Он ушел, и больше мы этого фельдфебеля не видели. Кто-то тогда с усмешкой сказал: „Приходило немецкое начальство освободить своих ребят“».*

Не будем останавливаться на всех деталях деятельности «Союза защиты» – для этого потребуется отдельная книга. Перенесемся в крайне беспокойную в 1918 году Ярославскую губернию. Савинков полагал наиболее важным захватить Рыбинск; по крайней мере, позже он утверждал, что в Ярославле было недостаточное количество сил. Перхуров в своих воспоминаниях излагал диаметрально противоположную точку зрения: *«Сведения о состоянии организации в Ярославле были настолько хороши, что я усомнился в их справедливости. Высказав это Савинкову, я получил приказание поехать лично самому в Ярославль и проверить возможно точнее действительное положение дел. Вместе с тем я должен*

был отвезти в Ярославскую организацию деньги, в которых она испытывала острую нужду». Утверждалось, что в Ярославле в тайной организации числилось около 300 офицеров, хотя Перхуров не нашел этому никакого подтверждения. Зато его весьма тревожило, что конспиративный штаб оказался на грани раскола. На одной стороне находился немолодой уже полковник Константин Лебедев, которому противостояли весьма активные князь Георгий Шервашидзе и поручик Николай Перлин. Видя, что сил для захвата города может не хватить, руководство «Союза защиты» стало стягивать остатки организации в город на Волге. Проблема состояла в том, что многие прибывшие вели себя не слишком-то конспиративно. Как позже вспоминал один из представителей советской власти: «Месяца за два до мятежа от некоторых товарищей приходилось слышать о появлении в гор. Ярославле приезжих офицеров, и чем ближе к мятежу, тем эти сведения стали появляться чаще и тревожней и уже говорили о численности. Некоторые товарищи говорили, что очень много офицеров бывает на бульваре и что начинают держать себя вызывающе, даже нацепляют значки бывшего царского времени».

Существовало много формальных поводов, чтобы прибыть в город. Кто-то ссылался на коммерческие дела, кто-то пытался устроиться по армейской линии в штаб Ярославского военного округа. Это, кстати, объясняет, откуда у заговорщиков появился доступ к секретным сведениям, равно как и контроль над некоторыми армейскими подразделениями. Впрочем, не всегда подобное трудоустройство было удачным. Например, полковник Карл Гоппер, прибыв в Ярославль, никак не мог получить обещанную ему должность. Сам Гоппер так вспоминал об этом: «За все это время я посещал и большевистский штаб формирования. Прошло уже 3 недели со дня подачи мною заявления в этот штаб, но моего утверждения все еще не было. В настоящее время я и не желал его, т. к. в нем не было уже никакого смысла». Причина отказа в приеме на работу была проста – военный комиссар округа Семен Нахимсон в свою бытность вел революционную агитацию как раз в части Гоппера, там же издавал «Окопную правду» и знал полковника как исключительного контрреволюционера.

И вот здесь мы подходим к самой интересной части подготовки к восстанию в Ярославле; а именно задаемся вопросом: куда же смотрела ярославская ЧК? Уже после ликвидации мятежа советские деятели будут писать о том, что вооруженное выступление было полной неожиданностью, что белогвардейцы соблюдали исключительную секретность и т. д. Впрочем, городской продовольственный комиссар Охалкин сказал вполне

откровенно: «О подготовке к мятежу белых было известно недели за две или за три, т. е. стало очень заметным прибытие большого количества офицерства из разных городов, и в одно время один из военных, не помню кто, сообщил вообще в городской к-т партии, что что-то в Ярославле творится неладное, т. е. концентрируются какие-то неизвестные военные люди (офицерство), и как только было об этом сообщено, в этот же день было созвано экстренное совещание ответственных работников. Партийных, советских и военных, которого это числа, не помню, хотя на этом совещании и был, и когда собрались на таковое, тов. Закгейм сделал о заявленном информацию. И при обмене мнениями на этом совещании еще более подтвердилось сообщение военными, т. е. некоторые из товарищей заявили, что очень стало заметное пребывание неизвестных лиц в городе, но очень подозрительных и часто посещающих Военком и др. организации и т. д. Тогда перед совещанием стал вопрос об организации конспиративного штаба при Военкомате из партийных, советских и военных представителей, которым и было предложено установить секретное наблюдение за подозрительными личностями. И этот штаб собирался ежедневно и заслушивал информации от тех товарищей, коим было поручено то или другое поручение. И в заключение принимались меры к тому, чтобы дата или возможность белым сконцентрировать все силы для того, чтобы иметь возможность сразу раздавить это ядро, и надо сказать, что информация ежедневно давалась штабу о всех приготовлениях белых, но установить, конечно, день выступления их не удавалось. Со стороны штаба было все готово для того, чтобы дать отпор».

Нечто аналогичное заявлял и член революционного трибунала Терентьев: «По-моему, слухов было вполне достаточно, и всем нам приходилось слышать в очередях, что скоро коммунистам попадет, но почему-то не принимались меры, и я помню, как перед мятежом в Доме Народа в закрытом собрании решали вопрос о вооружении всех коммунистов и занятии более тайных постов по караулу, как-то: вооруженный арсенал, склады с обмундированием и военным запасом». О том, что вся операция находилась на грани провала, пусть косвенно, но свидетельствовал и сам Перхуров: «Часов в десять вечера я был в городе и снова встретил Супонина. Взволнованный, он доложил мне, что, очевидно, в городе известно о готовящемся выступлении, так как он только что слышал разговор между какими-то двумя лицами, что на колокольне церкви поставлены сейчас пулеметы, которые будут стрелять, как только они двинутся. Кроме того, около казарм, где содержатся

военнопленные австрийцы и германцы, стоят вооруженные люди; военнопленным, очевидно, выдано оружие, с которым они выступят против нас. Я сейчас же пошел вместе с ним к указанной колокольне. Осмотрев всё, насколько было возможно, я ничего подозрительного не заметил». У Карла Гоппера этот сюжет изложен несколько иначе: «На этом последнем заседании начальник автоотряда поручик С., о котором я выше уже говорил, сообщил нам интересную новость, – что на бывшем в этот день заседании в совдепе обсуждался вопрос о немедленном аресте нашего штаба, причем было названо пять фамилий: 3 полковников: Перхурова, моя и Масло, подполковника П., и капитана С., но что ему, поручику С., удалось уговорить отложить этот арест до более удобного момента, когда можно будет захватить весь штаб полностью. Очевидно, им недоставало Б.В. Савинкова. Эта новость нас, конечно, поразила. Мы никак не могли ожидать такой осведомленности большевиков. Но с другой стороны, мы также не могли сомневаться в достоверности сообщенного, т. к. С. видел на этом заседании меня и Перхурова в первый раз и, по крайней мере, моя фамилия ему не должна была быть известна».

Надо отметить, что Карл Гоппер и вовсе был уверен на все сто процентов, что за ним установлена слежка. Он вспоминал об одном эпизоде, который случился с ним буквально накануне выступления: «За месяц времени я вообще успел присмотреться к Ярославской бульварной публике, но за самые последние дни появились на бульварах совершенно новые для меня лица, преимущественно молодые люди, элегантно одетые. Я подумал, что это, быть может, члены нашей прибывающей организации. На этот раз, когда я сидел сильно взволнованный в ожидании А.П., вдруг подошел ко мне один из таких молодых людей, безукоризненно одетый и заговорил со мной по-латышски, извинившись за беспокойство, он спросил, разве я его не узнаю, так как он служил когда-то писарем в моем штабе на фронте. Далее он высказал удивление по поводу того, что видит меня в Ярославле, тогда как он читал будто в газетах, что я уехал и поступил на службу к чехам. Я, в свою очередь, удивился и заметил, что, вероятно, это написано про кого-нибудь другого, так как навряд ли газеты могут мной интересоваться. Тогда он вытащил из кармана номер “Советских Известий” и показал мне статью про чехов, где между прочим говорилось, что контрреволюционные офицеры проникают через фронт к чехам, как, например, латышский полковник Г. уехал из Москвы и поступил на чешскую службу. У меня сразу возникло подозрение, что вижу перед собой агента красной контрразведки. В дальнейшем разговоре он, узнав, что я занят формированием в Ярославле дивизии, просил, не могу ли

я определить в какую-нибудь должность его брата, бывшего студента Рижского политехникума, который также приехал с ним сюда. Когда я это обещал, он далее спросил, когда может с братом прийти ко мне и, если я позволю, адрес моей квартиры. На вопрос, давно ли он в Ярославле и что делает, он ответил, что приехал только что из Москвы с целью закупить кожу – как раз тот самый повод, который выставляли многие наши офицеры как причину приезда в Ярославль. Я не сомневался более, что за каждым моим шагом снова следят, и даже боялся теперь встретиться с Перхуровым, почему ушел с бульвара».

Заговорщики явно паниковали. Об этом позже на допросах рассказывала актриса Валентина Барковская. На основе ее показаний едва ли можно восстановить всю картину в деталях, но тем не менее они отчетливо передают ощущение того, что вся организация находилась на грани провала. *«Выступление предполагалось позже, но после убийства заподозренного в провокации Марьина, пришедшего в себя и могущего разоблачить готовящееся выступление, решено было приступить немедленно к действиям. Об этом мне сообщил Валентин Супонин, служивший ранее начальником пулеметной команды в советских войсках. Марьин был заколот штыком в номере гостиницы и спрятан под кровать, но потом пришел в себя и начал кричать».*

Так в чем же крылась причина того, что вооруженное выступление в Ярославле не было пресечено? Как говорилось в предыдущей главе, к лету 1918 года в Ярославле сложилось фактическое многовластие. Когда в мае 1918 года чекистами в Москве были проведены многочисленные аресты членов «Союза защиты Родины и свободы», то выяснилось, что отделения этой организации имеются в нескольких поволжских городах, в том числе в Ярославле и Рыбинске. Однако многовластие царило и в ярославских органах, которые должны были бороться с контрреволюцией. Уже с первых недель деятельности Ярославской губернской ЧК наметился конфликт между комиссией и административным отделом губисполкома по вопросу о подчиненности чрезвычайных комиссий. Губисполком считал Чрезвычайную комиссию своей собственной структурой, всецело ему подчиненной. В апреле 1918 года по приказу НКВД в каждом губисполкоме были созданы отделы управления, состоявшие из целого ряда подотделов. В июне на правах такого подотдела оказалась и Губчека. Статус губернской комиссии оказался крайне невысоким. В списке подотделов она упоминалась на последнем месте сразу после подотдела милиции. Кроме невысокого статуса, речь можно вести и о неопределенности статуса губернской Чрезвычайной комиссии. Буквально накануне мятежа в

Ярославле существовало своеобразное двоевластие спецслужб: действовала губернская ЧК, реорганизованная 25 апреля, и после циркуляра НКВД «Об организации отделов управления» подобная структура возникла в отделе управления губисполкома. На основании анализа источников складывается впечатление, что губернские власти, выполняя не всегда согласованные решения «центра», сами вконец запутались в этой сложной системе чрезвычайных комиссий.

Нельзя списывать со счетов и сугубо личностный фактор. За день до начала восстания исполняющий обязанности председателя Ярославской губернской Чрезвычайной комиссии Я.И. Крылов направляет в президиум губисполкома обращение, в котором говорит о сложении с себя полномочий. Объяснение было дано следующее: *«Предлагаю в самое непродолжительное время выделить из членов Губисполкома (безусловно, Коммуниста) на пост председателя Комиссии. В настоящее время я занимаю временно пост председателя Комиссии, но по существу не должен занимать такой высокий пост, так как не состою в партии Коммунистов, а лишь только сочувствующий и являюсь представителем Любимского уезда с 1-го губернского съезда Совдепов»*. Сразу же после этого заявления Крылов уезжает из Ярославля. Если не знать о дальнейших событиях, то в этом нет ничего удивительного, однако главный чекист оставляет свой пост и покидает город в буквальном смысле слова за несколько часов до того, как начнется мятеж. Это не может быть простым совпадением, особенно если принять во внимание сведения, изложенные выше. Очевидно, что Крылов не верил в то, что советская власть сможет долго продержаться в городе, а потому, под благовидным предлогом «дезертировал». Этим же можно объяснить и фактический отказ принимать меры в отношении заговорщиков. В заявлении Крылова так и читается между строк: *«Вот вы, большевики, заварили кашу, вы ее и расхлебывайте, я же – беспартийный и погибать за вашу власть не намерен»*.

Изначально предполагалось начать выступление в ночь с 7 на 8 июля, одновременно и в Ярославле, и в Рыбинске. Однако поскольку все были уверены, что аресты заговорщиков грядут с часа на час, то в Ярославле было решено начинать ночью 5 июля. Принимавший план действий Карл Гоппер так описывал эти экстренные действия: *«Днем выступления было определено 5 июля. Накануне этого дня еще раз собрался наш штаб в номерах, в комнате Перхурова для окончательного принятия плана и выяснения могущих встретиться вопросов и недоразумений. При окончательном подсчете наших сил для начала выступления выяснилось, что имеется всего 300, вместо ожидаемых 400 офицеров, т. к. не все*

ожидаемые прибыли. Приехало 30 чел. калужцев, 12 чел. костромичей и только около 50 чел. москвичей. (Моя вторая поездка в Кострому выяснила невозможность что-либо предпринять в настоящее время в Костроме, почему и было решено костромичей привлечь также для Ярославля.) Приходилось удовлетворяться этими 300 чел., которых было решено разбить на 3 отряда. Половина, то есть 150 чел., при двух орудиях должны были разоружить советский полк в кадетском корпусе, 80 человек с броневиками разоружить и арестовать коммунистический отряд и запереть его в большом театре. Остальным 70 чел. захватить большевистский штаб в доме губернатора, почту, телеграф, радиостанцию, казначейство и выставить заставу за город, а в городе штаб приступает к немедленному формированию отрядов».

Однако как только Гоппер вышел на улицу, то почувствовал за собой «хвост». По своим каналам он передал сигнал «отбой», поскольку опасался, что пришедшие на место сбора офицеры попадут в ловушку. В то же самое время Перхуров, не знавший об этом, вовремя прибыл на окраинное кладбище. Каково же было его разочарование, когда вместо трехсот человек он обнаружил лишь семьдесят. Сам он позже вспоминал: *«Уже совсем рассвело, когда пришли с докладом, что собралось всего 70 человек. Это было меньше, чем можно было предположить даже при самых худших условиях. Однако причина такого явления до известной степени выяснилась тут же: оказалось, что из-за нераспорядительности штаба не все участники могли быть уведомлены о времени и месте сбора. При этом же выяснилось, что два командира полка в последнюю минуту отказались и вышли из организации. Последнее обстоятельство сильно осложнило дело, так как мы потеряли двух наиболее опытных в военном деле лиц».* Ситуация становилась критической. Откладывать надолго вооруженное выступление было рискованно. Выступить же с небольшими силами означало самоубийство. Тогда Перхуров принимает решение, достойное фаталиста. Он переносит начало восстания на один день: *«Я подсчитал, что если соберется не меньше ста человек, то можно дело начать, хотя и с очень большим риском, так как некоторые важные пункты придется первоначально не трогать... Если же будет меньше 100 человек, хотя бы 99, я от выступления в Ярославле отказываюсь и предлагаю желающим направиться на присоединение в Рыбинск».*

Глава 4

Удачный старт

Поздно вечером 5 июля полковник Перхуров в последний раз приехал на съемную комнату. Он больше не собирался сюда возвращаться при любом исходе дела, а потому расплатился за проживание. Взяв дождевой плащ, он направился в город. В одном, все еще работавшем трактире он, предполагая, что в следующий раз нормально поесть ему удастся совсем не скоро, напился чаю и поужинал. Если говорить об обстановке в целом, то ее оценка в воспоминаниях весьма разнится. Например, в своей «Исповеди приговоренного» Перхуров сообщал: *«В городе было повсюду спокойно, и жизнь на улицах шла нормально»*. Однако в мемуарах генерала Гоппера мы можем обнаружить совершенно иную картину: *«Большевики, очевидно, что-то узнали и приняли меры предосторожности, так как по всей окраине города были расставлены посты и по городу разъезжали конные дозоры. Это обстоятельство помешало многим членам организации прийти на сборный пункт. Я направился туда вместе с офицером из Московской латышской группы, поручиком Бирк. Для предосторожности мы отправились окружным путем мимо Земской больницы, но на окраине города за земляным валом мы наткнулись по очереди на три дозора. От первых двух мы отделались большими обходами, но третий, конный, заметив нас, выслал в нашу сторону всадника, который двигался на некотором расстоянии за нами и таким образом заставил вернуться в город; вступить с ним в объяснение было бесполезно рисковать, а нападение могло испортить все дело»*.

Как бы то ни было, но около полуночи в сторону Леонтьевского кладбища потянулись небольшие группы людей, скрывавшиеся в подворотнях и пытавшиеся двигаться по самым узким улочкам. Надо сказать, что Леонтьевское кладбище находилось на западной окраине города. В свое время, когда наместник Мельгунов проводил перепланировку города, он решил снести находившийся близ Рубленого города, то есть фактически в самом историческом центре, храм во имя святителя Леонтия Ростовского. Подобное решение подняло волну недовольства среди местного купечества, так как храм был очень значимым городским объектом. При нем еще в 1714 году была открыта цифирная школа – первое и единственное (до открытия в 1787 году гимназии)

светское всесословное учебное заведение в Ярославле. Состоятельные ярославские купцы выписывали для работы в этой школе петербургских преподавателей. Предвидя возможные осложнения, Мельгунов дал слово, что храм будет не сломан, а перенесен. «Перенос» состоялся в 1789 году. На этот раз он оказался на месте, отведенном для нового кладбища, где «коштом обывателей» был заново возведен Леонтьевский храм.

Впрочем, направлявшихся среди ночи к кладбищу привлекали вовсе не сказания и не ярославские городские легенды XVII века. Можно было предположить, что место сбора заговорщиков было выбрано по причине того, что кладбище было удалено от центра Ярославля. Оно и сейчас является периферией города, а по меркам начала XX века находилось и вовсе «на отшибе». Однако причина, по которой место сбора офицеров было выбрано именно там, крылась в другом. 25 апреля 1918 года демобилизационная комиссия Ярославля с согласия начальника городской милиции Мухина приняла следующее решение. *«Демобилизационная комиссия сообщает, что все артиллерийское имущество, которое подлежит сдаче, ввиду расформирования различных частей и учреждений, сдавать во временный ярославский артиллерийский склад на хранение, помещающийся по Угличскому шоссе, близ Леонтьевского кладбища № с 51 по 68 включительно и два барака за № 88, ранее занимаемые 209 пехотным запасным полком. Вполне исправные и годные пулеметы, револьверы, винтовки, патроны винтовочные и револьверные сдавать в арсенал (Волжская набережная), под расписку заведующему Пчелину».*

Запасы оружия, снаряжения и боеприпасов в Ярославской губернии (в первую очередь в Ярославле и Рыбинске) появились отнюдь не спонтанно. Бывший царский генерал, перешедший на сторону советской власти и возглавлявший в это время Высший военный совет Республики, Михаил Бонч-Бруевич (не путать с братом-революционером Владимиром Бонч-Бруевичем) сообщал в своих мемуарах, что в условиях наступления немецких войск на Петроград «главное внимание» он «уделял тому, чтобы спасти материальную часть разбежавшейся по домам многомиллионной армии..., оттянуть в глубокий тыл, недоступный для германских войск, значительные материальные ценности... Материальную часть Северного фронта удалось оттянуть в район Рыбинска – Ярославля...» Всем этим обстоятельствам можно было бы не уделять внимания, но они отлично показывают, насколько отточенной и, вне всякого сомнения, блестящей была работа разведки, которая была сформирована при тайной офицерской организации. Перхуров был полностью и точно осведомлен, где можно будет достать оружие и боеприпасы в случае вооруженного выступления

против советской власти.

Сбор участников восстания был процессом неспешным. Каждый из шедших опасался, что попадет в засаду. Не исключал такой возможности и сам Перхуров, хотя и пытался быть предельно осторожным. Вспоминая, он записал: *«На окраине города тянулись редкие одинокие фигуры, движущиеся все по одному направлению, к артиллерийским складам. Я обогнал некоторых из них, выйдя за город, засел в канаве между артиллерийским складом и кладбищем. Узнавая кое-кого в темноте, я окликал потихоньку, и вскоре около меня собралось человек шесть. А темные фигуры все двигались и двигались мимо. Из открытых дверей дежурной комнаты пробивался свет, и видно было, что там тоже не спят и ходят люди. Подошел начальник штаба, которого я не видел целый день, так как он был занят оповещением всех для сбора»*. В результате сбор занял приблизительно около полутора-двух часов. Первые из заговорщиков пришли на кладбище ближе к полуночи, а в два часа ночи было решено провести перекличку. Людей пришлось выискивать среди могил, в тени которых те таились в ожидании сигнала. Перхуров вспоминал, что по итогам предварительной проверки на месте сбора оказалось 106 человек. Это было ровно то минимальное количество участников, с которым он был готов начать выступление. Приди на кладбище хотя бы на семь человек меньше, и восстание было бы перенесено либо вовсе отменено. На судебном процессе Перхуров показал: *«Затем, когда постепенно приходили люди, не помню, сколько собралось, но оказалось больше того количества, которое я назначил как минимальное»*. Впрочем, если изучить источники, то может оказаться, что количество первоначально выступивших было заметно большим. В частности, на допросе поручик Владимир Шокальский показал: *«Сбор всех был назначен на Леонтьевском кладбище, что недалеко от станции Всполье. К 2-м часам на Леонтьевском кладбище все собрались. По-моему, там было приблизительно около 500 человек»*.

В любом случае выяснилось, что готовые начать выступление офицеры фактически не имели при себе оружия. Сложно сказать, в чем была причина этого. Возможно, они выполняли приказания Гоппера и шли на кладбище без винтовок, дабы не привлекать к себе внимания и тем самым не ставить под угрозу срыва весь план. Не исключено, что у большей части действительно не было оружия. По другой версии, запрет брать с собой винтовки поступил от начальника штаба Лебедева. *«Лебедев, он всем уведомления разослал, но винтовки приказал не приносить, так что мы оказались фактически с голыми руками»*. *«Но тут же выяснилось,*

что ни одной винтовки не принесено с собой – не было приказа». Ситуация оказалась не из простых. После срочной «ревизии» собравшихся выяснилось, что на несколько десятков человек приходилось всего лишь двенадцать револьверов *«разных систем и калибров, с очень ограниченным количеством патронов».* Принимая во внимание, что начальник артиллерийского склада Петров, активно поддерживавший заговорщиков, не мог гарантировать, что несущие охрану складов солдаты будут готовы выступить против советской власти, план восстания мог сорваться в любую минуту. Была надежда на поддержку сил броневого дивизиона, однако ни автопулеметчики, ни броневики не прибывали.

Выжидание становилось очень опасной тактикой. В начале июля в Ярославле очень светлые, почти белые ночи, а потому действия толпы неизвестных лиц на кладбище могли быть замечены. Собравшиеся офицеры решили действовать теми силами и средствами, что были в их распоряжении. Двигаться в сторону складов было решено «волной», так возникало ощущение, что людей было значительно больше, нежели в действительности. Не зная реальное отношение часовых к советской власти, офицерам приходилось идти на уловки. В своих воспоминаниях Перхуров написал: *«Наконец часовой заметил и окликнул: „Кто идет?“... В ответ раздался чей-то веселый уверенный голос: „Свой! Не вздумай, чудака, стрелять, своих побьешь“.* Часовой снова спросил: *„Да кто такие?“* В ответ опять: *„Да говорят же – свои! Своих не узнаешь!“* С такими разговорами люди подвигались на часовых все больше и больше. И когда подошли вплотную, то сказали: *„Мы – повстанцы. Клади винтовки и не бойся. Никто вас не тронет“.* Этот рассказ подтверждается и другими источниками: *«Мы решили брать склад. Пошли и взяли его без одного выстрела и без всякого сопротивления. Отсутствие дисциплины, за которую мы ратовали, в этом отношении дало свои результаты. Часовые с нами разговаривали, мы сказали им, кто мы, и предложили сдать оружие и отходить в сторону».* Уже когда склады перешли под контроль белых офицеров, оказалось, что их охраняло около полусотни человек. По стечению обстоятельств большая часть из них все-таки сочувственно относилась к «повстанцам», а потому сразу же вступила в их ряды. Отряд сразу же вырос на пару десятков вооруженных человек.

В третьем часу все офицеры и примкнувшие к ним были вооружены. Нашлись артиллеристы, которые забрали с ассенизационного двора лошадей, спешно их седлали и запрягали. Лошадей хватило только на два орудия и два зарядных ящика. «Первый отряд» было решено построить для смотра. Перхуров отмечал: *«Стоило больших трудов собрать всех,*

выстроить и вновь пересчитать». После этого у склада был поставлен «белый» караул, но вместе с тем заговорщики, «забыв всякую осторожность, сильно шумели». Все ожидали прибытия подкрепления из броневого дивизиона, без которого взять город малыми жертвами не представлялось возможным. Именно в этот момент у Перхурова стали зарождаться сомнения. *«Тогда я обратился к собранным людям с таким заявлением... и предложил им на выбор, что они хотят, идти ли захватывать Ярославль или отправиться в Рыбинск, к чему я был лично склонен, потому что там наша организация более сильна. Мне было все равно – я человек бездомовый. Все заявили: „Пойдем брать Ярославль“».*

Первоначальный план захвата города выглядел следующим образом. *«Первый отряд»* должен был насчитывать не 100, а 300 человек. И они должны были быть распределены на три отряда. *«Половина, то есть 150 чел., при двух орудиях должны были разоружить советский полк в кадетском корпусе, 80 человек с броневиками разоружить и арестовать коммунистический отряд и запереть его в большом театре. Остальным 70 чел. захватить большевистский штаб в доме губернатора, почту, телеграф, радиостанцию, казначейство и выставить там караулы. После этого два первых отряда должны выделить заставу за город, а в городе штаб приступает к немедленному формированию отрядов».* Очевидно, что этот план был неосуществим хотя бы в силу недостатка вооруженных людей. Кроме того, нельзя было не учитывать, что захват артиллерийского склада произошел без единого выстрела, а потому железнодорожные рабочие, которые должны были поддержать восставших, элементарно не знали о начале выступления. Перхуров вспоминал: *«Они не могли узнать о начале действия и подать вагон под оружие, как было условлено, поэтому я послал туда мотоциклиста. В ожидании прибытия вагона и для охраны складов я оставил пятнадцать человек с начальником склада во главе».* Задача нового караула состояла в том, чтобы сохранить для восставших боеприпасы. Караульным выдали винтовки, пулеметы, орудия. Кроме того, Перхуров отдал приказ: *«Оставаться до тех пор, пока им не будет угрожать опасность. В последнем же случае они, не ввязываясь в бои для защиты склада, должны идти на присоединение в город. Для быстроты движения им было оставлено два грузовика».*

Всё было готово для того, чтобы начать захват города. Один из участников тех событий вспоминал: *«Весь этот отряд был разделен на несколько малых отрядов, и каждому было дано особое назначение: одному отряду занять почту, другому телеграф и т. д. Командиром этого отряда был бывший полковник Перхуров. Вероятно, около 5 часов утра отряды*

выступили в город. Причем я еще забыл написать ранее, что в складе же было взято несколько пулеметов». Как только началось движение в сторону Ярославля, к великой радости «повстанцев», прибыло подкрепление из броневого дивизиона: броневик и несколько грузовиков с пулеметами. После этого движение вновь возобновилось. Силы белых разделились на несколько групп, каждая из которых должна была выполнять свою собственную задачу. Сам Перхуров остался с резервом, состоящим из тридцати человек, двух орудий и легкового автомобиля с пулеметом. «Резерв» должен был прибыть в разгар событий и занять позиции в «Корсунской гимназии» (женской гимназии Корсунской), которая располагалась в доме Пастухова близ Богоявленской площади, где ныне находится ярославский главпочтамт. В какой-то момент с левого фланга показались всадники. Это была полусотня летучего отряда ярославской милиции. Вот тут бы, как говорится, и «сказочке конец». Однако все произошедшее затем можно считать исключительным везением. Перхуров описывал случившееся следующим образом: «Из-за забора, окружавшего какой-то пустырь, замелькали головы быстро несущихся всадников. Я приказал рассыпать стрелковую цепь поперек улицы и снять орудия с передков, но запретил открывать огонь. Стали ждать. Вскоре всадники выскочили из-за пустыря, развернулись лавой и пошли на нас. Мы молчали, цепь лежала неподвижно. Всадники надвигались». В самый последний момент раздался выстрел, командир отряда красной милиции упал с коня. Кто именно выстрелил, до сих пор неизвестно. Одни считали, что это был кто-то из белых офицеров. Другие – что командира убил некто из своих же милиционеров. В итоге вместо того, чтобы ликвидировать «мятежников», летучий отряд ярославской милиции перешел на сторону заговорщиков. Перхуров был поражен: «Я в свою очередь объяснял им, кто мы такие, и предложил отдать нам оружие, а после этого или присоединиться к нам, или же идти домой. До гимназии Корсунской они должны доехать с нами, где от них примут лошадей и седла. Милиционеры сразу согласились, только просили при выдаче им оружия вернуть им те же револьверы, которые они сейчас сдают. Просьба была уважена, и каждому тут же была выдана записка с номером отобранного револьвера за подписью начальника штаба».

Ситуация с ярославской милицией была в высшей мере симптоматичной. Во-первых, накануне событий июля 1918 года ее планировали слить с Красной гвардией, что было крайне оскорбительно для органов охраны правопорядка. Во-вторых, о неблагоприятном положении в ярославской милиции говорили на заседании губисполкома

еще 16 апреля 1918 года. Отмечалось, что «очень часты нарекания на милицию», что уже «не раз наблюдалось проникновение в милицию даже лиц с уголовным прошлым». Фактически советской милиции в Ярославле накануне белогвардейского восстания не было. Позднее советские исследователи писали, что эта крайне реакционная милиция за несколько дней до мятежа приняла на общем собрании «явно контрреволюционное предложение, и объявила что-то вроде забастовки». Так в чем же крылась причина столь вызывающего поведения? В июне 1918 года чекистами был арестован прежний начальник летучего отряда Силин. Перечень обвинений, выдвинутых в его адрес, выглядел по меньшей мере странным. Приведем ниже выдержку донесения нового начальника милицейского отряда:

«1. Бывший Начальник Губернского Летучего Отряда т. Силин всегда относился к подчиненным ему милиционерам очень жестоко и сурово, видя милиционера перед собою как какого-то врага. Я служу в отряде около 4-х месяцев и не слыхал от него ласковых слов ни к одному милиционеру, кроме своих любимчиков, которые вносили между командой и командным составом отряда вражду...

2. Начальником отряда увольнялись милиционеры за самые малые проступки, как-то запоздает, явится в отряд на 1 час и менее, чтобы могло ограничиться не в очередь на работу и на службу (на первый раз).

3. Ввиду такой суровости начальника многие увольнялись сами по заявлениям, ввиду невозможности продолжать службу; прошу обратить внимание, сколько милиционеров уволилось из отряда за время его короткого существования, несмотря на безработицу и голод.

6. Имелась в нем халатность к своим прямым обязанностям в следующем: так как у нас есть в отряде люди молодых лет, не бывшие на позиции. Я считаю, в таком случае лежало на его обязанности делать собрания [и] воодушевлять милиционеров, как мы должны стоять на защите Советской власти, как мы должны действовать при контрреволюционных выступлениях, из нас многие не слыхали не только орудийного, а даже оружейного выстрела, многие не знают, как и обращаться с винтовками, [и] это ему все было не нужно.

7. Я много слыхал от вольной публики, что вот скоро крах Советской власти, готовится контр-революционное выступление, как железнодорожных, так [и] фабричных рабочих; однажды даже докладывал начальнику и... [его помощнику] Сабуров[у] о том и просил их, чтобы они изредка проверяли по ночам нашу команду и домашний наряд, как дежурных дневальных и пулеметчиков, часто они бывали спящими не

на своих местах, [что] в такое смутное и тяжелое для нас время нахожусь недопустимым; при такой всей халатности нас – весь отряд могут разоружить только лишь человек 10 вооруженных, [а] наш отряд является в настоящее время главной опорой Советской власти.

8. Слыхал от многих из своей команды, [что они не знают] куда деваются те вещи, которые приносим с толкучки, и в домах [во время обыска] отбирались, как оружие, обмундирование и обувь, [и что] мало они видели, чтобы все эти вещи направлялись по принадлежности».

Справедливости ради отметим, что на сторону повстанцев переходили не только милиционеры, но даже чекисты, причем отнюдь не рядового состава. Так, например, случилось с секретарем Ярославской губернской ЧК Николаем Лепешкиным. Позже на допросе он показал: «В субботу утром 6 июля Баранов, комиссар летучего отряда, стал всех арестовывать служащих Чрезвычайкома, но меня в это время не было. Я находился в своей комнате. Когда же я пришел, то никого в Комиссии не было, кроме Калинина, которого не арестовали, а отобрали оружие. Пост в Комиссии занимал часовой белой гвардии. После этого я ушел и скрывался, но после, а именно числа 10-го или 11 я пришел в комиссию, чтобы взять какие-либо вещи, но меня там же в Комиссии арестовали и отвели в штаб белой гвардии, где меня сначала хотели отправить на баржу и после отправили в окопы с винтовкой около моста через Волгу, где я пробыл пять суток, сражаясь против Красной армии. На шестой день я бежал. На Духовской улице меня ранило пулей в колено правой ноги. После чего меня отправили в 104 госпиталь, где и нахожусь до сего времени». Поэтому, когда после подавления восстания происходил «разбор полетов», высказанное мнение, что «в комиссии для борьбы с контрреволюцией сидит часть самой контрреволюции», выглядело вовсе не как большевистская паранойя.

Но вернемся в резервный отряд белых повстанцев, который продвигался в сторону Богоявленской площади. «До гимназии Корсунской дошли без дальнейших задержек. Там нас ждало донесение, что взяты без выстрела дом Лопатина и другие пункты, занятые советскими войсками и учреждениям, представлявшие для нас наибольшую опасность». Перхуров описывал действия в тот час так: «Захват города продолжался. Вскоре раздался один орудийный выстрел, а затем пришло донесение, что стреляли по гостинице Кокуева, после чего находящиеся там сдались. Убитых и раненых ни с одной стороны нет. Гимназия Корсунской, которую я наметил для занятия штабом, оказалась загроможденной обстановкой, вынесенной из классов в коридоры и на лестницу, а также

обстановкой советского учреждения, занимавшего до этого гимназию. Многие комнаты были заперты. Пришлось временно расположиться в сенях». Почти в тот же самый момент было напечатано воззвание к жителям города. Скорее всего, оно было заготовлено заранее, но сведений о том, кто и когда его печатал, обнаружить не удалось. Весьма интересно, что Перхуров ставит свою подпись под воззванием еще в качестве командующего вооруженными силами Ярославского района Северной Добровольческой армии, в то время как командующим армией в целом провозглашен Борис Савинков.

ГРАЖДАНЕ!

Власть большевиков в Ярославской губернии свергнута. Те, кто несколько месяцев тому назад обманом захватили власть и затем путем неслыханных насилий и издевательств над здоровой волей народа держали ее в своих руках, те, кто привели народ к голоду и безработице, восстановили брата на брата, разделили по карманам народную казну, – теперь сидят в тюрьме и ждут возмездия. Люди, свергнувшие эту власть, имеют своей целью установление форм широкого государственного народоправства, Народное собрание, законно и в нормальных условиях избранное, должно создать основы государственного строя, установить политическую и гражданскую свободу и на точном основании закона закрепить за трудовым крестьянством всю землю в его полную собственность. Как самая первая мера будет водворен строгий законный порядок и все покушения на личность и частную собственность граждан, в какой бы форме это ни проявлялось, будут беспощадно караться. Вместе с этим будут отменены все запрещения и ограничения, мешающие каждому по мере сил работать на общую пользу. Все препятствия торговле и передвижению будут устранены и к делу снабжения населения предметами продовольствия будет привлечен частный торговый капитал. Долгая война и владычество хулиганов истощили народные богатства, но и до сих пор у нас еще много хлеба и по Волге, и в Сибири. Чтобы получить этот хлеб, чтобы победить голод, нужен только порядок, спокойствие и трудовая дисциплина. Новая власть твердо будет требовать беспрекословного выполнения всех своих распоряжений и будет беспощадно преследовать всех нарушителей правильного хода работ во всех

учреждениях и предприятиях. То, что произошло в Ярославле, произошло в тот же день и час по всему Поволжью. Мы действуем вместе с Сибирским и Самарским правительством и подчиняемся общему главнокомандующему – старому генералу Алексееву. Северной Армией командует старый революционер Борис Савинков. Москва окружена теперь тесным кольцом. Еще немного усилий – и предатели, заседавшие в Кремле, разорившие страну и морящие народ голодом, будут сметены с лица русской земли. Все, кто способен носить оружие, пусть идет в добровольческую армию. Как триста лет тому назад наши предки в высоком патриотическом подъеме сумели залечить раны растерзанной Родины, так и мы в дружном порыве спасем теперь нашу родину и наш народ от позора, рабства и голода.

Одновременно с этим новая власть стала готовить мобилизацию, ибо ряды повстанцев надо было срочно пополнять. Перхуров вспоминал: «Единственная обязательная мобилизация была в отношении того же несчастного офицерства, которым все пользуются и которое затаптывают в грязь. Мне они нужны были для руководства неорганизованной массой; они должны были явиться руководителями массы, чтобы достигнуть успеха с наименьшими потерями. Задачу эту офицеры выполняли с большой честью». Весть о свержении Советов облетела Ярославль почти моментально, и город ликовал. В первые же часы переворота нижний этаж гимназии, где изначально располагался штаб Северной Добровольческой армии, был буквально забит до отказа. Очевидец сообщал: «Сени были переполнены толпой обывателей всех видов и возрастов. Добровольцев записывали, тут же они получали оружие и шли на укомплектование полков». Чтобы подчеркнуть, насколько было велико ликование горожан, достаточно отметить, что только 6 июля 1918 года в части, подконтрольные Перхурову, пришлось записаться шесть тысяч ярославцев. Если принять во внимание, что общая численность населения города на тот момент составляла около 90 тысяч человек, и если вычесть пролетарские окраины, контроль над которыми белые добровольцы так и не получили, а еще за вычетом женщин, детей и стариков, получается, что только в первый день мятежа присоединиться к повстанцам изъявил желание каждый третий взрослый мужчина, проживающий в основной части Ярославля (Рубленый город, Земляной город и часть непосредственно примыкающих к ним посадов).

Одновременно с действиями в центре повстанцы захватили

железнодорожный мост через Волгу, а также расположенные в заволжской (восточной) части города железнодорожные станции Филино и Урочь со всем находившимся на них подвижным составом. С началом рабочего дня в деревообделочном цехе Урочских железнодорожных мастерских организовался митинг. Первым выступил один из руководителей повстанцев, правый эсер Н. Мамырин, призвавший собравшихся пополнить ряды мятежников. В открытый спор с ним вступили коммунисты И. Ремезов и А. Кошкин. В разгар митинга в цех вошли 20–25 белых офицеров, возглавляемые офицерами Зеленовым и Симоновым. Братья Шевяковы в своем материале «В тисках блокады» отмечали: *«Угрожая оружием, они арестовали всех находившихся в цехе большевиков. В арестантский вагон, стоявший во дворе мастерских, вначале посадили 15 человек. Затем половину из них освободили, а 8 человек под конвоем отвели в бывший дом Н. Укропова на Тверицкой набережной. Здесь с первых часов восстания разместился белый штаб заволжской части Ярославля. У здания толпилось много народа – шла запись добровольцев в белую армию. Около полудня с правого берега на перевозном пароходe “Пчелка № 7” к ним прибыло подкрепление – группа вооруженных штатских людей. Прибывшие расположились в помещении бывшей 4-й полицейской части. В доме Укропова арестованных коммунистов-железнодорожников допрашивали в течение двух часов. Сильно избитых, их хотели расстрелять во дворе штаба, поставив у стены кондитерской фабрики Укропова».*

Впрочем, поддержавшие белое восстание железнодорожные рабочие не были радикалами. Например, они потребовали от члена белого штаба Абрамова отменить расстрел коммунистов. Арестованных большевиков перевели в помещение 4-й полицейской части. Вечером трое сочувствовавших советской власти рабочих хотели освободить заключенных из-под стражи, но были задержаны охраной и тут же расстреляны. Всего в этот день в заволжской части города было арестовано около шестидесяти сторонников советской власти. Ближе к ночи часть арестованных под конвоем была препровождена к переправе и отправлена на правый берег. К исходу 6 июля расположившийся в слободе Тверицы белый отряд насчитывал в своих рядах более двухсот бойцов. С правого берега Волги сюда были переброшены все свободные резервы, находившиеся в распоряжении командования повстанцев, в том числе часть записавшихся в Северную Добровольческую армию рабочих Ярославских главных железнодорожных мастерских. У железнодорожного моста через Волгу, севернее станции Филино и у села Савина повстанцами были

выставлены отдельные заставы. Чтобы понимать, какими силами располагал белый отряд в Тверицах, надо отметить, что, согласно Уставу полевой службы 1912 года, отдельные заставы, каждая силою не менее взвода пехоты с пулеметами (при полном штате это 60–70 бойцов), выставлялись для сторожевого охранения воинской части меньше полка при удалении ее от неприятеля на расстояние менее 40–50 км; промежутки между отдельными заставами наблюдались пешими дозорами (постами) и конными разъездами.

На фоне общего ликования принимались меры по наведению «жесткого порядка». Перхуров издает приказ, которым *«впредь, до восстановления нормального течения жизни в городе Ярославле и его губернии, вводится военное положение, и на это время воспрещаются всякие сборища и митинги на улицах, в публичных местах»*. Позже во время допросов Перхуров не раз заявлял, что планировал соблюдать гражданские права всех горожан, вне зависимости от их партийной принадлежности. *«Для разбора дел был составлен суд из местных юристов, при участии представителей от населения и от военного ведомства»*. Однако на практике по городу прокатилась волна расправ с видными большевиками, коммунистическими активистами и советскими служащими. Первыми жертвами этих самосудов стали военный комиссар Нахимсон и председатель исполкома Закгейм. Сведения об их гибели весьма противоречивые. Например, в одном случае говорилось о том, что арестованный Закгейм был убит неизвестным выстрелом из толпы, в другом случае сообщалось, что с ним самолично расправился начальник перхуровской контрразведки, член «альтернативного штаба заговорщиков» и лидер молодых офицеров Перлин. Подобная версия подтверждается самим Перхуровым, который утверждал, что после разбирательства по делу о гибели Закгейма отстранил Перлина от всех занимаемых должностей. Впрочем, подобное свидетельство было сделано много лет спустя, в документах же не сохранилось ни одного упоминания о смещении Перлина – почти везде он значится как начальник отдела контрразведки. Есть третья версия убийства Закгейма, которая была озвучена во время допросов в ЧК участником восстания, гимназистом Валентином Делекторским. Надо учитывать, что в своем рассказе он перепутал Нахимсона и Закгейма. Делекторский сообщил: *«От арсенала пошли студент Нечаев, поручик Городецкий, штатский Селезнев. Подойдя к Дому Народа, Пошехонов вошел внутрь дома и вызвал Нахимсона. Когда последний отошел несколько шагов от дома, Пошехонов вынул браунинг, что заметил Нахимсон, который бросился бежать, тогда Пошехонов и Успенский*

начали стрелять и убили Нахимсона».

Опять же остается открытым вопрос о том, почему убили Закгейма: потому что он был советским служащим или по причине того, что он был «евреем, присланным из Петрограда». Советская историография охотно поддерживала юдофобскую версию. По этому поводу в «Красной книге ВЧК» говорилось: *«Труп убитого товарища они выволокли на улицу и выбросили у ворот. Труп его в течение нескольких дней валялся на улице и служил предметом посмешища и издевательства проходивших хулиганов и черносотенцев. Сытые, толстопузые буржуи, маклаки с толкучего рынка, отставные штаб- и обер-офицеры и ярославские кацауровцы, черносотенцы, проходя мимо, останавливались и злобно издевались над бездыханным трупом, плевали в лицо и, пользуясь еврейским происхождением товарища, ругали жидов и открыто призывали к погромам».* Многие свидетели на допросах отмечали антисемитский характер расправы с ярославскими руководителями. Например, один из служащих фабрики Гроссмана сообщил, что узнал об этой расправе от рабочих, когда шел на фабрику. Они сообщили следующими словами: *«Там режут жидов и убили жида Закгейма».* При этом сам Перхуров категорически отрицал саму возможность надругательства над трупом. Однако некоторые очевидцы говорили о совершенно обратном. Тела убитых не были сразу же захоронены, а действительно подвергались глумлению. Свидетели И. Орлов, Д. Пестов, И. Хрусталеv показали: *«По дороге в центр города мы увидели собравшуюся толпу людей и, заинтересовавшись, подошли и увидели страшное зрелище: валялся труп с разможженным черепом, лицо обагрено кровью до неузнаваемости. Пробившись вперед, мы узнали, что это труп председателя исполкома».*

Не меньше вопросов возникает в связи с расстрелом комиссара Нахимсона. Тут приходится полагаться только лишь на советские версии, которые не допускают разночтений. *«По рассказам товарищей, бывших очевидцами гнусного убийства военно-окружного комиссара Нахимсона, товарищ Нахимсон был захвачен белогвардейцами в номере гостиницы „Бристоль“, где он жил, и препровожден совместно с другими арестованными в 1-й участок милиции, в каземат. Сюда спустя некоторое время явился здоровый курчавый парень в белой рубахе, с открытым воротом и засученными рукавами (по показанию некоторых товарищей, сыщик Греков) и спросил Закгейма и Нахимсона, не зная, очевидно, что первый уже убит. Товарищ Нахимсон назвал себя. „Ступай за мной!“ – крикнул этот тип и повел товарища Нахимсона во двор 1-го участка. Здесь уже ожидали несколько вооруженных белогвардейцев, один из*

которых, толстый офицер, крикнул: „Сбрось пиджак“. Товарищ Нахимсон скинул пиджак и швырнул его в сторону командовавшего белогвардейца. „Пли!“ – скомандовал последний, и товарищ Нахимсон упал, пронзенный разрывными пулями. Толстый офицер подошел к умирающему товарищу и выпустил в него из браунинга еще две пули. Затем убитого положили на извозчика и возили по Ильинской площади и прилегающим улицам для обозрения и удовольствия всей белогвардейской своры». Данную версию можно было бы не подвергать критическому анализу, если бы не одно обстоятельство – суд «белых мятежников» приговорил Грекова к расстрелу, так как тот являлся «шпионом» (шпионаж в пользу большевиков? в пользу немцев?). Собственноручная ликвидация военного комиссара большевистским агентом выглядит весьма и весьма странно. Хотя в данном случае нельзя исключать регионально-конспирологические версии – Греков мог быть агентом Доброхотова и под шумок избавляться от «питерских конкурентов» своего шефа, хотя это не более чем версия. Если исходить с нейтрально выдержанных позиций, то заслуживающими внимания являются показания П.Ф. Путкова. Он заявил, что утром 6 июля в камеру милицейского участка, где находился арестованный Нахимсон и другие ярославские коммунисты, пришел подпоручик К.К. Никитин и с криком «Выходи, еврейская морда» вывел Нахимсона во двор участка. После этого минут через пять раздалось несколько выстрелов. Другие свидетели, окна камеры которых выходили во двор, рассказывали, что «из каземата вывели во двор одного человека, поставили его против дверей каземата и трое, одетых в гимнастерки, разрозненными выстрелами расстреляли, а затем труп его оттащили в расположенный рядом садик и здесь оставили».

О том, что это был отнюдь не единственный самосуд, свидетельствовал позже полковник Б. Веверн. Годы спустя, уже находясь в эмиграции, он обрисовал картину расправ: «Попавших в руки восставших комиссаров, разного рода советских дельцов и их пособников стали свозить во двор Ярославского отделения государственного банка. Здесь творилась кровавая месть..., расстреливали без всякой жалости». Эта цитата широко использовалась в советской историографии, но обычно со ссылкой на эмигрантскую газету «Возрождение» (Париж, номер от 3 июля 1933 г.). О массовых расправах над большевиками и красноармейцами говорил руководитель военно-революционного комитета Северных железных дорог И.Н. Миронов: «После ликвидации восстания обнаружено в одной могиле полуживыми зарывали белыми бандами истерзанных, насколько помню, 126 трупов товарищей, имена многих не установлены, и, кроме того,

ночью и утром в первый день восстания, а затем и в последующем было арестовано большое количество (не менее 350) большевиков и сочувствующих, в большинстве рабочих, и посажено в тюрьму». Кроме того, о расстрелах, происходивших на волжской набережной, близ здания, где сейчас располагается Управление Северной железной дороги, вспоминал фельдшер военного госпиталя С.В. Никитин: «Рядом с ним, на одной из пристаней расстреливали красных пленных и всех подозрительных, расстреливали пачками, десятками. Мертвых бросали в Волгу. Убитые потом всплывали. Их вылавливали из воды окрестные крестьяне и хоронили. Но сельских жителей больше интересовала одежда убитых – гимнастерки, брюки, поясные ремни».

Впрочем, не надо полагать, что в этом кровавом противостоянии какая-то из сторон была «белой и пушистой». Еще до того, как была официально объявлена политика «красного террора», газета «Правда» опубликовала такой призыв: «В Ярославле убиты восставшими белогвардейцами Доброхотов^[2]... Закгейм... Нахимсон... Убиты самые стойкие, испытанные борцы пролетарской армии... Товарищи ярославцы! мы ждем от вас ответа: сколько сотен гадов и паразитов истребили вы за эти три драгоценные жизни наших друзей? Поп, офицер, банкир, фабрикант, монах, купеческий сынок – все равно. Ни ряса, ни мундир, ни диплом не могут им быть защитой. Никакой пощады белогвардейцам!» Когда появились первые пленные белые текст телеграмм, шедших из Москвы, был предельно откровенным: «Не присылайте пленных в Москву, так как это загромождает путь, расстреливайте всех на месте, не разбирая, кто они. В плен берите только для того, чтобы узнать об их силах и организациях».

Однако суды и казни отнюдь не были самым важным делом первого дня восстания. В штабе Северной Добровольческой армии вызывал большие опасения 1-й Советский полк, расположившийся в закторсольной части города в казармах бывшего кадетского корпуса. Генерал Гоппер, в тот момент со своей группой уже влившийся в состав побеждавших повстанцев, так описывал сложившуюся ситуацию: «Перхуровым было отдано распоряжение вступить с ним в переговоры о добровольной сдаче и временно занять оборонительное положение против них в сторону реки Которосль, отделяющей пригород, в котором находится кадетский корпус, от города. Переговоры сначала давали было надежду на добровольную сдачу полка, но когда полковник Перхуров потребовал их разоружения, тогда они ответили нежеланием, пока они не выяснят, станут ли на нашу сторону рабочие». Сам Перхуров описывает

переговоры немного по-другому: «Часов около десяти утра ко мне явилась депутация от 1-го Советского полка. Прибыл какой-то молодой человек южного типа и еще несколько человек. Выслушав мои объяснения о цели восстания, депутация заявила, что полк будет держать нейтралитет, если мы их не будем разоружать. Но у меня не было в это время и сил, чтобы разоружить полк». В любом случае казалось, что угроза со стороны 1-го Советского полка нейтрализована. Это время было использовано для того, чтобы задействовать имеющиеся вооруженные группы, дабы те небольшими «заставами» перекрыли все улицы и переулки, ведущие к центру Ярославля. Казалось, что удача на стороне белогвардейцев. Гоппер так оценивал итоги первых часов Ярославского восстания: «1) жители ликовали, с самого утра целые толпы осаждали наш штаб с целью записаться в организуемые отряды, и можно было надеяться составить из них довольно солидную силу; 2) в течение дня мы ожидали прибытия 700–800 рабочих; 3) можно было рассчитывать на помощь из Рыбинска; 4) большевикам неоткуда было ждать скорой помощи, так как дорогу на Петроград заграждал Рыбинск; дорогу на Москву взяли испортить железнодорожники, взорвав мост в районе Ростова; из Костромы они ничего не могли взять, т. к. могли ожидать восстания и там».

Однако ближе к вечеру стали поступать новости, которые сразу же убавили оптимизм в штабе добровольцев. Во-первых, они утратили контроль над артиллерийскими складами, которые вновь были захвачены красноармейцами. Во-вторых, активные действия начал новгородский отряд Полякова, та самая сила, которая фактически не была учтена при планировании восстания в Ярославле. В-третьих, 1-й Советский полк отказался от нейтралитета и занял позиции по берегу реки Которосль. Его солдаты преградили путь дружине железнодорожных рабочих, которые направлялись в центр Ярославля, чтобы вступить в ряды Северной Добровольческой армии.

Глава 5

Шок, но не трепет

Воспоминания большей части деятелей советской власти, видных и не очень большевиков, красноармейцев о начале белогвардейского вооруженного выступления в Ярославле во многом одинаковы. *«Ночь была короткая и светлая. Меня в час или два дежурный по батальону разбудил, говоря, что только что была стрельба единичная ружейная и пулеметная, но затихла в бараках военнопленных, что сзади ст. Всполье, где в последнее время были военные склады. Учитывая, что в 1918 году часто бывали случаи, что красноармейцы, выйдя в поле, начинали производить бесцельную стрельбу, я принял и эту стрельбу как факт бесцельной стрельбы и опять лег»*, – вспоминал начальник новгородского отряда Поляков. *«Утром с 5-го на 6-е июля меня разбудила жена, ввиду болезни и предстоявших ее родов. Это было часа в 4 нового времени. Говорит: „Какая-то стрельба в городе“. – „Иди, – говорю, – узнай“. Хотя ей и тяжело было, но она ушла. Скоро вернулась и говорит, что это, говорят, чехословаки приехали и прибыли какие-то англичане, так ей передали. В момент оделся и побежал на станцию Всполье, зная, что там стоит Новгородский отряд кавалерии [и] пехоты. Главная задача – узнать, в чем дело. Раньше, хотя и болтали, что вам скоро крышка, адреса ваши собраны, и много говорили по адресу большевиков. Прибежав на станцию Всполье, встретил знакомого унтер-офицера Новгородского полка, познакомившись с ним, благодаря службе моей жены на станции Всполье за буфетом. Спрашиваю: „В чем дело?“ Говорит: „Правда, я и сам не знаю... Послали в город разведку узнать, но, что донесет разведка, не знаю...“»* – вспоминал о первом утре ярославского мятежа уездный военный комиссар Громов. Ему вторил продовольственный комиссар Охапкин: *«Я лично, проживая на квартире за Которослью, ничего не подразумевая, в этот же день, как и раньше, пошел на занятие в город, в то время я был продовольственным комиссаром города Ярославля. Прошел всю Федоровскую, теперь Пролетарскую улицу и Московское шоссе, вплоть до самого Американского моста, ни о чем не думая и ничего не подозревая, что произошло в городе, т. к. в это время слышна была очень редкая ружейная перестрелка и таковая в то время являлась обычным явлением, т. к. в то время ежедневно можно было это слышать по*

направлению к городу, в особенности в ночное время, эту стрельбу устраивали красноармейцы в погоне за бандитами, а иногда и просто ни с того, ни с чего. Когда я подошел к самому мосту, у которого стоит товарищ Коротин, который мне и заявил, что в городе что-то неладно». Аналогичное можно услышать и от большевика Васильева: «Утро, 6-го июля. Суббота. Встаю и иду в мастерские Урочь. Жил я за Волгой. Не успел дойти до железнодорожной линии, как окружили меня два офицера и два ученика одного из цехов наших мастерских».

Серьезность сложившейся ситуации оценил только член революционного трибунала К. Терентьев, который позже так описал начало белогвардейского восстания: «После совещания в Доме Народа, кончившегося довольно поздно, в 1 час или позднее ночи, спокойно уснул в квартире рядом с Домом Народа, № 23 на набережной и часов в 5 утра услышал трескотню пулемета, прямо с постели в нательном белье я бросился на улицу, и у самого крыльца стоял автомобиль с 2-мя пулеметами и обстреливал Дом Народа. На мой вопрос, почему стреляют, мне ответили, а тебе что хочется знать – наведите на него пулемет, и я быстро вбежал в квартиру, где уже все семейство – жена и 4 детей плакали, одевшись в пальто. Наскоро надел верхнее белье, предложил жене с детьми отправиться через Волгу в деревню к родственникам. Вся семья покинула квартиру, отправилась на пароход, а я полетел к Дому Народа. Автомобиль обстрелял и уехал. Навстречу из Дома Народа выходит т. Тихонов, который был зав. Домом, после он был в Губутоне, и к нам двоим присоединился продкомиссар Уваров, левый эсер. Мы с т. Тихоновым были в недоразумении и говорили Уварову, что левозэсеровщина выдумала поугаать коммунистов. Уваров отрицал и предупредил, что он ставил в Губпродкоме пулемет в окна и к дверям, затем пытались звонить по телефону, но они не работали. Тогда только поняли, что дело серьезное. Надо быть готовым, я побежал за револьвером, т. Тихонов тоже, и Уваров побежал готовиться к принятию сражения».

Растерянность, которая охватила представителей советской власти, была вполне объяснима – на тот момент многие местные руководящие партийные и советские работники находились в Москве на V Всероссийском съезде Советов. Среди них был главный комиссар охраны Северных железных дорог Руцкой. Он, уже находясь в Москве, получил утром 6 июля по телеграфу тревожные новости из Ярославля. В отчете он сообщал: «Нами получена запись по аппарату от Комиссара охраны Ярославского района Лагодюка о нападении на станцию белогвардейцев якобы чехословаков, где и разоружили охрану, но подоспели

красноармейцы, и станция была очищена. Тут же было сообщено, что арестована Советская власть, но кем точно – неизвестно». Несколько позже приходят сведения, что выступление в городе было организовано правыми эсерами. Подобная версия долгое время сохранялась в советской историографии, а само белогвардейское восстание в Ярославле нередко ошибочно именовалось «эсеровским мятежом». Впрочем, в тот день очень многие выдвигали самые разные версии, в том числе рядовые горожане. Например, переживший события июля 1918 года в Ярославле некто А. Божевиков так описывал общее настроение: «6-го июля я проснулся от пулеметной трескотни, подумал, что идет практическая стрельба, и не стал беспокоиться и опять заснул; проснувшись часов в 8 утра, стрельбы не было, одевшись, поспешил в очередь к продлавке за хлебом. В то время как мы стояли в очереди, провезли несколько орудий по направлению к Загородному саду, уже были слухи, что белыми взят город, но что-то не верилось, потому что все было спокойно, также ходили слухи, что белыми взяты Кострома, Рыбинск и даже Москва и что большевики везде сдаются без сопротивления, т. к. на подмогу белым идут Англо-Французские войска. С 10 ч. утра слышались все более и более ожесточенные ружейные выстрелы и трескотня из пулемета, пошли слухи, что убито белыми несколько большевиков, и где-то организован Белогвардейский штаб, куда вся буржуазная и несознательная молодежь спешила, чтоб взяться за винтовку и свергнуть еще не вполне окрепшую Советскую власть».

В Москве многие в тот день еще не понимали серьезности того, что происходило в Ярославле. Например, начальник охраны железных дорог Руцкой лишь сделал «выговор за допущение к разоружению железнодорожной охраны и приказал добыть оружие и вооружить вновь Охрану и всеми силами отстаивать вокзал и не допускать захвата железнодорожной территории». Одновременно с этим Руцкой, впрочем, пытался попасть к Троцкому и донести до него все противоречивые новости. Он вспоминал: «Я целый день проходил и к т. Троцкому попасть я не мог, вернее, не допустили. Мне говорили, что Троцкого можно будет увидеть на вечернем заседании Съезда Советов, происходившем в Большом Театре». Вечером Руцкому решил помочь командующий войсками Московского военного округа Н. Муралов. Руцкой так описывал эту встречу: «К этому времени у меня были новые сведения из Ярославля, где просили прислать помощь, как солдатами, так и орудиями, так как восставшие стреляют из орудий. Когда я вошел в Театр, заседание еще не начиналось, но на трибуне людей было [много]. Тов. Троцкий сидел за

столом Президиума, что-то писал, сзади него стояло много товарищей, ждавших, очевидно, так же как и я, разговора с ним. Тут же открылось заседание, начали выступать ораторы. Многие отошли от Троцкого. Осталось стоять около него несколько человек, в том числе и я. Выбрав удобную минуту для меня, произнес: „Товарищ Троцкий, позвольте доложить о Ярославском восстании“. Эти слова я повторял несколько раз, но ответа не получал». Все это прекрасно слышали находившиеся поблизости Подвойский, Кедров и Берзин (все трое в той или иной степени связаны с Ярославлем). Руцкой в очередной раз попытался исправить ситуацию: «Я подошел к ним, показал телеграмму и разговор с Ярославлем, они прочли, и т. Кедров заявил: „Я вчера только из Ярославля – все спокойно – это не верно“. Я продолжал доказывать, что это так, и просил их о помощи, кто-то из них сказал „все же нужно переговорить с Троцким“ и, поднявшись со стула, подошел к т. Троцкому, которого оторвал от писания, сунув ему пачку материала, который был дан мною. Я стоял тут же за плечом Троцкого. Через несколько-секундной паузы т. Троцкий изрек „провокация“. Докладывавший заметил, что тут стоит товарищ, который лично разговаривал по аппарату, добавил Комиссар жел. дороги. Троцкий вновь повторил „провокация, Кедров сегодня только мне докладывал, что он приехал из Ярославля и там все спокойно“». Троцкий в буквальном смысле отшвырнул все документы и сообщения, которые ему протягивал Руцкой, и в тот же момент приказал: «Распространяющих провокационные слухи расстреливать». Руцкой решил не искушать судьбу, тем более в присутствии Михаила Кедрова, который уже тогда считался едва ли не главным «большевистским мясником».

Ситуация становилась вовсе критической – «центр» элементарно не хотел признавать факта «ярославского мятежа», что полностью развязывало руки белогвардейцам, продолжавшим захват города. (Заметим, в качестве небольшого оправдания, что 6 июля Москва пережила мятеж левых эсэров, так что игнорирование проблем отдаленного Ярославля Троцким можно понять. – Прим. ред.) Местным большевикам стало ясно, что рассчитывать на помощь из столицы не приходится. Они были вынуждены занять оборону, оказавшись, по сути, в осадном положении...

В ночь с 7 на 8 июля в Москву приехал председатель военно-революционного комитета Северных железных дорог И.Н. Миронов. Руцкой так описывал его прибытие: «Приехал, сделал доклад в Ревком, после которого я и тов. Миронов отправились в Совнарком для доклада товарищам Ленину и Троцкому. Сидели мы с тов. Мироновым очень долго в

приемной Совнаркома, ждали, пока кончится заседание Совнаркома, наконец, мы дождались, когда тов. Троцкий вышел из заседания. Мы подошли к нему, он с нами разговаривать не стал. Мы тогда решили во что бы то ни стало добиться приема у тов. Ленина. Нам посоветовали переговорить с т. Бонч-Бруевичем, с которым действительно имели длинный разговор, он нас внимательно выслушал и обещал доложить тов. Ленину и дал нам заверение оказать всяческую помощь, вскоре мы действительно имели результат».

Итак, обстоятельства сложились так, что фактически несколько дней белые повстанцы могли свободно развивать инициативу в Ярославле. Миронов свидетельствовал: «Наша ярославская организация почти целиком была уничтожена». Опорным пунктом, на котором удалось закрепиться красноармейцам, стала станция Всполье. Именно сюда прибыл новгородский ударный отряд Полякова, который никак не вписывался в планы тайной офицерской организации. И именно по этой причине железные дороги стали своего рода «красной цитаделью». Тот же Миронов, описывая события до своего отъезда в Москву, сообщал: «Как после выяснилось, основанием к этой резолюции стало заявление товарищей, которые только что приехали из Ярославля, что в Ярославле никакого восстания нет. Ввиду такого положения можно теперь со всей ответственностью утверждать, что не были сразу привлечены к ликвидации этого восстания такие силы, которые могли бы быть привлечены, и как длительность ликвидации восстания, так и размеры разрушения Ярославля поэтому были весьма значительны. Ревком Северных ж. д. по своему почину решил приступить к ликвидации восстания, для чего командировал из своего состава из Северных ж. д. ряд товарищей, среди которых были – Миронов, Андреев, Колкотин, Парфенов, Сазонов».

На какое-то время самым важным действующим лицом с «красной стороны» становится начальник свободного новгородского отряда Александр Петрович Поляков, в распоряжении которого на станции Всполье утром 6 июля 1918 года находились сводный пехотный батальон (470 бойцов) и отдельная кавалерийская часть из Старой Руссы (280 сабель). Сам он вспоминал: «В 1918 году с 15-го Апреля я формировал в г. Новгороде 1-ю красноармейскую часть: Новгородский образцовый батальон. Не закончил полного формирования и с получением инструкции, что в Ярославле затевается что-то неладное, срочно был командирован с новгородским сводным батальоном командиром такового в г. Ярославль (Новгородская губерния входила в Ярославский военный округ). Мотив

посылки в Ярославль именно меня был таков, что в свое время подготавливавшееся в Новгороде восстание было ликвидировано мною без всякой крови. 30-го Мая я с вверенным мне батальоном выбыл в г. Ярославль и прибыл в Ярославль в первых числах июня». Когда стало ясно, что 6 июля в городе началось белое вооруженное выступление, Поляков решил перехватить инициативу. Вот как он описывал первые часы своих самостоятельных действий: «Не прошло и пяти минут, как вошел ко мне красноармеец и сообщил, что на военный склад явились какие-то люди, вроде как офицеры, но без погон, и стали снимать караулы, что последние стали сопротивляться и был открыт огонь и караул весь арестован. Прибывшие приехали на грузовике с пулеметами и увезли из складов несколько пулеметов и одну пушку. Я сразу сообразил, в чем дело, и приказал батальону в ружье, а сам бросился на станцию, взяв с собой члена партии (я был тогда еще беспартийным, и у меня даже не было и комиссара). Хотел связаться с городом, но город не отвечал, тогда, вызвав Начальника станции, я заявил, что объявляю станцию на военном положении, и приказал, чтобы он телеграфировал в обе стороны по ж. д., чтобы прекратить военное движение на Ярославль».

Поляков немедленно направился в распоряжение пехотного батальона, который тут же направил в атаку на артиллерийские склады, захваченные несколько часов назад белыми повстанцами. Сам он ехал верхом, поэтому значительно оторвался от передового отряда: «Красноармейцы двигались очень медленно, и я верхом на лошади полным карьером понесся на военные склады. Проехав квартала два, я был остановлен четырьмя молодыми военными в виде юнкеров, державшими винтовки на изготовке, на груди которых красовались георгиевские ленты и банты. Я говорю им „В чем дело?“, они в ответ – „слезай, узнаешь, в чем дело“, ссадив меня с лошади, повели к караульному помещению, где один из провожатых обратился к одному военному, у которого на фуражке была тоже георгиевская лента, бант, сказав ему: „Господин капитан. Вот привели какого-то командира, который ведет на нас наступление“. Капитан отдал распоряжение посадить меня вместе с ранее арестованными красноармейцами под арест». Если бы оставшийся безымянным капитан просто шлепнул Полякова на месте, как позднее предписывала поступать белым советская пропаганда, то мировая история, конечно бы, не пошла «по другому руслу», а вот судьба города Ярославля явно бы сложилась иначе. Поляков прекрасно понимал, что дальнейшие крупные неприятности не за горами: «Я сразу соображал – нельзя ли бежать, но оказалось, что нас охраняют какие-то солдаты, и, побеседовав с арестованными красноармейцами, я

стуком кулака в стену вызвал капитана и заявил ему: „Я являюсь Начальником полка пехоты, двух батарей артиллерии и эскадрона кавалерии“ (последний прибыл тоже из Новгорода, и когда я повел наступление на склады, то командира эскадрона подчинил себе). Он заявил, что переговорит с господином Полковником, и минуты через три возвратился и спросил: „Вы что, бывший офицер?“ Я ему отвечал „да“». Отметим, до какой степени в тот момент некоторые наивные люди верили «офицерскому» слову. Вот и безымянный капитан на артиллерийских складах заявил Полякову: «Дайте мне честное офицерское слово, что Вы со своим отрядом не пойдете в г. Ярославль, тогда мы Вас освободим». Поляков, не моргнув глазом, дал «слово», верить которому, как может догадаться читатель, не стоило.

Избежав плена, Александр Поляков продолжает атаку, захватывает склады, а всех находившихся там после короткого допроса ставит к стенке. Сам Поляков об этом вспоминал с пугающей злорадностью: «Заявив капитану, чтобы отдали мою лошадь и оружие, мне последние сейчас же выдали, а лошадь, говорит капитан, я сам сию минуту Вам приведу. Поднятием своей руки я наступление моей роты остановил, приказав комроты собрать комвзводов и отдельных командиров. В этот момент капитан подводит и передает мне лошадь. Взяв от него лошадь, я тут же сказал моему комсоставу, что это капитан, который арестовал меня, и приказал взять его. Один из комвзводов тут же уложил его выстрелом из нагана». Так белые повстанцы потеряли возможность использовать артиллерию, которая имелась на складах, равно как лишились пополнения запасов снарядов для тех самых двух орудий, которые оказались в их распоряжении в первые часы выступления.

Если станция Всполье 6 июля стала точкой активного сопротивления развивавшим успех белым повстанцам, то на другой окраине города появился центр, так сказать, «пассивного сопротивления». Рабочий-большевик Васильев вспоминал о том дне: «Идем по Стрелецкой улице. Пули свищут... Началась суматоха. Разговоры: „Красные на окраине засели“. На улице уже появились убитые...» Под окраиной подразумевались кварталы, прилегавшие к Большой Ярославской мануфактуре, позже ставшие «ядром» Краснопереконского района. В книге Романа Балашова «Пламя над Волгой» об этом участке рассказывалось следующее: «Другой участок фронта, который возник в первый день мятежа, находился на правом берегу реки Которосли. Под руководством коммунистов против белогвардейцев поднялся весь рабочий Заоторосльский район Ярославля. Коммунисты Ярославской Большой

мануфактуры создали Коммунистический отряд для борьбы с мятежниками. В него записывались и беспартийные. Вскоре отряд насчитывал более 300 рабочих. Командиром отряда был избран рабочий, бывший солдат Федор Холуев. В тот же день на Большой мануфактуре был создан военно-революционный комитет во главе с коммунистами М.С. Ситохиным и Ф.А. Рубцовым». Конечно, советская литература изрядно приукрашивала действительность, которая в тот день была совсем непростой. Отголоски этих сложностей можно уловить даже в отрывках сообщений, приведенных в «Красной книге ВЧК»: «Секретарь профсоюза печатников меньшевик Богданов в первый день мятежа явился было на собрание железнодорожников, приветствовал их с падением власти большевиков и предлагал присоединиться и послать своих дружинников будто бы для охраны города; но, когда его спросили, какая же будет новая власть, он уклонился от ответа и, едва набрав 100 человек, отправился с ними в город. Остальная масса железнодорожников, как и вся Корзинкинская фабрика, сразу же поняли, к чему все это клонится, и отшатнулись от провокаторских речей прислужников буржуазии и контрреволюции». Как бы то ни было, но отнюдь не все рабочие оказались готовы поддерживать советскую власть. Находившийся на территории фабрики отряд Красной гвардии тоже пребывал в растерянности. Продовольственный комиссар Охупкин вспоминал: «Проходя по Федоровской мимо подлавки в доме быв. Барманова, я еще раз попытался зайти и позвонить по телефону в город, но и здесь получилось то же самое, что и на шоссе, и даже сотрудники мне сказали, что Прялков, мой заместитель, в городе арестован и расстрелян, и мне посоветовали куда-нибудь скрыться, а то, дескать, тебе это будет. Но я этим рецептом не воспользовался, а направился в штаб Красной Гвардии при фабрике Красный Перекоп. Придя туда, я увидел: развооруженные ходят понуря голову и заявляют, что, наверное, сейчас придут к нам белые из города, обезоружат нас и расстреляют. Я тогда решил собрать активную часть товарищей для того, чтобы принять соответствующие организационные и практические меры с тем, чтобы не дать белым в руки и т. д. Пока я разговаривал с рядовыми красногвардейцами о случившемся, в это время пришли – Рубцов, Скотников и др. Тогда мы собрали собрание красногвардейцев, кратко информировали о случившемся и для того, чтобы дать отпор белогвардейцам, решили организовать чрезвычайный штаб. Во главе такового избрали т.т. Рубцова Федора и для переговоров, в случае надобности, с белыми избрали двух парламентариев, меня и Скотникова Д. По окончании этой организационной процедуры приступили

к укреплению своей позиции, т. е. самого штаба и территории ф-ки, расставили пулеметы у выходов, вооружились все винтовками и бомбами, а также втащили один пулемет и на каланчу фабрики». Другое описание того же самого эпизода демонстрирует более противоречивую картину: «Нас собралось около 300 человек, а также и некоторые рабочие, совсем не состоявшие в нашей партии. Заявили, что дайте и нам винтовки, мы тоже с вами пойдём, но дать пришлось, конечно, тем, коим можно было дать, и таковые действительно поняли, в чем дело, и сражались до конца боя, как и партийные. Причем, когда двинулись в поход и проходя в главные ворота с революционными песнями, то в это время собралось у ворот до 500 человек рабочих, и, как только поравнялись с ними, из среды рабочих слышались возгласы: „Что, чертовы кашники, доварились каши до дела, вот идите, вам там намочат, как следует“, в это время слышались противоположные выкрики: „Ничего не бойтесь, товарищи, идите, если потребуется, скажите, мы придем вас выручать“».

Не совсем понятно, кто первым узнал о начале организованного сопротивления: отряд Полякова о фабричном отряде или наоборот. Поляков рассказывал: «Сам поехал на станцию Всполье, где делаю следующие распоряжения: посылаю одного члена на Карзиновскую фабрику узнать, какое положение на фабрике, и информировать рабочих о восстании». Охупкин в своих воспоминаниях описывает произошедшее несколько иначе: «Затем, узнав, что на Всполье есть наши ребята, которые задерживают наступление белых с помощью остановившегося еще до мятежа эшелона солдат, который почему-то в Ярославле задержался случайно и, надо сказать, что таковой очень пригодился для отпора белых, которым очень хотелось занять ст. Всполье, но их не допустили. И таковых удалось использовать благодаря тому, что тов. Скудре и Громов, два военкома, каким-то образом выбрались из города и руководили этой в первое время единственной военной силой, т. е. случайно остановившимся эшелоном солдат и небольшим количеством собравшихся коммунистов. И когда мы связались со Вспольем, то нам предложили занять в 4 часа дня весь берег Которосли с тем, чтобы белые не могли пройти через реку и не зайти с тыла Вспольинской группе, а также предложено было связаться нам с кадетским корпусом, в котором в то время помещался Советский полк, и когда мы связались с последним, то узнали, что из такового половина разбежалась, а другая, т. е. оставшаяся, решила держать нейтралитет. Тогда мы бросили туда человек 60 своих ребят с тем, чтобы рассеять такое явление и вовлечь под свое влияние и, конечно, и удалось».

Занимавший в тот момент нейтральную позицию Советский полк, конечно же, бесил большевиков, но одновременно на него возлагались определенные надежды. К тому же все, кто решил примкнуть к повстанцам, уже покинули квартиры полка, который располагался в бывшем кадетском корпусе. По одной из версий, полк отказался от нейтралитета под давлением роты новгородского отряда Полякова. Тот вспоминал: *«Мой взвод ворвался в казармы 1-го советского полка как раз в момент агитации контрреволюционеров о переходе полка на их сторону. Но по объяснению членами партии сути дела и положения моего батальона рядовые этого полка перешли на мою сторону, комсостав же полка почти весь перешел на сторону белых, и мною было сделано распоряжение о назначении комсостава выборным порядком и предложено занять позиции от устья реки Которосль, вверх до ж.-д. моста через таковую».* Однако классическая советская историография придерживается мнения, что 1-й Советский полк был разагитирован фабричными рабочими, которые были готовы начать боевые действия против закрепившихся в городе белогвардейцев. По крайней мере, в монографии Балашова «Пламя над Волгой» сообщается следующее: *«В те горячие дни Закоторосльский район выдвинул своих достойных руководителей и организаторов борьбы против мятежников. Из них надо назвать прежде всего токаря главных железнодорожных мастерских в Ярославле М.О. Пантина. „Бурная революционная натура, – говорили о нем рабочие, – сплошной сгусток революционной энергии!“... – Почему не выступает 1-й Советский полк, – говорил М.О. Пантин, – это же наша главная военная сила!»* Через несколько минут М.О. Пантин находился уже в расположении 1-го Советского полка. Здесь он узнал, что часть командиров отсутствует. Как позднее выяснилось, многие из них перебежали к белогвардейцам. Предатели хотели оставить полк без оружия. Командир полка еще накануне распорядился сдать винтовки на склад якобы для технического осмотра. Вскоре винтовки нашлись, но без затворов. Лишь после тщательных поисков затворы обнаружили здесь же на складе в мешке, зарытом в мусоре. Красноармейцы митинговали. Меньшевики и эсеры призывали сохранять нейтралитет:

- Против кого пойдём!
- Надо выяснить обстановку!
- Лучше бы отсидеться!
- Мы за нейтралитет!

Кроме открытых врагов, в полку было много колеблющихся – тех, кто попался на удочку меньшевистско-эсеровской агитации. К тому же здесь

оставалось не более 60 процентов личного состава полка – остальные разбежались. М.О. Пантин поднялся на помост и попросил слова:

– Товарищи красноармейцы! В городе белогвардейцы подняли мятеж против Советской власти. Они убивают мирных жителей, партийных и советских работников. Наша задача – занять боевые позиции и приложить все силы, чтобы не дать врагу захватить Заоторосльский район.

Из толпы кто-то бросил:

– Нейтралитет, по-вашему, – это подлость?

– Нейтралитет – предательство! Кто желает защищать Советскую власть – вооружайся, а кто трус – на все четыре стороны!

Коллеблющиеся отошли в сторону. Полк принял решение – немедленно выступить против мятежников».

Как бы то ни было, к вечеру 6 июля 1918 года сторонникам советской власти и примкнувшей к ним дружине левых эсеров удалось сформировать подобие фронта, который тянулся по реке Которосль, затем вдоль железнодорожных путей к станции Всполье. О том, что город не полностью находится под контролем восставших, стало понятно ближе к вечеру того же дня: когда небольшой отряд белогвардейцев попытался проникнуть по «американскому» мосту на основной железнодорожный вокзал – станцию Ярославль (ныне Московский вокзал), то попал под огонь красных и был вынужден ретироваться обратно в историческую часть Ярославля.

Глава 6

День, когда стали рушиться планы

Несмотря на то что восставшие потеряли контроль над южными и западными окраинами города, их командование всё еще вынашивало грандиозные планы. Мобилизация в городе шла успешно, существовала большая надежда, что повстанцев поддержат окрестные села, после чего пламя борьбы охватит всю губернию. Очевидец так описывал второй день мятежа: *«Между тем город оцетинился, принял осадное положение, крайние улицы были перетянуты колючей проволокой, на углах поставлены пулеметы, затрещавшие почти безостановочно. Проход жителям по улицам в центре города разрешался беспрепятственно, но проход за проволочные заграждения к красным категорически запрещался. Случаи убитых и раненых на улицах были довольно редки, и раненых и убитых тотчас же забирали в автомобили (санитарные с красными крестами) и увозили в центр города на Варваринскую улицу, где был временно организован лазарет»*. В городе пытались наладить торговлю, открывались лавки. Добровольцам, вступившим в ряды Белой армии, начали выдавать жалование. Однако благополучие длилось недолго. О резкой перемене, наступившей в городе, вспоминал один из горожан: *«7-го июля, воскресенье. Было ясное, теплое утро. Солнышко светило своими теплыми лучами, задался хороший день, и обыватели почти позабыли, что было вчера, но вдруг раздается трескотня пулемета и ружейные выстрелы в районе Никитской и Пошехонской улиц, в городе появилось большое количество белогвардейцев, занявших весь центр города. К вечеру положение изменилось, стали стрелять с Всполья из орудий»*. С этого момента и все последующие дни жизнь Ярославля проходила под звуки артиллерийской канонады. Откуда же у плохо организованных и слабо взаимодействующих друг с другом красных отрядов взялась мощная артиллерийская поддержка?

Ответ можно найти в воспоминаниях Полякова. *«Часов в 11 шестого июля мне доложили мои красноармейцы, что на станции на платформе стоит 12 штук 3-дюймовых новеньких орудий и несколько вагонов снарядов. Орудия охраняли какие-то солдаты, сразу сами перешедшие ко мне. Узнав, есть ли среди моих красноармейцев артиллеристы, коих нашлось человек 6–7, я приказал подать две платформы с орудием к*

площадкам, чтобы выгрузить орудия для стрельбы». И далее: «Подошедши к орудиям, я увидел, что они были наведены в центр города, где по указанию моей разведки находился штаб белых. Я приказал открыть огонь, красноармейцы стрелять отказались, говоря, что там есть мирные граждане, я же, проверив наводку орудия и предварительно поговорив с красноармейцами, сам лично пустил 4 снаряда, после чего начали и красноармейцы обстреливать город».

Схожее описание, отличающееся только в некоторых деталях, мы можем обнаружить у комиссара Громова, который 7 июля был приписан к Всполью, где вскоре стал комендантом железнодорожной станции: «Вызываю один паровоз из депо; до прибытия паровоза разгружаю 14 3-дюймовых орудий, случайно задержанных на площадках, идущих на помощь для подавления Колчака на Казань. Разгрузив с платформ, поставили на площадке около товарных вагонов, быстро принесли солдаты снаряды из бараков, но, к сожалению, не оказалось артиллеристов. Паровоз готов. Командируем матроса, охранявшего в то время депо, с запиской в Рыбинский Совет. Слова записки гласили следующее: “В Ярославле восстание, шлите отряды, по возможности артиллеристов”. На паровозе с запиской отправился матрос в Рыбинск, и через 3 часа с тем же паровозом прибывают 200 латышских стрелков и артиллеристов на помощь имевшимся у нас воинским частям. В течение этого времени до прибытия артиллеристов и стрелков из Рыбинска прибыло несколько человек из города, каким-то чудом пробравшихся через цепи белых». Пока не прибыли квалифицированные артиллеристы, вести огонь по городу со станции Всполье помогал оказавшийся в расположении красных губернский комиссар мест заключения Николай Казаданов, ранее служивший в 7-й артиллерийской бригаде. Орудия на станции Всполье обстреливали город практически без передышки. Как рассказывали свидетели, пока одна смена артиллеристов работала, другая спала практически у самых орудий.

Вторая батарея красных была организована на территории, перешедшие под контроль 1-го Советского полка, близ станции Ярославль-Город (Ярославль-Московский), куда орудия были доставлены на платформах со станции Всполье. Третья батарея находилась неподалеку на Туговой горе. Историю с ее оборудованием в советских книгах рассказывали подчеркнута лаконично: «На Туговой горе, недалеко от Московского вокзала по распоряжению М.О. Пантина железнодорожники установили обнаруженные на путях артиллерийские орудия и открыли ответный огонь по белогвардейцам». В реальности же там разыгралась

страшная трагедия – был зверски убит священник, который возражал, чтобы с территории его храма вели огонь по историческому центру Ярославля. Расправа с настоятелем церкви Параскевы Пятницы на Туговой горе о. Николаем (Брянцем) поражает своей жестокостью. По рассказам прихожан, которые в тот день были на службе, священника схватили и решили расстрелять. Его заставили самого рыть себе могилу. Настоятель просил не стрелять ему в лицо. Пули попали в грудь, священник был еще жив, когда его сбросили в яму. Отец Николай продолжал креститься и молился. Его закопали живым, сверху бросили дохлую собаку, а под конец помочились на могилу. 18 июля он был перезахоронен в соответствии со священным чином, в новую могилу, а вместе с телом в гроб положили Евангелие.

Впрочем, цинизм и жестокость проявлялись не только по отношению к белым и священнослужителям. Жертвой фактически мог стать любой. Это показывает пример Сергея Александровича Суворова, старого социал-демократа, приятеля Луначарского, по слухам, даже бывшего у него шафером на свадьбе. Сам Луначарский писал о Суворове: *«Он – большевик, но из тех, кто ближе к “Новой Жизни”, а Ленька, его мальчик, – левый большевик, ссорится с отцом, называет его оппортунистом, а отец его – анархистом»*. Накануне Октябрьской революции С.А. Суворов был городским головой и минимум по долгу службы был хорошо знаком с инженером Лопатиным, который стоял во главе Ярославля в начале 1917 года и был поставлен на управление городом по приказу Перхурова в июле 1918 года. Лопатин, видя бессмысленное разрушение Ярославля, предложил Суворову стать парламентаром и обсудить с большевиками условия прекращения артиллерийского огня. Позже, на допросе в ЧК, Лопатин показал: *«По моей инициативе, а затем по присоединившейся просьбе к Штабу со стороны лиц, арестованных деятелей советских учреждений, был командирован парламентаром Ярославский городской голова Сергей Александрович Суворов в штаб Красной армии для ведения переговоров о выводе из города мирного гражданского населения»*. Суворову было передано послание и выдан белый флаг, он двинулся по «американскому» мосту через Которосль к красным позициям. Не дойдя до своей цели около 200 метров, он без всяких причин был застрелен каким-то красноармейцем. Цинизм ситуации усугубляется тем, что красные попытались переложить вину за убийство парламентаря на своих противников. В статье-некрологе сообщалось следующее: *«Руководители белогвардейской авантюры, видя полный крах задуманного дела, не остановились перед тем, чтобы послать на явную смерть взятого ими в*

плен и содержащегося у них под арестом т. Суворова. Когда ему предложили быть посредником в деле прекращения гражданской войны и заключения мира, он с радостью согласился. Ему дали белый флаг как бы в знак их желания вступить в мирные переговоры, тот самый флаг, под которым шло их контрреволюционное восстание. Тов. Суворов бесстрашно выступил вперед по направлению к Красной армии, но за дальностью расстояния он не мог быть узан нашими товарищами, они заметили лишь белый флаг, под которым белая гвардия обыкновенно вела наступление на советские войска. Дано было несколько залпов, и... Суворов был сражен наповал...»

На второй день восстания был без суда и следствия расстрелян и полковник Константин Лебедев, начальник старого штаба заговорщиков, которого Перхуров, принимая во внимание преклонный возраст офицера, отпустил домой сразу же после захвата артиллерийских складов. В «Красной книге ВЧК» это событие описывается с плохо скрываемой иронией: «В военный комиссариат Ярославского военного округа за несколько недель до контрреволюции поступил на службу бывший начальник 12 запасной бригады полковник Лебедев. Этот полковник, перешедший в лагерь контрреволюционеров, надев на себя солдатские лохмотья, пробирался к нашим позициям как разведчик. На вопрос патруля: „Кто идет?“ – солдат скромно ответил: „Бывший полковник“. Препровожденный в штаб Красной армии, этот полковник был опознан, и все его предательские проделки раскрыты». И в этом случае реальность оказалась куда более трагичной, на что указывает один из отрывков воспоминаний комиссара Петровичева: «Однажды, выходя из штаба, вижу кучу красноармейцев, понукают какого-то человека, заставляя идти вперед к штабу. Человек этот был высокого роста, в простом штатском картузе, в толстой холщовой рубашке, на которой ни ремня, ни пояса не было, какие были брюки, не помню, кажется, черные, в простых русских сапогах. Человек этот повторял на понукание красноармейцев, что он солдат. Провели его в вагон. Я пошел посмотреть и вижу – точно бы полковник Лебедев, быв. нач. гарнизона Ярославля при Керенском, но все же сомневался, т. к. черты лица его сильно изменились или же лицо сильно было покрыто пылью и оттого выявился иной вид. Я решил понять, спрашиваю: „Полковник Лебедев, Вы“. „Я“, – отвечает он. Красноармейцы, видя с его стороны обман, немедленно вывели его из вагона и тут же расстреляли. Все это произошло так быстро, что я не успел ни сам остановить, ни штабу об этом сказать, чтобы узнать от него, как и с какой целью он попал в линию красноармейцев и каково

положение белых; хотя он, может быть, ничего бы и не сказал или сказал не то, что есть на самом деле, но после меня этот вопрос интересовал».

Между тем в Москве наконец-то стали осознавать серьезность происходящих в Ярославле событий. На заседании большевистской фракции 5-го съезда Советов Я.М. Свердлов сделал внеочередное заявление о мятеже в Ярославле. Тогда же прозвучал призыв, адресованный ярославским коммунистам, сплотиться для скорейшей ликвидации мятежа. Делегатам от Ярославской губернии было предложено возвращаться домой для организации подавления белогвардейского восстания. При этом подчеркивалось, что надо добираться как можно быстрее, действовать по обстановке, но решительно, а главное – во что бы то ни стало удерживать железнодорожный мост через Волгу. Делегаты съезда П.А. Будкин, К.Е. Бабич, О.И. Розанова и другие немедленно выехали в Ярославль. К.Е. Бабич, председатель Ярославского губревкома в период мятежа, вспоминал: *«С большим трудом добрался я до Ярославского вокзала, но выехать не смог: остатки меньшевиков в руководстве профсоюза железнодорожников объявили нейтралитет и остановили движение. Помог мне военный комендант. Он выяснил по телефону, что со станции Лосиноостровская должен вскоре отправиться бронепоезд... Через дежурного по станции я связался с командиром бронепоезда. Тот вначале отказался взять меня, заявив, что не может допустить посторонних на бронепоезд. Помог мандат, выданный мне Свердловым... Наконец мы прибыли на разъезд Хожяево. С командиром бронепоезда договорились, что он отправится отсюда к железнодорожному мосту через Волгу и примет все меры, чтобы отбить его».*

В Ярославль стали прибывать и красные отряды, направленные из соседних городов. Одними из первых на подступах к Ярославлю оказались красные бойцы из Кинешмы, города, расположенного вверх по течению Волги (Ивановская область). Во время июльских событий в Ярославле в составе Кинешемского гарнизона насчитывалось более 700 бойцов. Из них чуть более двухсот приняли участие в боях. Исследователи сообщают, что 1-й Кинешемский Советский Красный полк начал формироваться весной 1918 года. К 6 июля в его составе имелись: 1-я рота (59 чел.), 2-я рота (76 чел.), 3-я рота (102 чел.), пулеметная команда (35 чел., 6 пулеметов «Максим»), команда конных разведчиков (36 чел.), нестроевая рота (82 чел.) – всего 13 командиров и 372 красноармейца. Командиром полка был Тарабаров, комиссаром – Лазарев. Квартировал полк в летних лагерях на Межаковом поле.

7 июля, в связи с угрозой распространения ярославских повстанцев

вниз по Волге, в Кинешме была объявлена мобилизация коммунистов, которые в числе 91 человека были вооружены и переведены на казарменное положение. Подобные меры предпринимались также в Костроме, Иваново-Вознесенске – Ярославль, по сути, должен был оказаться в «тисках блокады». Если же говорить о составе гарнизона города Кинешма, то в него вошли также вооруженные рабочие и дружинники с местных заводов и фабрик. Каждая из рабочих дружин насчитывала от 10 до 50 человек, всего же дружинников было около 250. 7 июля 137 стрелков 1-й и 2-й рот, 19 пулеметчиков, в распоряжении которых было два пулемета, и 9 нестроевых солдат 1-го Кинешемского полка вместе с двадцатью оперативно мобилизованными коммунистами были направлены по железной дороге в Ярославль. Двигались они по пути, пролегавшем через станции Середа и Нерехта. Под Ярославль бойцы из Кинешмы приехали вечером 7 июля, а через пару дней к ним прибыло подкрепление в составе 40 человек. Почти сразу же эти отряды начали прорываться к Городскому валу и пытались закрепиться на этом стратегически важном объекте городской окраины. Впрочем, все эти попытки были безуспешными. Каждый раз кинешемцев отбрасывали назад – повстанцы очень умело использовали местную застройку, останавливая атакующих красноармейцев пулеметным огнем. Надо отметить, что, несмотря на то, что восставшие испытывали явный недостаток артиллерии, пулеметов у них был едва ли не переизбыток. Председатель РВК северных железных дорог докладывал: *«Белогвардейцы засели с пулеметами в зданиях. Наши делали наступление не совсем удачно, ждут помощи каждую минуту»*. В своих показаниях на судебном процессе А. Перхуров сообщил, что на линии обороны, которая образовалась вокруг города, было около семидесяти «белых» пулеметов. Впрочем, красные называли цифру куда более значительную: *«Потому что мы пробовали идти в наступление, а белые располагали около 600 пулеметами. Дело в том, что они заняли арсенал и военный склад, который принял пулеметы от 83 частей. Пулеметов работало много, и от этого главным образом и получились такие большие потери»*. Впрочем, эту цифру никто не воспринимал всерьез, даже свои иронизировали над ней: *«Сколько же тогда надо было белогвардейцам иметь пулеметчиков, если у них было 600 пулеметов?»* В свою очередь, Карл Гоппер, один из самых грамотных командиров белых повстанцев, сообщал: *«На каждом из наших боевых участков было в среднем около 6 пулеметов. В винтовках недостатка не было, но начинал ощущаться недостаток в патронах, поэтому предполагалось перевооружать участки по очереди японскими винтовками, которых в складе было достаточно, с достаточным*

количеством патронов, оставшиеся же к этому времени ружейные патроны оставались исключительно для пулеметов». (Под «ружейными» имеются в виду патроны для русских трехлинейных винтовок. – Прим. ред.)

Но вернемся в отряды, прибывшие из Кинешмы. После того, как им не удалось занять Городской вал, они были переброшены на западную окраину города, в район, который можно назвать дореволюционной промзоной. Отряды заняли позиции вдоль железнодорожной линии, которая тянулась к мосту через Волгу. В ночь с 7 на 8 июля его роты, прикрываясь железнодорожной насыпью, продвинулись до места пересечения ее с Лагерной улицей. Бойцы заняли стрелковую позицию на насыпи железной дороги, установив один из пулеметов рядом с виадуком. Штаб отряда расположился в здании бывшей ткацкой фабрики «Каюков и сыновья» вместе со штабами Костромского и Шуйского отрядов, роты которых развернулись соответственно за левым и правым флангами позиции кинешемцев. На рассвете 8 июля красноармейцы открыли огонь по передовой линии повстанцев, но в ответ не последовало никакой реакции. В одной из своих статей братья Шевяковы отмечали: *«За несколько часов лишь один белый пулемет сделал три короткие очереди, последней из которых был убит 20-летний боец Иван Капустин, стрелявший в сторону противника сначала с колена, а потом и стоя. Бойцы отряда один за другим прошли перед трупом своего товарища прощаясь, и вскоре без приказа и команды, перемахнув насыпь ж. д., устремились на врага. Выскочивший из штаба Тарабаров закричал было: “Назад!” Но тут же выхватил револьвер и помчался по огороду вслед за полком. От неожиданного натиска красной цепи повстанцы бежали. Крайняя линия домов, в том числе и зеленый дом с мезонином, из которого стрелял пулемет, была захвачена в течение нескольких минут. Схватили и белых пулеметчиков. Цель была достигнута, и наступил момент, когда люди, утолив жажду мести, залегли по обочинам дороги, не зная, что же делать дальше».*

Впрочем, почти сразу же последовала белая контратака. Отряд из Кинешмы накрыли мощным пулеметным огнем, и красные были вынуждены оставить позиции. Командир не без труда, но восстановил контроль над своей частью. Было приказано закрепиться в окрестных домах. Через несколько часов на этом участке фронта начались сильные пожары. Загорелись сразу несколько заводов. Под напором огня и белых пулеметов красноармейцы отошли обратно к железнодорожной насыпи. В последующие дни красные бойцы неоднократно пытались прорваться в

сторону центра города, но каждый раз откатывались назад. Они даже не смогли закрепиться на одной стороне железнодорожного моста через Волгу. (Это удалось сделать много позже, когда на этот участок фронта был послан бронепоезд, а город стал подвергаться бешеному артиллерийскому обстрелу.) Казалось, что ситуация была благоприятной для белогвардейцев. Однако Карл Гоппер полагал, что положение патовое. Он писал по этому поводу: *«Обстановка требовала разбить бывшие налицо большевистские войска, пока их немного, а для этого нужно было иметь хотя бы небольшой отряд для активного действия. Красные, окружавшие нас тонкой линией, не были сильны и безусловно не имели никаких резервов. Отряд в 200–300 человек, напав на какой-либо из их флангов и окружив его, мог легко повернуть все дело в нашу пользу. Ввиду этого все усилия штаба были направлены к созданию такого отряда, но, увы, оказались тщетными. Первые дни я лично был занят этим формированием, но ни разу не удалось сформировать более 50 человек, как поступали с фронта такие категорические требования о присылке поддержки, что нельзя было отказать».*

Неожиданно для многих вечером 7 июля часть отрядов, прибывших из Рыбинска, была отозвана обратно. Уездный военный комиссар Громов, на тот момент ставший комендантом станции Всполье, вспоминал: *«Через несколько времени из Рыбинска пришла телеграмма: просят вернуть их стрелков. В Рыбинске восстание».* Советская историческая литература никогда не скрывала, что Рыбинск для организации «цепочки» восстаний имел такое же большое значение, как и Ярославль. *«В своих планах интервенты особенно выделяли Рыбинск, который наметили сделать центром восстания. Захват рыбинских военных складов, по мнению интервентов и белогвардейцев, дал бы им возможность продержаться здесь до того времени, когда на помощь подошли бы с севера англо-французские и американские десантные войска. Поэтому успех восстания в Ярославле ставился в прямую зависимость от захвата Рыбинска».* Для того чтобы вооруженное выступление в Рыбинске было удачным, имелись все предпосылки. В частности, здесь была более сильная и хорошо вооруженная белая офицерская организация. Однако Савинков, взявший на себя непосредственное руководство «операцией» в Рыбинске, все-таки был никудышным стратегом. Выступление надо было начинать одновременно с «ярославским мятежом», в противном случае терялся эффект неожиданности. Позже Перхуров, рассуждая о возможных причинах провала выступления в Рыбинске, приводил мнение Савинкова: *«Две причины по его мнению. Одна причина, что кто-нибудь выдал или*

предупредил, потому что когда люди готовые шли на сборный пункт, то всюду были поставлены заставы. Потом Бредэ порядочно помешал. Он приехал в Москву, и там его расстреляли». Впрочем, было бы странно, что губерния, вокруг которой формировалось кольцо блокады, не будет готовиться к возможным выступлениям в других городах и населенных пунктах. Однако первая реакция советского руководства все-таки больше напоминала панику, нежели холодный расчет. В своем докладе Руцкой и Миронов сообщали: «Из Рыбинска сообщение: В третьем часу ночи в количестве около 1000 со значительным количеством оружия, воспользовавшись нашим отправлением войск в Ярославль, выступили белогвардейцы, была сильная пальба, пулеметная и ружейная, к 12 часам дня усилиями оставшихся стрелков и железнодорожников Белогвардейцы прогнаны за Волгу к Мологе, нами отбито много оружия. Настоящее время спокойно, лишь отдельные выстрелы из окон, есть сведения, [что] Белогвардейцы организуются на ночь, мы все на чеку, но их больше нас в десять раз, будем биться до конца, в крайнем случае запремся в станции и не сдадим ее. Дело осложнено тем, что в сторону Петрограда обрезаны провода и столбы, у нас мало пулеметов, послали в Бологое за помощью, свой отряд затребовали обратно из Ярославля, но его не отдали, случайно удалось сообщить Петрограду, обещал выслать помощь, посредине разговора обрезаны провода, сил у нас до 100 человек».

Сведения о выступлении, очень обрывочные, доходят до штаба Перхурова. Именно по этой причине в сводке от 9 июля сообщалось: «Рыбинск. Восстание против советской власти развивается весьма успешно». На самом деле операция провалилась и ликвидация выступления была закончена за несколько часов. На допросах Перхуров рассказывал о том, как узнал о начале второго «мятежа»: «— 7-го числа. Сообщение было такое, что наступают чехи с пяти сторон с пулеметами, просят прислать броневой дивизион.

- Вы, конечно, поняли?
- Да, конечно. Это не чехи, а наше выступление.
- Скажите, с Савинковым Вы сговаривались, что, как только удастся там, немедленно двинуть помощь из Рыбинска?
- Да.
- И, очевидно, Вам немедленно бы сообщили?
- Не помню, какого числа я послал радио. Ответа не получил.
- Когда Вы убедились в том, что в Рыбинске провал?
- Только тогда, когда вырвался из Ярославля». Действительно, отсутствие связи с Рыбинском стало большой проблемой. Тот же

Перхуров свидетельствовал: «Связь между ними и нами была очень осложнена, потому что кольцо все время сжималось. Я отпустил массу людей, чтобы разузнать, что делается в Рыбинске. Ни один из посланных обратно не явился».

Как бы то ни было, но уже 8 июля советский отчет, направленный в Москву, звучит более уверенно, хотя и тревожно: «В Рыбинске продовольственное положение критическое. Требуется содержать шесть уездов губернии. Просим экстренных распоряжений. Просьба экстренно выслать деньги для удовлетворения жалованиям красноармейцев 6-ти уездов, а также Комиссариатам Уездным и Волостным. Ввиду падения Губернск[ого] Комиссариата] гор. Ярославля требуется передать полномочие Губернск. Комиссариата Уездному Рыбинскому Комиссару. К предупреждению нападения на Рыбинск приняты все меры, необходимо иметь поддержку живой силой и технической – броневики, автомобили и оружейные снаряды имеются; получена Рыбинском помощь из Бежецка. Из Рыбинска доносит Комиссар Ферофонтьев. При выступлении чехов и Белогвардейцев их было 70 человек, в настоящее время все спокойно. Приняты все меры предосторожности. Взято в плен 17 человек. Оборона города принята со всех сторон. Красные казармы при 4-х орудиях 3-х калиберн[ых], 40 пулеметов, Артиллерийск[ий] скл[ад] 4 шт. 3-х калибер[ных], 5 шт. 6[-ти] калибер[ных], 6 пулеметов. Имеем сухарей 700 пудов. Галет 700 пудов, муки 100 пудов. Армия налицо 1000 человек, необходимо сейчас же обеспечить деньгами. Из Рыбинска в Ярославль отправлены 153 человека, 9 пулеметов, 168 чел., 4 пулемета, 56 человек, 1 пулемет, 20 чел., 1 пул., 60 пулеметных лент, 50 000 винтовочных патронов, снарядов 3-х дюймовых 304 шт., шрапнелей 3" – 500 шт., гранат 3" – 500 шт., погружено 5000 3"-снарядов, но еще не отправлено, потому что появились слухи, что на ст. Лом имеются Белогвардейцы, по выяснении отправим».

Позже Перхурову не раз приходилось встречаться с Савинковым. Тот, желая хоть как-то оправдаться за «рыбинский провал», изложил следующую версию произошедшего: «В ночь на 6-е июля полковник Перхуров выступил в Ярославле, 7-го мы узнали, что Ярославль в его руках. В ночь на 8-е я приказал выступить в Рыбинске. Наш штаб находился на окраине города в квартире маленького торговца. Жил я в квартире другого торговца, на берегу Волги, у самых большевистских казарм. Ночью мы собрались в штабе, и ровно в 1 час раздался первый ружейный выстрел. Но уже в 2 часа мой адъютант доложил мне, что, в сущности, бой проигран. Мы были преданы. Большевикам стали известны наши сборные пункты, и

конные большевистские разъезды были на всех дорогах, ведущих к артиллерийским складам. Несмотря на это, артиллерийские склады были взяты. Но когда члены нашей организации двинулись, вооружившись, на Рыбинск, они встретили заготовленные заранее пулеметы. Им пришлось отойти. К утру, понеся большие потери, они вышли за город и окопались в нескольких километрах от Рыбинска. Когда рано утром, убедившись, что бой проигран бесповоротно, мы вышли из штаба, было совсем светло. Куда идти? Пулеметы трещали без перерыва, и над головой свистели пули. Жители, чувствуя, что победа останется за большевиками, в страхе отказывались нас принимать. Мы остались посреди города, не зная, где нам укрыться. Тогда мы решили пройти пешком в указанную нам деревню, где жил рекомендованный рыбинской организацией купец. Дикгоф-Деренталь, Флегонт Клепиков и я двинулись в путь. Едва мы вышли из города, как снова попали под большевистский огонь. Едва мы вышли из сферы огня, как наткнулись на большевистский патруль. Но мы были одеты рабочими. Патруль не обратил на нас никакого внимания. Так мы прошли верст 20, пока не отыскали наконец нужную нам деревню... Бой в Рыбинске был бесповоротно проигран, но Ярославль продолжал держаться. Я послал офицера к полковнику Перхурову, чтобы сообщить ему о рыбинской неудаче. Офицер до полковника Перхурова не доехал: он был арестован большевиками. Для меня было ясно, что без артиллерии Ярославль долго обороняться не может. Но я тоже надеялся на помощь союзников – на архангельский англо-французский десант. Поэтому было решено, что оставшиеся силы рыбинской организации будут направлены на партизанскую борьбу с целью облегчить положение полковника Перхурова в Ярославле. В ближайшие после 8 июля дни нами был взорван пароход с большевистскими войсками на Волге, был взорван поезд со снарядами, направлявшийся в Ярославль, и был испорчен в нескольких местах железнодорожный путь Ярославль – Бологое. Эти меры затруднили перевозку большевистских частей со стороны Петрограда, но мы не смогли воспрепятствовать перевозке из Москвы. Троцкий же, понимая всю важность происходящих событий, напрягал все усилия, чтобы с помощью Московского гарнизона овладеть Ярославлем».

Глава 7

Чьи вы, хлопцы, будете?

Необходимость этой главы-отступления продиктована не столько потребностью изложить какой-то исторический материал, сколько дать трактовку материалу уже накопленному. До начала 90-х годов позиции сторон по проблеме «ярославского мятежа» (что «красных», что «белых») удовлетворяли оба противопоставленных друг другу идеологических полюса – «красные» полагали участников мятежа не просто контрреволюционерами, а крайне реакционными элементами, бывшими либо монархистами, либо сторонниками военной диктатуры. Надо отметить, что сами «белые» такими оценками вовсе не были возмущены и подобный подход их вполне устраивал. Все в корне начало меняться, когда в дело вступили отечественные либералы, которые во многом были подобны персонажу анекдота, что ехидно говорил: «А что не съем, то понадкусываю». В своем страстном желании превратить Ярославское восстание в некое «собственное достижение», они стали провозглашать его народным демократическим движением, которое было порождено тем, что большевики стали узурпаторами, ликвидировавшими демократическое государство и т. д. В связи с событиями июля 1918 года стали звучать и вовсе нелепые суждения. Например: *«Символично, что восстание началось в Ярославле. Ведь наш город издавна известен свободлюбивыми традициями»*. Или: *«Ярославль во многом шел впереди всей Руси. Он стал родиной русского парламентаризма»*. Некоторые суждения так и вовсе вызывают оторопь: *«Эсер Борис Савинков действительно „идейный вдохновитель и организатор“ восстания, но нужно видеть: к июлю сложилась коалиция демократических, либеральных и консервативных сил, выступавших против большевистского радикализма»*. То есть ситуация подавалась следующим образом: хорошие «розовые» ярославцы активно выступали как против белых, так и против красных экстремистов. Неудивительно, что этот, с позволения, «kozyрь» ярославские либералы пытались разыграть в 1993 году. Однако что же происходило в действительности? Ответ на этот вопрос, точнее говоря, верное установление идеологической окраски ярославских повстанцев позволит нам более правильно понять события, речь о которых пойдет в книге далее.

Начнем с самого простого: с символов ярославского восстания. При

изучении документов источников и мемуаров бросаются в глаза две вещи. Во-первых, нигде не упоминается российский триколор. Во-вторых, количество упоминаний о георгиевской ленте как отличительном знаке ярославских повстанцев просто «зашкаливает». Для начала попробуем разобраться в первом вопросе. Как ни странно, но традиционный триколор в первой половине 1918 года ассоциировался с Временным правительством, которое большинство восставших полагало полностью себя дискредитировавшим. Один из ближайших сподвижников А. Перхурова Василий Федорович Клементьев в своих воспоминаниях приводит в высшей мере показательный пассаж: *«Незаметно разговор перешел на большевиков и на борьбу с ними здесь. Затем заговорили о том разброде, в котором находится офицерство в столице.*

– Стыдно сказать, – с горечью вздохнул полковник, – но ведь очень много господ офицеров теперь ориентируются на немцев и с их помощью надеются свалить большевиков.

Я с ним согласился, но добавил, что удивляться этому не приходится.

– Ведь вы же знаете, как относился к нам, офицерам, Керенский и его окружение, – сказал я. – Наши же союзники и теперь поддерживают Керенского. Поэтому офицеры и тянутся к своим бывшим врагам. Они нас скорее поймут и помогут, чем все англичане, французы, итальянцы.

– А вы монархист? – спросил у меня собеседник.

– Конечно, монархист».

Еще более показательной являлась позиция офицеров из тайной организации по поводу названия, которое предлагал Савинков. *«Савинков предложил назвать нашу организацию Союзом Защиты Родины и Свободы. Кажется, Бредис и Страдецкий запротестовали против слова „Свобода“». Большая часть офицеров полагала, что это слово дискредитировано опять же Временным правительством, а потому неизбежно оттолкнет людей (офицеров в первую очередь) от организации. Сам же Перхуров первоначально планировал, что тайная организация может называться «Союз великороссов». В данном случае учитывалась не только борьба против большевиков, но и активное противодействие «украинизации» армии, что опять же вменялось в вину Временному правительству. В воспоминаниях как бы вскользь проходит такая информация: *«33-я пехотная дивизия еще Временным правительством была украинизирована. Вероятно, следы украинизации остались. В Курске украинские сепаратисты постараются переманить в свои ряды офицеров и солдат, склонных к украинизации».**

Может возникнуть вполне логичный вопрос: если организация

Перхурова и его окружение так активно выступали и против большевиков, и против наследия Временного правительства, то зачем же во время «мятежа» они восстановили в правах комиссара этого самого правительства Бориса Дюшена? Когда говорят об этом, то обычно ссылаются на рассказ Дюшена, который воспроизводился в воспоминаниях белого публициста Романа Борисовича Гуля. *«До последнего я оставался в губернаторском доме (обычная резиденция комиссаров Временного Правительства в губернских городах). Когда в город уж ворвались большевистские банды, я бросил все, взял револьвер и вышел на Пушкинский бульвар. Было раннее утро. На окраине шла стрельба. На бульваре ни души. Я шел с револьвером по бульвару. Потом сел на скамейку и думаю: сейчас кончат или немножко подождать? Но, м. б., потому, что утро было чудесное, я решил подождать. А стрельба все близилась с окраин к центру. Взглянул я на небо, на револьвер и вдруг почувствовал, что смертельно устал от всей этой ерунды, называемой жизнью. Встал. Оставалось немножко приготовиться. И вдруг сзади услышал шаги и странное бормотание. Оглянулся: прямо на меня идет человек. А стрельба с окраин все близится, разгорается. Человек подходит, и я вижу, это мой друг, рабочий, и совершенно пьяный».* Далее рассказывалось, как Дюшен почти целые сутки прятался под крышей «китайской» беседки, которая располагалась на бульваре. Начать надо с того, что все эти воспоминания в основе своей являются выдумкой. Это подразумевал и сам Роман Гуть, когда давал Дюшену такую характеристику: *«Дюшен был приятным человеком. И при всем том мне всегда казалось, что он – “нарисованная дверь”, по выражению Зинаиды Гиппиус, примененному к И.И. Фондаминскому-Бунакову. Дверь-то нарисована, поэтому и войти в нее нельзя».* Проще говоря, Гуть нутром чувствовал, что Дюшен был весьма фальшивым человеком. Если мы посмотрим на указанный отрывок, то бросается в глаза, что Дюшен едва ли мог прятаться в последний день восстания в «китайской» беседке на бульваре, так как та сгорела несколькими днями ранее. Да и при Перхурове он был вовсе не комиссаром Временного правительства, а всего лишь начальником радиостанции в составе совершенно «неперспективного» автотехнического отдела. Собственно, и восстановления такой должности, как комиссар Временного правительства, не могло быть по определению, так как своим постановлением А.П. Перхуров в качестве главнокомандующего Ярославской губернии упраздняет не только все органы советской власти, *«где бы в пределах Ярославской губернии таковые ни находились и как бы ни именовались, как коллегиальные, так и единоличные»*, но

и восстанавливает управление, характерное для царской России. Во избежание разночтений он открыто указывает в постановлении: *«Отменяются действия положений Временного правительства: а) о губернских и уездных комиссарах, б) о милиции и в) о губернских, уездных и волостных земельных комитетах. Дела означенных комитетов временно передаются в ведение губернского и уездных земств и волостных старшин по принадлежности... Приостанавливается действие постановлений, изданных Временным правительством: а) о производстве выборов городских гласных, б) губернских и уездных земских гласных, в) временные положения о волостных земских самоуправлениях, г) о поселковом управлении, правила о волостном обложении, о волостных сметах, раскладках и о волостных сборщиках и д) положение о судах по административным делам».*

Собственно, Перхуров никогда не скрывал, что он был последовательным монархистом. Позже, во время судебного процесса он заявит: *«Я по совести скажу, что, когда была монархия, я был монархистом, так как она была санкционирована Собором, но когда монархия свергнута, я остался человеком, который любит власть, которая нужна народу».* Борис Савинков в своей брошюре, посвященной борьбе с большевизмом, также назвал Перхурова монархистом. Позднее следователи спрашивали «великого террориста»: *«Признаете ли себя виновным в том, что весной 1918 г. вы организовали Союз Защиты Родины и Свободы совместно с монархистами Перхуровым и генерал-лейтенантом Рычковым и, получив деньги и директивы от французского посла Нуланса и чехо-словаков, подняли восстание в Рыбинске, Ярославле и Муроме?»* Что очень важно: Савинков ни разу не отрицал того, что Перхуров не был монархистом, даже не удивлялся тому, что его характеризовали подобным образом. Также не вызывало у него никакого сопротивления обвинение в том, что «Союз защиты Родины и свободы» по факту возник на основе организации офицеров-монархистов, в которую входило более восьмисот человек. По этой причине ясно, почему обвинение во время суда над Перхуровым выдвинуло следующий тезис: *«Вы – генерал – пускали долгое время в ход слово “монарх”. Сидящий на этой скамье был монархист и теперь был бы монархистом, если бы только нашелся подходящий кандидат. В России под этим лозунгом лилась сотни лет горячая человеческая кровь».* Если же вернуться к воспоминаниям Дюшена, то на них можно было бы сразу поставить крест, если учитывать, что он был агентом ОГПУ, в 1929 году вернулся в СССР и ушел из жизни двадцать лет спустя в чине полковника МГБ.

Если говорить о георгиевской ленте как отличительном знаке ярославских повстанцев, то она встречается едва ли не повсеместно. *«Тогда подошел офицер с броневика и перевязал нам руку георгиевской лентой, чтобы в нас не стреляли». «У Вас отличительный знак был георгиевская ленточка? – Да». «В качестве пропуска через кордоны была дана георгиевская ленточка. Эта георгиевская ленточка раздавалась всем. Уже шла запись добровольцев. Это был пропуск через заградительную часть». «Я был остановлен четырьмя молодыми военными в виде юнкеров, державшими винтовки на изготовке, на груди которых красовались георгиевские ленты и банты». «Стали чаще поступать пленные с Георгиевскими лентами на груди». «Недалеко от Дома Народа по набережной под деревьями лежали два трупа в серых шинелях с георгиевскими лентами в петлицах». «Утром я пошел, как по обыкновению на работу, только вышел на улицу и вижу картину: растянулась по берегу Которосли, направленную в сторону Московского вокзала цепь солдат с георгиевскими ленточками. Один из солдат так грубо спросил: „Куда идешь? Не ходи, сейчас будет стрельба“». «Когда вышел на двор, то увидел уже другую картину, нет тех солдат, что с георгиевскими тряпками, а на дворе солдаты стоят в числе 8–9 человек с красным флагом». «К 12 часам пополудни стрельба все больше ожесточает и обывателей на улицах совсем видно мало, все больше сидят дома, в центре города появились белогвардейские патрули с георгиевскими ленточками на груди (знак отличия от красных), бегающие и спрашивающие каждого встречного и поперечного, не проходили ли здесь красные». «Все собираются и друг друга спрашивают, но достоверно еще никто ничего не знает. „Это англичане с севера наступают, – большевиков сшибают и нам жизнь хорошую обещают“, – сказал мимо проходивший с разноцветной белогвардейской ленточкой на пиджаке мужчина». Некоторые очевидцы указывали на то, что многие из горожан, примкнувших к белогвардейцам, поверх банта из георгиевской ленты прикрепляли значок с Георгием Победоносцем. Наличие специальных значков могло бы показаться странным, если не учитывать, что это были знаки «Союза Русского Народа», на которых как раз в «венце» был изображен Святой Георгий. Об использовании дореволюционной символики сообщал даже комиссар финансов Петровичев: *«Некоторые товарищи говорили, что очень много офицеров бывает на бульваре и что начинают держать себя вызывающе, даже нацепляют значки бывшего царского времени».**

Если принять во внимание всё вышеперечисленное, нет ничего

удивительного в том, что в первый же день вооруженного восстания Л. Фишкин, местный предводитель «Бунда», охарактеризовал выступление как «реакционно-черносотенное», более того, обратился к большевикам с просьбой обеспечить еврейское население оружием, дабы оно могло защищаться от возможных погромов. Аналогичной точки зрения придерживалась и местная организация меньшевиков, которая сразу же заявила, что *«это был контрреволюционный переворот»*, а один из местных лидеров умеренной социал-демократии П.А. Богданов-Хорошев писал: *«Восстание оказалось явно белогвардейским»*. В первый же день выступления произошел очень показательный случай. К повстанцам решила примкнуть рабочая дружина. Далее очевидец описывал: *«Эта рабочая дружина обратилась к стоящим офицерам, т. е. пришла рабочая дружина, где нам получить оружие. На это получился ответ такого сорта: Здесь нет т.т. [товарищей], здесь есть только солдаты и офицеры. Кто хочет защищать родину, тот становись в затылок и слушай команды»*. Опять же, миф о наличии «широкого демократического фронта» уничтожается хотя бы тем фактом, что в июле 1918 года левые эсеры выступили против восставших ярославцев на стороне большевиков. Их боевая дружина сражалась на участке фронта, расположенном между Которослью и железнодорожными путями. ***Это насколько же восстание в Ярославле должно было быть «белым», чтобы эсеры, которые в Москве начали боевые действия против большевиков, в Ярославле изменили своим товарищам и вошли в тактический союз с коммунистами???*** Как видим, никакой «коалиции» за плечами восставших не было – правильное было бы говорить о том, что именно против «белого Ярославля» действовали коалиционные силы, состоящие из эсеров, большевиков, бундовцев, прибывших из Москвы анархистов, а также занявших благожелательный в отношении советской власти нейтралитет меньшевиков. Единичные случаи перехода на сторону повстанцев (эсер Мамырин, меньшевик Дюшен) не меняют картины в целом – это мизерные исключения из правил.

Кроме того, известно о монархических настроениях среди кадетов, которые одними из первых покинули позиции Советского полка и примкнули к повстанцам. Кадеты Ярославского кадетского корпуса не приняли Февральскую революцию. Во время майских праздников 1917 г. кадетский оркестр отказался играть «Марсельезу», оправдавшись тем, что оркестранты еще ее не разучили. Во время Корниловского выступления кадеты были готовы поддержать мятежного генерала и резко выступали против Керенского. После Октябрьской революции представители новой

власти потребовали от командования кадетского корпуса сдать оружие, которое находилось в 1-й роте. Кадеты отказались сделать это. Когда в первые дни новой власти манифестация рабочих проходила мимо кадетского корпуса, кадеты распахнули окна, и их оркестр заиграл «Боже, царя храни!». В начале декабря 1917 года было получено сообщение о том, что в кадетский корпус предполагается направить отряд Красной гвардии для подавления инакомыслия. Однако в казармах кадетского корпуса расположили 1-й Советский полк. А кадеты готовились... Сигналом к сбору для выступления против большевиков были распространявшиеся в городе в конце июня 1918 года условные записки: *«Всех, кто желает принять участие, просят явиться»*. Кадеты были среди нападавших на склады, и через несколько минут после взятия артиллерийских складов несколько десятков бывших учащих выехали с оружием на машинах в город для раздачи оружия восставшим.

Не выдерживает критики также миф о том, что «белый Ярославль» выступал за Учредительное собрание. Это больше похоже на самовнушение, нежели на реальные планы. Еще в своих воспоминаниях В. Клементьев указал на отношение офицеров тайной организации к самой идее Учредительного собрания: *«Опять раздались голоса против скомпрометировавшего себя Учредительного собрания. Савинков не сдавался. Он соглашался, что разогнанное большевиками Учредительное собрание не оправдало возлагавшихся на него надежд»*. Несмотря на давление со стороны французских дипломатов, Перхуров в своем манифесте подчеркнуто дистанцировался и от Учредительного собрания, и от идеи, связанной с ним. Он вел речь о *«широком государственном народоправстве, Народном собрании, законно и в нормальных условиях избранном, должно создать основы государственного строя»*. То есть само Учредительное собрание он полагал «незаконным». Эту мысль Перхуров повторял и во время судебного процесса над ним – он говорил, что собрание должно было непременно быть «нового созыва». *«Причем прежнее Учредительное Собрание было созвано не так... Выборы были неправильные»*. Однако для того, чтобы заручиться более широкой поддержкой, Перхуров никогда не оглашал, что Народное собрание и Учредительное собрание – это было в его представлении совершенно не одно и то же. Остается вопрос: почему на судебном процессе А.П. Перхуров не демонстрировал открыто свои монархические взгляды? Проблема в том, что уже после того, как он был пленен в Сибири и оказался в концентрационном лагере, он решил откликнуться на призыв знаменитого генерала Брусилова: *«Нами была получена газета с*

воззванием Брусилова, который звал все офицерство встать на борьбу с польской шляхтой. Нами этот вопрос обсуждался в плоскости, как на него реагировать. Мы решили, что, раз мы нужны, надо идти на защиту русской территории. Об этом была составлена телеграмма, собраны были деньги, и она была передана через коменданта лагеря. Это было отпечатано в газетах, и копии этих документов должны сохраниться в Челябинске. В телеграмме говорилось: „Мы – офицеры, солдаты и граждане готовы защищать русскую землю“ и т. д». Формально Перхуров был амнистирован за все свои прошлые деяния, что подчеркивалось стороной защиты во время суда: «Если суд верит показаниям Перхурова, то я должен сказать, что у меня есть декрет за подписями Ульянова, Троцкого и Курского, который говорит, что все офицеры армии Колчака, которые помогли бы в борьбе с польской шляхтой, освобождаются от наказания за все деяния, совершенные ранее. Это дает мне огромный аргумент защитительный». Признаться в монархических убеждениях означало автоматически подписать себе смертный приговор. Перхуров был человеком, вне всякого сомнения, смелым, но не оставлял надежды, что прежняя амнистия выручит его.

На монархический, или, как было принято говорить ранее, «реакционный», характер Ярославского восстания указывают и другие моменты. Например, внешнеполитическая ориентация. Если классические либеральные контрреволюционеры были безусловными сторонниками Антанты, то монархисты колебались при выборе: они могли надеяться на кайзеровскую Германию либо вовсе отрицать любую внешнюю помощь. Отблески сложной игры, которую через Савинкова со странами Запада вел Перхуров, будут рассмотрены в последующих главах. Пока можно ограничиться свидетельством очевидца, который описал реакцию офицеров, когда Савинков предложил заключить союз с западными державами: «Заграничная платформа нашей организации традиционно русская: верность нашим союзникам (Антанте) и борьба с немцами на стороне союзников до победного конца. Горькие усмешки появились на лицах участников собрания. Вероятно, Савинков это заметил, опустил голову, сложил руки на груди и, глядя на переплетенные пальцы, тяжело выдохнул:

– Да, господа, это, конечно, непопулярно даже у нас здесь, но необходимо, иначе с нами никто не будет говорить». О том, что часть руководства восстания была прогермански ориентированными монархистами, в своих воспоминаниях рассказывал генерал Карл Гоппер (на момент восстания – еще полковник). В частности, это относилось к

коменданту города генералу Веревкину: «Как-то, когда я выбрал свободную минуту напиться чаю, он подошел ко мне, отрекомендовался казачьим генералом В. и председателем Петроградского союза георгиевских кавалеров. Сначала я подумал, что он предложит свои услуги в нашей работе, и начал придумывать, как отнестись к этому. Но он начал разговор совершенно на другую тему – о бывших делах на фронте и о том, что делается в Москве и Петрограде, немножко поинтересовался нашими намерениями и положением дел в Ярославле, но затем перевел разговор на то, что ему, как представителю Георгиевского союза, очень хорошо известно настроение офицеров в Петрограде, где в настоящее время несколько десятков тысяч офицеров, из которых будто [бы] 90 % придерживаются германской ориентации. Далее он опять незаметно перевел разговор на свои личные дела, рассказывая, что он тут в Ярославле остановился случайно, проездом на Дон, что он человек материально независимый, что хотел бы иметь компаньона для поездки туда сейчас, и два раза упомянул о том, что у него сейчас при себе 30 000 совершенно свободных денег. Меня вызвали по делам, разговор оборвался, и я почти забыл о нем, только впоследствии в разговоре с А.П. [Александр Перхуров] я вспомнил о нем и узнал от А.П., что генерал В. – человек определенной германской ориентации, деятельно работающий в этом направлении».

И наконец жирную точку в разговоре об идеологическом окрасе «ярославского мятежа» ставит одна из акварелей участника его подавления, самодеятельного художника А. Малыгина. Работа близка по своему стилю к советскому лубку. Она была выполнена в 1926 году и называлась «Славное побоище Красной армии с Савинковым в Ярославле в июле 1918 года». На ней была изображена схватка двух всадников – «красного» и «белого». Поскольку кавалерия во время июльских событий была только у красной стороны, то считать эту работу «историческим документом» не приходится. Впрочем, есть в ней очень интересный элемент – это униформа «белого» всадника, которая явно указывает на принадлежность к забайкальскому казачеству, а флаг точь-в-точь повторяет полотнище Азиатской дивизии барона Унгерна. Отличие состояло лишь в вензеле, у Унгерна это была монограмма МП (1-я Инородческая дивизия имени Его Императорского Величества Государя Михаила II), в то время как на «ярославской» акварели значились латинские цифры, обозначающие «два с половиной». В данном случае автор подразумевал «второй с половиной Интернационал», пугалку, позаимствованную из советской пропаганды середины 20-х годов. Расположенные по углам желтого знамени черные

свастики не имели отношения к фашизму: итальянские фашисты этот символ не использовали, а гитлеровские национал-социалисты были еще партией настолько карликовой, что о ней не все слышали даже в Германии. Казалось бы, какая связь между Унгерном и Ярославлем? От волжского города до Забайкалья по меньшей мере четыре тысячи километров. Однако использование флага, по мнению Малыгина, должно было указать на идеологическое родство «белого Ярославля» и Азиатской дивизии, которая в рамках «белого движения» считалась самым радикальным монархическим формированием.

Глава 8

Плавучий каземат

Есть в истории Гражданской войны в России словосочетания, которые, прибегая к нынешней терминологии, можно было бы назвать «популярными мемами», однако, с другой стороны, они как бы вызванные из глубин подсознания отблески архетипов. Вне всякого сомнения, лидерами в этом списке являются «ледяной поход» и «психическая атака». Случавшиеся неоднократно, они оказались буквально воспеты массовой культурой. Хотя наряду с ними были явления, не менее известные, но все-таки не поражавшие своим героическим размахом. Взять хотя бы «баржу смерти». Если внимательно изучать историю гражданской войны, то «баржи смерти» можно обнаружить в Уфе, в Крыму, под Царицыном, в Ижевске, в Сарапуле. Однако все-таки начало мифа о «барже смерти» кроется в событиях, происходивших именно в Ярославле. Надо отметить, что сразу же после захвата города офицеры-добровольцы понятия не имели, что делать с арестованными советскими деятелями и красноармейцами. Подобная «растерянность» привела к тому, что в городе начались массовые расправы и самосуды. Причем, вопреки распространенному в советской литературе мнению, с большевиками расправлялось отнюдь не «озверевшее офицерье», а сами ярославцы. Опасаясь, что этот процесс выйдет из-под контроля, Перхуров распорядился незамедлительно укрыть в подвалах всех арестованных. На 6–7 июля в Ярославле не было какой-то единой «белой» тюрьмы. Наиболее «значимых» заключенных разместили в подвале дома Лопатина, то есть в непосредственной близости от штаба белогвардейцев. Например, об этом вспоминал арестованный в начале выступления член ревтрибунала К. Терентьев: *«Что было сил мчались на квартиру обдумать план и всю ночь мечтали, каким способом выбежать к своим, и утром снова попросили явиться в штаб, сопровождая штыками, да еще посадили на автомобиль, только не обоих с братом, а меня одного. Привезли в здание Коммунодела, представили революционному полевому суду, сидящему посредине большого зала, где и указали, что он член Исполкома, член Революционного Трибунала, а посему применить высшую меру наказания... или запереть куда-либо в подвал, что и было исполнено. Заперли в темный чулан в доме Лопатина, в котором я и находился около семи или восьми*

суток, без куска хлеба, и только какими-то случайностями потребовался этот чулан под лестницей, кому – не знаю, но отперли и, увидев в нем меня, волокли наверх и здесь дали чашку чаю, кусок хлеба и селедки».

Аресты производились не только в центральной части города, но и в заводской, что само по себе затрудняло создание единого центра содержания арестованных. Об этом сообщалось в кратких мемуарах большевика А. Васильева: «С какой радостью и наслаждением объявили они меня арестованным. Я, не имея с собою оружия, принужден был подчиниться. Слышу голос одного из мальчиков: „Ваша власть пала, и вас всех повесят!“ Я молчу, чувствуя, что мои слова бессильны. Иду дальше по направлению к мастерским, попадается женщина. Я заметил, что она от радости происходившего и негодования ко мне решила плюнуть и своей слюной обрызгать идущего арестанта. Привели в мастерские, сначала в заводской комитет, затем раздалась команда: “Веди всех в вагон”. Нас арестованных было уже 15 человек. Ждем... То придет рабочий, скажет: общее собрание рабочих постановило всех освободить, а другой сообщит: всех расстрелять. Наконец, является целая банда вооруженных белогвардейцев. Несколько человек освобождают, а нас 8 человек гонят в штаб на набережную. Там допросы. Насмешки со стороны допросчиков и страшная жажда попачкать руки в нашей крови. Допросили... Ведут дальше в бывший участок полиции. По дороге попадается разъяренная буржуазия, которая кидала палками по нашим ногам, ругая и стараясь с нами расправиться. Пришли, и там допросы производились меньшевиком Абрамовым. Здесь еще строже: за всякое слово в свою пользу получал ответ от белогвардейского офицера: „Молчать, сволочь!“, сопровождаемый ударом приклада в спину. Это было все за Волгой».

Когда начались активные обстрелы города, стало ясно, что одновременно воевать и обеспечивать безопасность узников не представляется возможным. Именно тогда комендант города генерал-майор Веревкин предложил Перхурову переместить всех заключенных на волжскую баржу. Позже во время допросов Перхуров показал следующее: «У меня в качестве помощника был генерал Веревкин – комендант города – и генерал Карпов, который был начальником городской охраны. Он наблюдал за внутренним порядком в городе. О том, что происходит в городе, я получал официальные донесения от него. Ввиду того, что помещения не было, они предлагали поместить арестованных на баржу на Волге. Они мотивировали это тем, что Волга – это наиболее безопасное место».

Транспортировка арестованных на баржу осуществлялась из разных

мест и разными способами. Упоминавшийся выше Васильев вспоминал: *«Нас посадили в бывший Пастуховский дом, где помещался главный штаб белой армии. Сидим ночью. Красные начинают нащупывать, и сидеть стало жарко. Мы, арестанты, стали волноваться, нас было минимум 200 человек. Вдруг стоящий у двери белогвардеец крикнул: „Не волноваться! Приказано ручными гранатами успокаивать!“ Утром в 4 часа всех выгнали и стали группировать. Я попал в группу 60 человек „баржесевиков“. Ведут, а пули свищут и снаряды рвутся. Ужасная картина... Кругом трупы убитых и во дворе, где нас группировали, привезли с позиции несколько человек убитых белых. Нас конвоировало исключительно офицерство, человек 20. Куда? Нам еще не было известно. Когда подошли к Волге, большинство из нас решило: „Привезли топить“. Но нет, погнали на паром, за Волгу. Здесь красные так и сеют по парому. Все легли. Офицеры, видимо, плохо обстрелянные, заежились куда больше арестантов. Мысль арестантов мелькнула другая: решили, что нас заведут за Волгу в лес расстрелять. Я с товарищами намеревался бежать как знающий хорошо местность и надеялся, что необстрелянные прапоры растеряются... Но оказалось иначе. Нас на пароме повезли на баржу».*

В архивах Владимира Александровича Мясникова сохранились воспоминания красноармейца Дмитрия Палкина, который был захвачен в плен в первый же час выступления, так как нес наряд непосредственно в доме Лопатина. В его записях о дальнейших событиях сообщалось следующее: *«Вечером нас перевели на площадь Богоявления в помещение ремесленной школы, где сейчас находится почтамт. За ночь к нам насажали около двухсот человек. Утром нас построили во дворе. Вышел полковник Перхуров и приказал увести нас, приказав конвою в случае сопротивления стрелять. Привели к Волге садили на паром. Буксир потащил паром вниз. У Арсенала стояла баржа-гусана с дровами из Молоти, пришедшая на кожевенный завод Эпштейна».*

Традиционно на Волге стояло очень много барж. Некоторые из них были весьма необычные. Например, 25 сентября 1917 года в Ярославль прибыли три баржи, которые оказались груженными до самого верха бесценными экспонатами петроградского Артиллерийского исторического музея. Это были старые бронзовые орудия и архивы, которые сопровождали прапорщик Курьшев и три канонира 1-й тяжелой артиллерийской бригады. Бесценную коллекцию хотели спасти от катаклизмов. Однако по трагическому стечению обстоятельств события в Ярославле оказались страшнее любого революционного угара. В охваченном огненным вихрем городе полностью сгорели несколько

контейнеров со знаменами и оружием: всего около 2000 знамен (в том числе ценных, стрелецких), все трофеи, собранные в ходе Первой мировой войны, 300 экземпляров старинного огнестрельного и холодного оружия. На баржах были повреждены 54 ценных орудия, а в волжской воде погиб архив второй половины XVIII столетия и частично первой половины XIX столетия. Впрочем, водную тюрьму устроили не на одной из музейных барж. Как уже говорилось выше, для этого использовалась так называемая гусана – временная деревянная баржа, которая по прибытии в пункт назначения сама разбиралась на дрова.

В связи с «контингентом», который оказался запертым в водной тюрьме, возникает два вопроса. Во-первых, это его состав. Во-вторых, численность заключенных. Традиционно принято считать, что на барже находились только большевики и самые активные деятели советской власти. Лишь в одном месте в «Красной книге ВЧК» мелькнула такая фраза: *«Аресты производились на квартирах и на улицах, и, таким образом, в их лапы попали свыше 200 человек советских служащих, красноармейцев и интернационалистов из австрийских и германских военнопленных»*. На этом и заканчивается официальное упоминание «германцев», находившихся на барже. Впервые на эту сторону сюжета обратил внимание В.А. Мясников. В частности, он обнаружил воспоминания бывшего бойца «летучего отряда» милиции (одного из немногих не перешедших на сторону повстанцев) Леонида Петровича Маркова. Тот не только указывал на то, что в первые дни «водного заключения» на барже было много немцев, которых хорошо снабжали продовольствием по линии «миссии Балка». Марков пишет: *«Вначале германцы добровольно делились продуктами, затем мы их стали отбирать»*. Если судить по косвенным упоминаниям в документах, то на четвертый или пятый день боев почти все немецкие военнопленные были сняты с баржи и переправлены в город, в безопасное место.

Опять же, если говорить о партийном составе «русских» заключенных, то не стоит предполагать, что на барже оказались только коммунисты. Например, во время суда над Перхуровым сторона обвинения позволила себе следующую фразу: *«Да, но на барже была разная публика, и коммунистов было меньшинство»*. Из сохранившегося в архивах «Списка лиц, заключенных на барже, стоящей на р. Волге, и подлежащих перевозу в ведение начальника комендантской роты с зачислением их содержанием за военным судом» можно хотя бы приблизительно установить, кто оказался на «барже смерти». Публика была действительно пестрая. Например, среди заключенных был губернский военный комиссар, левый эсер, уроженец

деревни Борисовка Мышкинского уезда Александр Флегонтович Душин. Его арест был продиктован не столько партийной принадлежностью, сколько должностью, занимаемой в советских органах власти. Не совсем понятно, за что был арестован и направлен на баржу бывший городской голова, врач Федор Сергеевич Троицкий, любитель модной жизни и один из первых ярославских обладателей частного автомобиля. Была на барже масса беспартийных красногвардейцев. В.А. Мясников в одной из своих публикаций отмечал, что *«водяная тюрьма была интернациональна – наряду с русскими здесь томились украинец Иосиф Чечель, поляк Александр Сакновский, латыш Мартин Кушке, еврей Киш Гиришман, серб Милан Кусан, немец Фриц Букс»*. Впрочем, одним из самых показательных заключенных был некоторое время возглавлявший местную ЧК губернский административный комиссар Федор Большаков. «Белая» пропаганда могла бы использовать его образ в качестве «идеального» комиссара-злодея. После ареста в его номере в Кокуевской гостинице (более известная как «Кокуевка») повстанческий патруль обнаружил настоящую «пещеру Аладдина» – почти целый пуд золотых изделий (портсигаров, колец, медальонов), несколько пудов серебра, включая серебряное паникадило из Риги, которое было эвакуировано в 1915 году в Ярославль, а еще бриллиантов примерно на 700 каратов.

Если обратиться к рассмотрению второй проблемы, то обнаружится, что упоминаемое в различных источниках количество заключенных очень сильно разнится. Всё это привело к тому, что лет 20 спустя после подавления «мятежа» только самый ленивый ярославский коммунист не мыкался в 1918 году на «барже смерти», которая по своей вместительности уже более напоминала океанский трехпалубный лайнер. В упоминавшемся выше списке, который датирован 14 июля 1918 года (то есть датой после вывоза с баржи немцев) значится 82 имени. Однако сведения, которые обычно приводятся в «Красной книге ВЧК», сообщают о 109 людях. *«Белогвардейцы разбили всех арестованных на группы и одну из таких групп в количестве 109 человек посадили на баржу с дровами на Волге»*. На судебном процессе над Перхуровым бывший на барже Путков (в списке заключенных, скорее всего, обозначенный как Петр Филиппович Пушкин) на вопрос *«А сколько всего сидело в барже?»* ответил: *«Человек до 300»*. Есть и другая крайность. Например, сумевший сбежать из плавучей тюрьмы милиционер Аладин утверждал, что *«на барже было около 30 человек красноармейцев»*. Впрочем, во многих свидетельствах сообщалось о том, что количество заключенных на барже постоянно менялось. Например, в какой-то момент с нее было вывезено четырнадцать *«наиболее*

революционных товарищей», которых намеревались расстрелять в городе. Среди них были упоминавшиеся выше Душин и Большаков. Впрочем, по каким-то, не слишком понятным даже для самого Перхурова причинам, дело до расстрела не дошло. Не исключено, что их планировалось использовать либо в качестве заложников, либо в качестве парламентаров. Сцена на суде выглядела следующим образом: «А Вы не помните случай на 4–5 или 6 день мятежа было приговорено к расстрелу четырнадцать человек? Они и были сняты с баржи, но по неизвестным причинам расстреляны не были». Перхуров: «Я помню только один приговор. Этот приговор я не утвердил. Возможно, что этот приговор мне не был представлен на мое утверждение, а без этого они привести в исполнение его не могли».

Если говорить о весьма популярной в советское время версии, что, попав на «баржу смерти», с нее нельзя было выбраться, то это было большим преувеличением, которое базировалось лишь на некоторых свидетельствах: *«С баржи даже воды было нельзя достать, потому что как только голову высунешь, так сейчас же сестра милосердия, которая сидела около Арсенала, стреляла из пулемета». «Да. А потом воды было страшно трудно достать: как только высунешься из баржи – так хлоп».* Однако есть менее удобные воспоминания Ефима Ивановича Гарновского, в которых говорится, что 17 июля под обстрелом «белые» вывезли с баржи полторы дюжины самых обессиленных заключенных. *«Под усиленным конвоем нас привезли в белый штаб – в здание госбанка. Несколько часов держали во дворе. Глумились, плевали в лицо. Василия Попова с полного размаха ударили по физиономии. Четыре часа стояли у стены. Грозили расстрелять. Потом под артобстрелом повели в лазарет по Пробойной улице. Комендант лазарета тоже грозил расстрелом. Лучшие относились врачи, особенно смотритель лазарета Трифонов. Они создали сносные условия для лечения и питания».* Сведения о том, что в «белом» лазарете на улице Пробойной (ныне Советская) царили такие порядки, также подтверждаются свидетельствами, которые были собраны участниками поисково-исследовательской группы «Июль 1918».

Так как же вышло, что временная тюрьма, которая была создана, как казалось командованию Северной Добровольческой армии, *«в относительно безопасном месте»*, превратилась в «баржу смерти»? Обычно обвинения в адрес повстанцев сводятся к двум пунктам: а) они вели огонь по барже, б) они сознательно морили заключенных голодом, обрекая их на медленную смерть. Во время суда Перхуров категорически отрицал сам факт возможности того, что он мог планировать использовать

баржу в качестве «живого щита»: «Где-то показано, что будто бы мы баржу передвигали на места, наиболее сильно подвергавшиеся обстрелу. Это, конечно, не соответствует действительности». При этом он отрицал тот факт, что пытался прекратить обстрелы города через систему мнимого заложничества. Когда свидетель стороны обвинения заявил: «Он писал: не стреляйте, ибо за каждый ваш выстрел будет расстреляно 10 человек с баржи. Мы ответили, что за каждую голову будет снесено десять домов в щепки», то Перхуров парировал: «Я утверждаю только то, что было назначено требование не стрелять зажигательными снарядами, а вообще не стрелять – я так писать не мог». Далее он прояснил: «Поэтому и не была эта угроза приведена в исполнение. Это была угроза, как обычный прием, который применяется в таких случаях». Между тем в «Красной книге ВКЧ» утверждается обратное. «Когда начался обстрел города артиллерией, белогвардейцы перевозили баржу на места, наиболее подвергающиеся обстрелу». Действительно, в какой-то момент баржа была передислоцирована от Арсенальной башни верх по Волге, в район современного Речного вокзала. Впрочем, активный ее обстрел осуществлялся именно красными войсками, которые полагали, что на барже планировалось скрыть часть “белого офицерства”. В качестве примера можно привести запись разговора с начальником бронепоезда № 2 Ремезюком, который докладывал: «В целом обстреляна река Волга, по правую и левую сторону подожжены баржи и дома». Нескольким днями позже докладывал уже Гузарский: «Наступление в Центральном участке фронта уже артиллерийский обстрел вызвал среди белогвардейцев панику и устремились к пароходам, баржам и плотам, чтобы бежать на Волгу. Огнем отдельного дивизиона баржи эти были обстреляны». В те же дни аналогичный доклад в оперативный отдел наркомата сделал помощник командующего К.А. Нейман: «Белые показали за последние дни замешательство, командный состав старается спастись бегством по Волге отдельными группами, баржи и лодки нашей артиллерией потопляются».

Потери среди запертых на барже людей были немалыми. Один из выживших участников тех событий вспоминал: «Снаряды в баржу валялись каждый день. Одними дровами, которые сыпались в голову от попадавших в баржу снарядов, убило человек пятнадцать – двадцать». Другой «баржист» Роман Ваверняк (в списках ошибочно указан как Роман Лаверня) рассказывал несколько лет спустя после окончания Гражданской войны: «От снаряда, попавшего в баржу, было несколько раненых и три трупа: без голов, без ног, куски мяса. В Волгу сбрасывать запретили.

Отхожее место тоже на барже. Когда иногда с катера бросали хлеб, то он нередко попадал в нечистоты». В «Красной книге ВЧК» по этому поводу сообщалось: «Трупы убитых товарищей и скончавшихся от ран оставались тут же (вынести их было невозможно под постоянной угрозой стрельбы) и, разлагаясь, заражали атмосферу». Если завершать рассмотрение проблемы с обстрелом баржи, то нередко звучала мысль о том, что по барже стреляли выступившие на стороне повстанцев гимназисты. Например, сообщалось: «Пришлось перенести все невзгоды и зверства со стороны маленьких мальчишек гимназистов». По этому поводу можно сделать два замечания. Во-первых, караул на набережной напротив баржи действительно было поручено нести одному гимназисту, но тот (согласно многим показаниям) при первом же удобном случае норовил сбежать домой. Во-вторых, с середины Волги едва ли можно было разобрать, что по барже из револьвера стреляли именно гимназисты, а в некоторых других случаях «сестра милосердия».

Куда более важным является анализ причин, почему на барже, которая превратилась не просто в «водную тюрьму», а в форменную западню, возник страшнейший голод. В первый день пребывания на барже заключенным было выдано по фунту белого хлеба и полфунта сливочного масла. Такой рацион вызвал у многих беспартийных своего рода «оптимизм»: «Богаче комиссаров норм», «На таких харчах готов поджидать мировую революцию». Один из участников вспоминал: «На другой день нам привезли по фунту белого хлеба и по полфунту сливочного масла. Некоторые даже говорили, что новая власть будет лучше и нас накормит». Ситуация в корне изменилась, когда город начали обстреливать с нескольких сторон. Отвечавшая за провиант актриса Валентина Барковская не решалась послать на прекрасно простреливаемую набережную кого-то из своих подопечных. В итоге баржа пару дней оставалась без провианта. Когда об этом стало известно Перхурову, он устроил скандал. На суде он рассказал: «Положение арестованных на барже было ужасно, потому что нельзя совершенно было туда подвезти пищи. Я помню тот скандал, который был поднят мною, когда я узнал, что арестованным по несколько дней совершенно не давали никакой пищи. Я немедленно же приказал регулярно доставлять пищу. Вызвался для этой цели один офицер-латыш, что он туда пищу перенесет, но он был в первую же попытку ранен и вскоре умер в госпитале против штаба». Таким образом, именно активный обстрел со стороны красных частей фактически отрезал баржу от города, а потому лишил заключенных любого снабжения. Несмотря на это, попытки напечь хлеб заключенным предпринимались

еще несколько раз. Впрочем, это делалось очень спешно, и осуществить доставку удалось только единожды. Один из «баржистов» вспоминал: *«Нет, один только раз привозили и бросали, как собакам. Люди доходили до сумасшествия, вырывали друг у друга кусок хлеба, и это, очевидно, им доставляло большое удовольствие»*. Однако существуют и свидетельства, которые поклонники рожденного в советское время мифа предпочитали «не замечать». В частности, речь идет о воспоминаниях Павла Палкина. В них есть такой отрывок: *«Мы, оставшиеся на барже, решили послать трех наших товарищей в город. Нашлись желающие. Лодки у нас не было. Товарищи сняли верхнюю одежду и поплыли к берегу. Пошли в штаб к белогвардейскому коменданту Веревкину. Генерал сначала хотел их расстрелять как самовольно сбежавших с баржи, но приказ в исполнение не привел. Приказал возвращаться на баржу. Дали им лодку и сказали, что вечером привезут хлеба, а завтра высадят на берег, но ни того, ни того не дождались»*. Намерение эвакуировать заключенных с баржи подтверждается приказом помощника коменданта города полковника Дементьева, который 14 июля 1918 года распорядился: *«Подыскать помещение, перевести находящихся на барже и завтра к утру донести»*.

Весьма показательно, что, пока еще не был сформирован миф о «барже смерти», в источниках вина за страшный голод среди заключенных возлагалась вовсе не на Перхурова, а на обстоятельства. В частности, во время судебного процесса сторона защиты открыто заявляла: *«Потом вы говорили, что пленных хотели заморить голодом на барже. Там, конечно, были злоупотребления. С одного человека требовать, чтобы он следил в такой обстановке за всем, конечно, нельзя. Здесь, слов нет, злоупотребления были, но Перхуров в этом не виноват. Когда он отдал первый приказ о том, чтобы посаженных на баржу пленных кормили, их кормили. Дальше были злоупотребления, и, когда Перхуров об этом узнал, он говорит: я сделал большой скандал. Была попытка подъехать к барже с продовольствием, но она не увенчалась успехом, посланный был убит. В первое время пища была подвезена, дальше баржа попала в полосу обстрела, и к ней подъехать было нельзя. Но несмотря на это, была попытка. Попытка сделана. Об этом говорит не только Перхуров, но об этом говорят свидетели. Что это значит? О чем это свидетельствует? Только о том, что Перхуров был прав»*.

Впрочем, умиравшим от голода от того, что их обрекли на страдания специально, не было легче. Андрей Васильев вспоминал о самых страшных днях на барже: *«Ребята каждый день посылали меня: “Иди кричи, гражданае, дайте хлеба”*. На мой крик получался ответ пулемета. Я

кубарем летел вниз на дно баржи, где ребята со смехом кричали: “Что, накормили?” И так было 13 дней. Я, как и многие, каждую ночь вязал плот из дров и хотел бежать. Чувствуя от голода слабость, я не решался; на вязанных мною плотках ежедневно ночью уплывали другие, но участь их была не лучше. Некоторые тонули, а некоторые снова попадали в лапы белых. Так проходили дни. Мучил страшный голод, стал есть березовую кору и чавкать рукав засаленной гимнастерки». Ситуация стала и вовсе безвыходной, когда от массы пробоин баржа начала тонуть. К смертельному голоду добавилась паника. Один из узников вспоминал: «Баржа тонула... дюйма три осталось до больших окон. Были последние минуты жизни. Устроили совещание. Более активные товарищи решили, что тов. Смоляков с Урочи, токарь Кокорев с Свечного завода и Гагин с Урочи должны плыть и подавать лодки с белогвардейской стороны, а затем нашелся рулевой. Меня назначили машинистом. Это был план захвата парохода „Пчелка“, стоящего на берегу белых, и на нем переехать на сторону наших в Тверицы. Я и некоторые возражали против этого плана из тех соображений, что нас белые с этой „Пчелкой“ потопят. План этот выполнить не пришлось, т.т. Смоляков и Кокорев не доплыли и утонули, а Гагин, видя утонувших, не решился. Все происходившее было на моих глазах. Я слышал, как Смоляков кричал: „Дети, дети, жена... простите“... Эти слова были слышны из уст героя-коммунара... С оставшимися на моих руках шинелями, которыми они закрывались, прихожу на нос баржи со словами: „Наша участь та же, что потонувших товарищей“. У всех нас показались слезы жалости к погибшим. Стали решать, как быть, а верховой ветер так и рвет. Решили цепь отпутать и одну чалку обрезать. Эта работа была поручена мне и тов. Петрову с завода „Вестингауз“. Работу хотя с трудом, но выполнили. Цель была – приблизиться к белогвардейскому берегу и опять все-таки захватить пароход „Пчелку“. Осталась одна чалка. Я стал ее травить, и, видно, на наше счастье, задела колышка за колышку, а пулемет так и жарит. Гляжу: прицел по моей баррикаде. Я снова спустился в трюм, и там решили, что нам к берегу не пристать. Из кормы и середины слышались стоны малодушных: „Погибли... спасите“...»

Собственно, все заключенные на барже были обречены на смерть, если бы не счастливая для них случайность – осколком перебило трос и баржа, со скоростью настоящего парохода, устремилась к позициям красных, которые расположились в т. н. Коровниках. Но даже это не означало безусловного спасения, поскольку красная артиллерия, полагая, что на барже находились «мятежники», открыла по ней ураганный огонь.

Васильев так описывал этот эпизод: *«Стали махать и кричать уже не „граждане“, а „Товарищи, здесь свои“. Вся баржа, начиная с самого сильного и кончая умирающими, гудела: „Товарищи, мы свои“. Эту радостную, живую картину равнодушно было смотреть невозможно. Окровавленные и истощенные вылезали из своих баррикад. В то же время подбежала лодка, откуда кричали: „Петров, Васильев, разве вы живы?“ Нас всех приютили, обогрели и накормили. Кончились наши страдания. Баржа тут же утонула...»* У упоминавшегося выше Павла Палкина описание спасения выглядит несколько иначе: *«Тогда мы спустили цепи якорей. Нас понесло по Волге. Когда нас унесло за Арсенал, белые открыли по нас пулеметный огонь. Когда же выплыли за Стрелку, по барже открыли арт. огонь красные. Тогда Павел Петров, маляр с завода Щетинина, у которого было с собой красное одеяло, выскочил наверх и развернул его как флаг. Красные в Коровника приостановили тут же пальбу. Выслали к лодке двух человек, которые убедились, что на барже свои. Баржу остановили у лесопилки. Нас высадили и отвели в Кадетский корпус, где нас осматривали врачи. Слабых отправили на излечение. Кто был поздоровее – три дня находился под присмотром фельдшера Павла Прокопьева».*

Финал этого в высшей степени драматического эпизода из общей трагедии тысячелетнего города в сводках красных частей был отмечен короткой фразой: *«Прибыли с нашими пленными из Ярославля баржи, бежавшие путем снятия с якоря».* В другом документе упоминание было столь же куцым: *«В Урочи было устроено совещание с товарищами, которые случайно спаслись на дырявой барже».*

Завершая рассказ о ярославской «барже смерти», необходимо привести в высшей степени загадочную историю, следы которой обнаружили Иван и Юрий Шевяковы. Они нашли отрывок воспоминаний красного бойца Михаила Булатова, в прошлом старшего унтер-офицера Лейб-гвардии Гренадерского полка, который прибыл на «Ярославский фронт» в составе Нижегородского отряда ЧК в самый разгар июльских боев. Спустя многие годы на страницах газеты «Ленинская победа» (г. Богородск, Горьковской области) заслуженный чекист с полувековым стажем вспоминал: *«Здесь еще более проникся ненавистью к врагам советской власти. Они в своей злобе не останавливались даже перед гнусным преступлением, совершенным над детьми. Погрузив их на две баржи, они одну облили керосином и подожгли. Вторую не успели – подоспели нижегородские чекисты».* Более ни один из участников событий об этом не упоминает. Но не будем забывать, что красная сторона привычно обвиняла противников в

собственных же преступлениях (как это было, например, с убийством парламентаря Сергея Суворова), умышленных или совершенных случайно. Вовсе не исключено, что восставшие могли попытаться эвакуировать из пылающего города баржи с детьми, которые могли быть расстреляны красной артиллерией. Впрочем, это не более чем допущение, сделанное автором данной книги. В любом случае можно отметить, что несколько дней спустя после «ликвидации мятежа» у берега «нижнего» волжского острова, находящегося как раз напротив Коровников, где занимала позиции одна из артиллерийских частей, были обнаружены остовы двух речных судов, сильно поврежденных снарядами. Первое из них значителен как «баржа № 11 Ганюшкина под знаком 1741/44, груженная мазутом». Это расстрелянное артиллерией судно выгорело до самой ватерлинии. Второе – баржа № 3001, неизвестно кому принадлежавшая полупалубная «мариинка». Она также была сильно повреждена снарядами. Сами братья Шевяковы в своей статье пишут: «Возможно, именно об этих баржах писал в своих воспоминаниях бывший лейб-гренадер. Однако достоверно неизвестно, были ли на сгоревшей барже дети, и если да, то какая из сторон повинна в их гибели. Есть лишь сведения, что в ходе 16-дневного сражения за Ярославль красными артиллеристами было выпущено 75 000 снарядов, а белыми – 300».

Глава 9

Четыре дня из жизни «сельской крепости»

Если двигаться вниз по Волге, то сразу за Ярославлем она делает резкий излом, а потому к расположенному в том месте селу Диево-Городище проще добраться по суше. Диево-Городище, подобно многим ярославским селам, никогда не жило с земли, здесь промышляли ремеслом, торговлей, опять же кормила Волга. Впрочем, даже на общем фоне это село выделялось до революции своей зажиточностью – на его территории было аж целых шесть (!) чайных, несколько магазинов, множество лавок, лабазов. Были даже собственные колбасная и кондитерская. И именно Диево-Городище стало одной из площадок, на которой в первые дни восстания разыгралась сцена исторической драмы.

Уже днем 6 июля селяне с тревогой следили за звуками, что доносились со стороны Ярославля. Один из них вспоминал: *«У кузницы узнал, что сегодня рано утром к направлению Ярославля были слышны выстрелы, но это могло быть еще и гром, так как никто ничего не знал и это было предположение»*. Только лишь к вечеру первого дня вооруженного выступления до Диева-Городища донеслась новость – в Ярославле свергнута советская власть. Подтверждения этого ждать долго не пришлось. Утром 7 июля в село прибыл самый настоящий агитационный отряд. Он остановился близ каменного дома, принадлежавшего выпускнику Ярославского кадетского корпуса, в те дни владельцу трактира и чайной Константину Тарасову. Вместо трибуны было решено использовать несколько бочек, на которые были постланы доски. Первым слово взял *«молодой человек, невысокого роста с большой шапкой черных волос»*. Один из крестьян вспоминал: *«По его речи я мог только судить, что это не был простой крестьянин»*. Это было действительно так – выступавшим был инструктор-кооператор земской управы Николай Александрович Мамырин. Несмотря на членство в партии эсеров, он принципиально выступал против Советов. Причем в отличие от многих восставших позиции своей никогда не скрывал. Например, 27 октября 1917 года вместе с другим эсером Жирковичем в Доме Народа Мамырин призывал собравшихся представителей полковых и фабрично-заводских комитетов не устанавливать советскую власть в Ярославле. Впрочем, в тот момент их никто не слушал. В одном из своих материалов В.А. Мясников

приводил такие сведения: *«Надо отдать должное Мамырину. Этот уроженец воронежского города Богучар, внук небогатого помещика, хорошо зная крестьянскую психологию, владел аудиторией, хорошо отстаивал интересы своей партии. Не случайно этот человек возглавил ярославский губернский комитет партии социалистов-революционеров, а летом семнадцатого избирался делегатом всероссийского съезда партии эсеров. Был кандидатом в члены Учредительного собрания от Ярославской, Казанской и Тульской губерний. А внешне не подумаешь, что златоуст. Нос – русский, картошиной, легкая кудринка во взъерошенных темных волосах. Ворот толстовки с крупными пуговицами нараспашку... На работу в земство всегда ходил пешком. Любимый напиток – чай с молоком. Вот такой это был агроном... И по долгу службы, и по партийной работе много ездил по уездам. Налаживал кооперативные связи с бурмакинскими льноводами, с картофелеводами в диево-городищенской стороне».*

Именно Мамырин и сообщил крестьянам новости о событиях в Ярославле. Один из бывших на этом выступлении жителей села вспоминал: *«Говорил, что в Ярославле уже нет власти Советов, что там теперь будет всего очень много. Обещал крестьянам хлеб и все, чем они нуждаются, и вместе с тем призывал крестьян волости идти на помощь Ярославлю».* После этого слово взял говорящий с ярко выраженным акцентом офицер-латыш (так сказать, белолатыш из числа подчиненных генерала Гоппера). Не имея возможности поразить своим красноречием, он потрясал своими здоровенными грубыми ладонями, тем самым доказывая, что тоже из крестьян. После этого селян взялась агитировать милого вида молодая учительница, София Богородская, в прошлом выпускница бестужевских курсов в Санкт-Петербурге. По словам ярославских старожилов: *«Симпатичная особа, говорунья... Когда ее расстреливали в Костроме, то сорвала с глаз повязку».*

Впрочем, особо агитировать местных селян не пришлось; казалось, они только и ждали того, чтобы кто-то сверг советскую власть. Тут же взял слово уважаемый в Диево-Городище человек, мельник Александр Федорович Ершов. Позже на допросе он показал: *«Когда штатский стал говорить крестьянам, что у них отберут хлеб, если они не пойдут в город, крестьяне заволновались. Тогда я выступил в защиту учета хлеба и сказал, что хлеб необходимо распределить по населению, чтобы никто не пользовался больше, чем следует, например, на железной дороге получают по 30 фунт, в месяц, что несправедливо. После этого я сказал, что наша родина находится в опасном положении, со всех сторон наступают:*

в Архангельске французы и англичане, а немцы на Украине, и заняли все хлебные места, и учет и равномерное распределение хлеба необходимы, и, кроме того, в дела России иностранцы вмешиваться не должны. Россия должна управляться не немцами, не французами, не англичанами». Крестьяне активно поддержали это выступление. Появились желающие записаться добровольцами, чтобы идти на помощь Ярославлю. Сход переместился в район пожарного депо (было в селе и такое). Кто-то принес икону, тут же отец Константин (Спасский) и Апполинарий (Витальский) отслужили молебен. После этого селяне разошлись по чайным, решив обсудить, что же делать дальше. Было решено, что село должноделиться на две части: одни должны были направиться в Ярославль, другие занять оборону в Диево-Городище. Были, конечно, сомневающиеся, но они не рисковали возражать: *«Стала собираться толпа, я пошел туда, мне сказали, что собираются идти в город и если кто не пойдет, то тех будут преследовать, а некоторые бабы кричали, что вилами заколем».* Нейтральной позиции придерживался, например, сапожник Константин Тихонов. Он вспоминал: *«Я работал 7 июля в своем доме, т. е. подколачивал к сапогам резиновые подметки. Ко мне приходит сноха Мария Павловна и говорит, что на собрании постановили идти все в город Ярославль, и я со злобой говорил снохе, что пускай идут, кому нужно».* Однако под общим давлением «нейтралитет» быстро улетучился. Как вспоминали очевидцы, наиболее рьяно рвался в бой молодой человек Павел Кононов по кличке Чухонец. В одной из статей В.А. Мясников писал: *«А перед этим по селу гонял на лошади, поторапливая людей на площадь ременным кнутом, подросток из отчаянно бедной семьи, живущей в мазанке на окраинной улице Бутырка, Пашка Кононов... Старики высказывают предположение, что тот Пашка был не в полном разуме, уж больно настырным слыл».* Как бы то ни было, но именно этот персонаж был главным «белым» активистом села. Один из крестьян рассказывал: *«Я хотел идти домой, но меня Кононов Павлуха стращал: застрелим, если уйду».* Другой селянин сообщал о грандиозных планах Чухонца: *«В этот же день Кононов вернулся, я его видел против нашего дома в кругу местных крестьян. Слышно было, что он говорил, что он объехал всю Прусовщину^[3] и что будто все крестьяне обещали завтра быть на собрании».*

Сразу же надо оговориться, что сами жители села Диево-Городище ни разу не сомневались относительно того, кого поддерживают и кому идут на помощь: *«Поехали на велосипедах в город Ярославль на помощь белой гвардии», «У штаба Белой гвардии встретились с отрядом волости»,*

«Направил нас всех в штаб Белой Гвардии и дал нам проводника», «И нам было дано приказание из штаба белой гвардии, чтобы мы вернулись обратно», «Был второй сельский сход, на котором было постановлено всем пойти в город Ярославль на помощь белой гвардии» – и т. д. Первый отряд добровольцев выдвинулся в сторону Ярославля уже вечером 7 июля. Большая часть передвигалась на велосипедах, но и на них повстанцы не успели добраться до города до темноты. Они остановились в Яковлевской слободе, которая в настоящий момент является восточной окраиной города. Здесь отряд разделился – кто-то ночевал прямо в лесу, кто-то дома у знакомых. Наутро в Яковлевском оказалось уже приличное количество народа – около 200 человек, много людей приходило из окрестных сел и деревень. Собравшись, они двинулись в сторону «мятежных» Тверц, заволжской части Ярославля, где восставшие образовали отдельный фронт, тянувшийся от железнодорожного моста через Волгу до станции Филино. Здесь же началось вооружение прибывших крестьян. И вот именно в этот момент выяснилось, что большая часть из них были не слишком-то хорошими «вояками». Некоторые, получив винтовку, по привычке тут же направлялись пить чай. Один из участников событий вспоминал: «Все приехали в Тверицы в чайную и стали чай пить, и мы, сидя в чайной, слышали, кричат: “Кто желает брать винтовки”, и потом стали принуждать, чтобы брали оружие». Или: «Но в штаб мы не вошли, товарищи мои пошли в чайную рядом со штабом», «Мне он и другие из толпы предлагали работать в каком-то Комитете, но я наотрез отказался и пошел чай пить». Когда же выяснилось, что, оказывается, нужно будет воевать и выполнять чьи-то приказы, крестьянский энтузиазм и вовсе испарился. Один из крестьян позже вспоминал: «Когда мы приехали на станцию Коченятино и через несколько времени навстречу нам ехал эшелон Красной Гвардии, нам скомандовал офицер в цепь, мы отказались, но офицер в свою очередь закричал, что мы вас расстреляем за то, что не подчиняетесь. Но мы все-таки в цепь не пошли, но в это время близь нас разорвался снаряд, и после этого мы все пошли на платформу вагона и поехали обратно на станцию Урочь». Подобного рода свидетельств – масса: «Я напугался, что могут убить. Собрался, сел на велосипед и поехал за село» – и т. д. В итоге из нескольких сотен прибывших крестьян на тверицком участке боев осталось не более семидесяти. Впрочем, даже это обстоятельство не мешало штабу Перхурова поначалу рассматривать общую тенденцию как благоприятную. Например, в штабном извещении от 9 июля 1918 года сообщалось: «В уездах все больше и больше разрастается восстание крестьян; по точным

сведениям, в трех уездах свергнули и свергают власть большевиков, арестовывая советских руководителей и красноармейцев. Повсеместно в волостях крестьяне организуют отряды добровольцев, вооружают их и посылают в распоряжение Ярославского Штаба. По донесениям из волостей, в настоящее время к Ярославлю массами подходят крестьяне-повстанцы».

Уход с «Тверицкого фронта» вовсе не означал, что селяне полностью дистанцировались от восстания. Многие из них принимали участие в работе созданного в Диево-Городище «Комитета спасения Родины». Эту структуру в селе возглавили Павел Кононов и дьяк Апполинарий (Витальский). По большому счету вся недолгая работа этой организации сводилась к тому, чтобы выдавать документы беженцам из Ярославля, а также налаживать оборону на подступах к селу. Для этого Кононов смог договориться со штабом повстанцев в Ярославле о выделении нескольких десятков винтовок и четырех (по другим версиям – двух) пулеметов, которые были доставлены в Диево-Городище в ночь с 8 на 9 июля. Один из самых активных участников комитета Исаак Москвин позже показывал: *«Кто привозил винтовки и пулеметы, я не знаю».* Константин Тарасов же свидетельствовал: *«Я увидел там крестьян села, Кононова, который сидел за столом над какой-то бумагой, Михаила Александровича Кубарева, который, как я видел, исполнял обязанности писаря, как это было и раньше, и никакой особой роли не играл. Тут же было еще несколько неизвестных мне лиц. Все крестьяне стояли и сидели и были вооружены винтовками. В маленькой комнате я увидел еще много винтовок, штук до 50, и ящик с патронами, и тут же стояли два пулемета. Оружие все было привезено Павлом Кононовым из Твериц, я это видел, когда мы уходили из Твериц, то много крестьян шло с винтовками домой, это было еще рано утром в понедельник».*

Относительно мирная жизнь села закончилась поздно вечером 9 июля, когда по Волге со стороны Костромы подошли три парохода со сводным революционным отрядом, насчитывавшим чуть более 90 человек. Отрядом командовал Николай Огибалов. Надо отметить, что, несмотря на большие надежды, которые восставшие белогвардейцы возлагали на возможность поддержки из Костромы, их мечты были несбыточными. Генерал К. Гоппер, еще в июне 1918 года направленный в Кострому с целью выяснения обстановки, связался с представителями двух местных офицерских организаций. По воспоминаниям Гоппера, они были немногочисленны по составу (8 и 20 человек). *«Обе эти организации стояли вне всяких политических платформ и готовы были работать под*

флагом ген. Алексева, но об активном выступлении в ближайшее время не помышляли без солидной посторонней помощи». Как отмечает в одной из своих статей А.Е. Кидяров, «в обмен на обещание денежной помощи, члены костромских организаций обещали приложить усилия для увеличения своего численного состава... костромскому отделению “Союза” удалось сформировать два батальона. Однако “красная” Кострома оказалась вовремя предупреждена, еще 6 июля служащий телеграфной конторы Ярославля с риском для жизни передал в соседние города Нерехту и Кинешму тревожное сообщение о свержении советской власти. Временно управляющий телеграфной конторой Бычков тут же переправил текст тревожной телеграммы: “Наша ярославская контора занята. Все арестованы и работать нельзя”. Из Нерехты был передан вопрос: “Кто арестовал вас”. Следует ответ: “Восстание против большевиков. Все большевики арестованы. Арсенал занят. Власти арестованы. Не подводите меня”». В своем совместно подготовленном материале В. Мясников и Ю. Шевяков отмечали: «Руководство города Костромы, зная о стремительном наступлении чехословаков в Сибири и на Волге, было сильно обеспокоено происходящим. К тому были веские основания: 200-верстная граница Ярославской и Костромской губернии на севере и на юге пересекалась двумя крупными железнодорожными магистралями, а в центре – рекой Волгой, необычно полноводной в то далекое лето. По этим путям, как в одну, так и в другую сторону, могли быстро перемещаться большие массы войск». Костромские «красные отряды» начали разведывательные рейды на территорию Ярославской губернии буквально на следующий же день. Восставшие белогвардейцы также пытались наладить разведывательную деятельность. В материале, посвященном участию костромичей в «ярославском мятеже», А.Е. Кидяров отмечает: «Военный комиссар Н.А. Филатов уделял большое внимание разведке и контрразведке: в Ярославль и из Ярославля на пароходах и пешком, переодетые в крестьянскую или монашескую одежду или под видом советских служащих проникали белые офицеры с фальшивыми документами. По приказу губвоенкома Костромской, Кинешемский и Юрьевоцкий уездные военкоматы поставили на Волге и на дорогах пикеты, которые задерживали все пароходы, направлявшиеся в Ярославль и в Рыбинск. С целью разведки штабом командующего постоянно отправлялись отряды и группы в окрестности Костромы». Предосторожности оказались не лишними, один из «красных» разведывательных отрядов перехватил баржу с продовольствием и с двумя аэропланами в разобранном виде. В другой раз отрядом разведчиков

недалеко от Костромы вверх по Волге был обнаружен пароход «Баян». Участница событий З. Станкевич вспоминала: *«Ночь была довольно темная. Пароход стоял у берега с потушенными огнями. Наш отряд на катере подошел к пароходу. На палубу выбежали вооруженные матросы... наша численность превосходила их, и мы не встретили сопротивления, если не считать на первых порах грубых выкриков и угрозы – “будем стрелять”. Пароход был взят под охрану и к утру приведен в Кострому»*. Выяснилось, что оба задержанных судна предназначались для ярославских мятежников, хотя официально направлялись в другие места. Кроме этого, в первые дни ярославского выступления костромичи перехватили направлявшийся из Нижнего Новгорода в Ярославль пароход с разобраным аэропланом «Вуазен», с летчиками и бортмехаником на борту.

Но вернемся к событиям вечера 9 июля 1918 года в селе Диево-Городище. Первая пробная вылазка в этот район была предпринята костромскими чекистами (25 хорошо вооруженных бойцов на небольшом пароходе) еще 7 июля, то есть сразу после того, как в селе узнали о происшедшем в Ярославле. На следующий день командир отряда и сопровождавшие его два бойца направились в село. Они натолкнулись на большую толпу крестьян, которые шли на сход. Ходоков, не пожелавших остановиться, обстреляли. В ответ на это находившиеся в селе и уже вооруженные крестьяне открыли ответный огонь. После этого у границы с деревней Пески поддерживавшие Белую гвардию крестьяне чуть не захватили красных разведчиков в плен. Произошло это так: чекисты представились простыми людьми, которые направлялись на заработки в Москву. Однако, когда «простые люди» стали излишне активно интересоваться происходящим в селе, сметливые крестьяне заподозрили странное. Было решено взять любопытствующих под арест. В итоге чекистам пришлось срочно скрываться бегством. На обратном пути они задержали «велосипедиста», как раз возвращавшегося из Ярославля. Тот рассказал, что окрестные крестьяне готовятся к всеобщей мобилизации и занимают оборонительные позиции.

Все дальнейшие события можно установить по ежедневным отчетам костромского революционного отряда: *«9-го июля 1918 года. С наблюдательного пункта – колокольни Николо-Бабаевского монастыря – замечен пароход, подошедший к Диево-Городищенской пристани, из которого высаживались люди. В 11 часов вечера отряд в количестве 90 человек на 3-х пароходах перешел в наступление на противника, расположенного в селении Диево-Городище. 10-го июля 1918 года. В 1 час ночи отряд высадился в 3-х верстах от укрепленного противником пункта*

и, рассыпавшись в цепь, повел наступление. Причем 1-й взвод с 1 пулеметом должен был ударить в лоб неприятельской позиции, удерживая свой левый фланг по берегу Волги. 2-й взвод с 1 пулеметом правым флангом должен зайти в обход селения Диево-Городище. В 3 часа 15 мин. была занята дер. Песочная, в которой по сведениям находилось сторожевое охранение противника, а в 3 часа 45 мин. взято село Диево-Городище. При отступлении сил неприятелем было оставлено: 2 парохота, 2 пулемета системы “Льюис” с лентами, около 120 винтовок, ящик с ручными гранатами, несколько тысяч патронов, 4 револьвера системы “Наган”, 106 ящиков сыра, 2 лошади с седлами и 5 пленных белогвардейцев, из которых один организатор – на другой день расстрелянный. Из расспросов жителей выяснилось, что регулярных войск не было, а были одни местные добровольцы, набранные организаторами из Ярославля из бывших офицеров. Оружия было в достаточном количестве – около 275 винтовок при 5 пулеметах. Беженцы из Ярославля показали, что дороги от Диево-Городище до Ярославля свободны от неприятеля, главный штаб которого находится в Тверицах. Силы неприятеля в означенном пункте около 1500 штыков с массой пулеметов и грузовых автомобилей. Артиллерии в Тверицах нет. 11-го июля 1918 года. Высланная разведка на 5 верст неприятеля не обнаружила. Слышна артиллерийская перестрелка и пулеметная. По сообщениямдвигающихся из Ярославля людей, белогвардейцы накапливаются в 16–17 верстах от Диево-Городище в дер. Парково».

В захваченном селе тут же начались расправы. Первым делом расстреляли всех, кто входил в состав «Комитета спасения Родины». Впрочем, затем решили оставить полтора десятка человек для официального судопроизводства. Опасаясь контратаки, костромичи произвели на следующий день несколько разведывательных вылазок в сторону Ярославля. В сводке отряда за тот день было записано: «12-е июля 1918 года. Произведена разведка на 8 верст в длину и, от Волги до Ярославского тракта, в ширину, но неприятеля обнаружено не было. Пойманный дезертир-белогвардеец показал: силы неприятеля находятся теперь около дер. Парково в количестве 450 чел. При 16 пулеметах 150 штыков отправилось на ст. Уткино. По его словам, из окрестностей Ярославля было набрано около 4000 добровольцев, но за недостатком оружия, которого хватило только на 2000, остальные были распущены. Теперь из рядов белой гвардии добровольцы усиленно разбегаются, унося с собой вооружение. Дезертир был расстрелян. По сведениям, полученным от беженцев, в Ярославле положение без перемен». А это означало, что

теперь можно наступать на мятежный город. Из Костромы под Ярославль был отправлен 1-й Костромской Советский полк под командованием Г.А. Буриченкова и комиссара Г.А. Симановского. В состав полка входили также печатники и текстильщики с костромского механического завода «Пло». И именно в этот момент успехи костромичей закончились. Часть рабочих не захотела воевать в Ярославле. Костромской комиссар Филатов вспоминал *«Рабочие боевые дружины городского района отказались занять посты и вообще служить без уплаты суточных денег»*. Недовольным Филатов заявил, что *«если им нужна отдельная плата, то они могут ее получить в городе Ярославле у белогвардейцев, где платят по 50 руб. и более в день, а кто желает защищать революцию, тот должен сейчас же с плацдарма отправиться в казармы для несения службы... кто не согласится, сейчас же будут разоружены...»*

Глава 10

Участок фронта вне города

Заволжская часть Ярославля, расположенная на левом, низком берегу Волги, издавна играла важную роль в развитии его торговых связей: здесь находилась переправа через Волгу; отсюда начинались тракты не только на близкие Кострому, Галич, Вологду, но и дальше – на север и восток России. Товары, шедшие из Архангельска, Сибири, на лодках и судах перевозили от Твериц на другой берег и далее, через ворота Волжской башни, в таможенный и гостиный дворы Ярославля. Тверицкая слобода, или Тверицы, по преданию, названа так по ее первым поселенцам – пленным тверичам. Если обратиться к историческим событиям, то начало ее можно отнести ко времени княжеских междоусобиц в XIV веке. Тверской князь Михаил Александрович, не желая признавать усиления Москвы, не подчинился московскому князю Дмитрию Донскому и начал с ним упорную и продолжительную борьбу. Получив от хана Мамай ярлык на великое княжение, он послал большой отряд к Угличу. Дмитрий Донской сумел сформировать сильное войско, собрав под своими знаменами многих русских удельных князей, в том числе и ярославского князя Василия Васильевича. После кровопролитной осады Твери соединенными силами в августе 1375 года Михаил Тверской пошел на заключение союза с Москвой, признав себя младшим братом московского князя. Дмитрий Донской высоко оценил поддержку ярославцев и предупредил Михаила Тверского: *«Князья Ростовские и Ярославские со мною один человек: не обижай их, или мы за них вступимся»*. Ярославский же князь решил не запрашивать денежные средства за поддержку, а попросил направить в Ярославль пленных тверских мастеров, которые и стали первыми жителями будущего Заволжского района.

В Подворной описи 1631 года имеется самый ранний из известных перечень домовладений Тверицкой слободы. Тогда в ней было всего 32 двора, из них ни одного богатого. К.Д. Головщиков, проанализировав эти данные, отмечал, что в слободе числилось *«6 дворов младших или средних, 12 бедных безтяглых пашенных и 14 бедных же безтяглых безпашенных. По ремеслам и промышленности, в 1 дворе были угольники, в 2 сапожники, в 1 плотники, 2 двора торговали мелочью, в 1 были кожевники, в 1 масленники, в 1 калачники, в 2 солодовенники, в 1 сырейщики, в 1 столяры*

или строгальщики и в 1 скорняжники». Как указано в описи, «с пашни, дворов и промыслов Тверицкая слобода вносила, кроме тягла и оброка, в Костромскую четь подать». Не вызывает сомнений, что, как и другие слободы ярославского предместья, Тверицкая в это время уже входила в состав города. Позднее, попадая в числе ловецких в то или иное царское пожалование, она получала по сравнению с посадом «особый налоговый статус», хотя административно числилась в Толчковской сотне. Окончательное присоединение всех «прилежащих» слобод к городу, то есть их уравнивание в тягле с ярославским посадом, произошло уже в правление царей Ивана и Петра Алексеевичей, в частности Тверицкой – по челобитной 1683 года.

Промышленное развитие Заволжья сдерживалось отсутствием налаженной связи с остальными районами Ярославля. В XIX веке здесь работали небольшие предприятия – два солодовых, один масляный, два кожевенных и пять купоросных заводов. Динамику роста населения слободы можно проследить по численности прихожан Троицкого храма: если в 1781 году в приходе проживало 643 человека, то в начале XX века – 806. Заметное оживление в округе началось со строительством железнодорожного моста через Волгу в 1913 году. У станции Урочь Ярославско-Вологодской железной дороги возник свой поселок. Именно здесь и происходили одни из самых ожесточенных боев в июле 1918 года.

Как уже говорилось выше, в первый же день восстания на левом берегу Волги в районе Твериц был сформирован самостоятельный отряд, насчитывавший более 200 человек. По большей части это были контрреволюционно настроенные железнодорожные рабочие станций Урочь и Филино, командование над которыми взяли несколько офицеров. У железнодорожного моста через Волгу, севернее станции Филино и у села Савино повстанцами были выставлены отдельные заставы. Это стало началом напряженной работы белого штаба по закреплению за собой местности на левом берегу Волги. Позиции у железнодорожного моста считались стратегически важными, так как это позволило бы перебросить в Ярославль прибывшие с севера англо-французские части (как на то надеялись в штабе у Перхурова). Советская историография не очень любила рассматривать проблему «тверицкого участка» Ярославского фронта. В книге Балашова «Пламя над Волгой» лишь коротко сообщается: *«Волжский железнодорожный мост, как уже говорилось, в первые дни мятежа был в руках белогвардейцев. Железнодорожное и телеграфное сообщение через Ярославль с северными районами страны было прервано. За Волгой в руках мятежников находился Заволжский район – Тверицы,*

станция Урочь, Яковлевская слобода и станция Филино».

Позже на суде Перхуров рассказал об оптимистичном настроении, равно как и о мнимом спокойствии в Тверицах: *«Тут же в штаб приехал какой-то советский работник Мамырин, который сообщил, что крестьяне двигаются, и в Тверицах образовался участок исключительно из рабочих и крестьян, потому что там были рабочие железнодорожные со ст. Филино и Урочь. Они сделали своими силами броневой поезд, который помогал в удержании позиции на том участке. С севера на Ярославль никто не поступал, и тот участок был наиболее спокойным. Затем были получены сведения, что отряды крестьянские занимают целый ряд пунктов и охраняют Ярославль от подходов паровозов снизу и потом сверху».* Дело в том, что уже утром 7 июля рабочие Урочских мастерских под руководством мастера электрической части Вольфа начали блиндировать американские четырехосные металлические вагоны и платформу типа «Фокс-Арбель». В одной из статей Юрий Шевяков отмечал: *«Работы производились вне помещения мастерских, во дворе, на 9-м пути. Столяры устанавливали внутри вагона на платформы шпалы, другие мастеровые производили кузнечные работы, укрепляя стенку из шпал котельным железом. Чернорабочие подносили песок и засыпали его между бортами вагонов и обшивкой из шпал. Над головами работающих периодически разрывались шрапнельные снаряды красной артиллерии. Из-за артиллерийского обстрела многие мастеровые после обеденного перерыва на рабочие места не явились».* К достройке блиндированных вагонов офицеры повстанцев привлекли всех рабочих, известная часть из которых намеревалась остаться в стороне. К вечеру работы по оборудованию броневоза были завершены, и паровоз стал выводить его из двора мастерских на станцию Урочь. При выезде состава к разрезной стрелке, где заводская ветка соединялась с главной линией, ведущей на станцию Урочь, вагон опрокинулся. Предполагалось, что это произошло либо по халатности, либо по умыслу не без участия стрелочника Огурцова. На поднятие самодельной бронированной конструкции ушли сутки – 8 июля броневоз вновь готов отражать натиск большевиков.

Некоторое время, как и говорил Перхуров на своем допросе, «тверицкий участок» фронта считался относительно спокойным. В опубликованной в 1920 году книге «Четыре катастрофы» генерал Карл Гоппер сообщил о нескольких налетах частей Красной армии на Тверицы. Если соотносить это с конкретными датами, то получается, что это были события 9, 10 и 11 июля. Еще в ночь с 8 на 9 июля в соседствующую с Ярославлем с севера Вологду прибыл комиссар беломорского военного

округа Анатолий Иванович Геккер. Он был кадровым военным, родился в семье военного врача, потомка давнишних швейцарских переселенцев, которые еще во времена Екатерины II перебрались в Россию. Образование получил во Владимирском военном училище и на курсах при Военной академии. Во время Первой мировой войны был штаб-ротмистром. В июле 1917 года, когда происходила политизация армии, был избран начальником штаба 33-го армейского корпуса. Месяц спустя примкнул к большевикам. С января 1918 года был командующим 8-й армией на Румынском фронте. Затем, весной 1918 года, руководил созданием частей Красной армии в районе Донбасса.

Сразу же после прибытия в Вологду Анатолий Геккер передает в Петроград телеграмму, в которой сообщает: *«Прибыл сегодня в Вологду, ознакомился на месте, решил руководить действиями против белогвардейцев. Командование Ярославским участком возложил на губернского военного комиссара, который выезжает сегодня с отрядом. Ему отдал категорическое приказание объединить все отряды и перейти к активным действиям, дабы не дать возможности белогвардейцам укрепиться. Необходим броневой поезд, несколько орудий, помощь пехотой и подрывниками, и тогда можно будет немедленно ликвидировать, взяв в тиски»*. По согласованию с Геккером, постановлением Вологодского чрезвычайного революционного штаба линия железной дороги на отрезке от Вологды до Ярославля была объявлена на военном положении. 9 июля из Вологды в сторону Ярославля направляется отряд, составленный из двух рот и пулеметной команды 8-го латышского полка с приданной командой траншейных орудий и связистов. Латыши (русские части во избежание «недоразумений» на мятежников решили не бросать) двигались в сторону небольшого города Данилов, который располагался в непосредственной близости от Ярославля.

Данилов, в отличие от Ярославля, полностью контролировался пусть и незначительными, но красными частями. Даниловский уездный военный комиссар А. Талов позже вспоминал, что *«через три дня после начала белого восстания в Данилов прибыл хорошо вооруженный красный отряд»*. Часть Даниловского отряда, численностью в несколько десятков человек, поступила в распоряжение направленного Геккером в Ярославль Комиссарова. Двигаясь по железной дороге в сторону Ярославля, командование вологодско-даниловского отряда обнаружило, что все пути буквально забиты крестьянами, которые шли в южном направлении, но отнюдь не для того, чтобы сражаться с «белогвардейцами», а чтобы примкнуть к повстанцам. «Красный поезд» регулярно останавливался, а

наиболее «несознательные» крестьяне тут же расстреливались. Выходить «с наскака» на левый берег Волги «красные» части не решились. Поезд, посланный Геккером, остановился на станции Уткино. Все части были выгружены, после чего два отряда направлены на разведку. Карл Гоппер описывает дальнейшие события очень скудно, по-суху характеризуя первый налет «красных» на Тверицы: *«Приехали они поездом, в составе которого были две бронированные платформы с двумя орудиями и несколькими пулеметами. В первый раз они ограничились захватом Филино и ограблением деревни Яковлевской, где разогнали собравшихся крестьян, а затем уехали обратно».*

Красные источники, рассказывающие о действиях Геккера и Комиссарова, дают более подробную картину этого боя. 9 июля части Красной армии, находившиеся на станции Уткино, предприняли атаку. Эшелон дополнительно прибывшего соединенного Буйско-Любимского отряда, продвинувшись на 16 км на юг, сделал остановку на 6-й версте между Даниловым и Ярославлем. Именно в это время наступавшие были замечены повстанческими дозорами, которые сразу же сообщили в штаб Перхурову о предпринятом красными наступлении. Юрий Шевяков так описывал детали последовавшего боя: *«Бывшие в слободе офицеры штаба не обратили на это сообщение должного внимания и не привели уже поставленных в строй добровольцев в боевую готовность. Высадившись из вагонов, бойцы Буйско-Любимского отряда (около 50 человек), выслав вперед разведку, незаметно продвинулись через лес. На поле перед Яковлевской слободой они развернулись в цепь. Под прикрытием огня пулеметов красноармейцы бросились в атаку. Стреляя на ходу из винтовок, они ворвались в слободу. Офицеры бросились было к Народному дому – месту расположения их вооруженного отряда, но, видя, что последние „солдаты“, побросав оружие, убегают в лес, сами последовали за ними. В слободе они бросили автомобиль с оружием и велосипедом. Преследуя большую толпу бегущих повстанцев красные отряды устремились к станции Филино. Ближе к вечеру на подступах к ней завязался огневой бой между красноармейцами и высланными из слободы Тверицы повстанческими подразделениями».*

Именно 9 июля в штабе Перхурова понимают, что левый берег Волги перестал быть «наиболее спокойным». Более того, риск утратить контроль над железнодорожным мостом через Волгу ставил под угрозу все стратегические планы. В итоге исправлять ситуацию в Тверицы был послан опытный военный Карл Гоппер. Тот в своих мемуарах достаточно четко описал причины первых неудач белых на Заволжском участке фронта:

«Это объяснялось двойного рода причинами: среди добровольцев было много элементов, ни разу не нюхавших пороха, которые уже простой артиллерийский обстрел принимали за наступление и поэтому страшно грешили в своих донесениях. Главная причина состояла в том, что большинство явившихся на регистрацию, очевидно, полагали, что переворот уже кончен, но, когда увидели, что приходится еще драться, постепенно исчезали по своим домам, вместе с оружием, и уследить за ними в уличных боях не было ни малейшей возможности». Даже несмотря на то, что в итоге красноармейцы отошли на свои прежние позиции, на следующий день из Данилова «наверх» была отправлена телеграмма: «Объединенный отряд вологодских, любимских, буйских советских войск имел успех. Разбит штаб белогвардейцев около разъезда Филино. Наше положение блестяще». В штабе Северной Добровольческой армии было решено, что Тверицы превращаются в важный участок фронта, а потому туда перебрасывалось через Волгу около 450 бойцов из числа «белых» повстанцев.

Вопрос о переброске дополнительных сил повстанцев на левый берег требует отдельного рассмотрения, поскольку это не было простой задачей. К 9 июля, когда южная часть моста оказалась в руках красных войск, там были установлены пулеметы – переправа через Волгу сразу же стала рискованным предприятием. Переброска ударных сил в Тверицы шла в несколько этапов, для чего использовались несколько пароходов и так называемых дачных пароходиков. Еще до революции Ярославль был крупным центром водного сообщения, причем здесь имелась самостоятельная пристань известнейшего пароходства с непривычным для этого названием «Самолет». В одной из своих разработок братья Шевяковы сообщали: *«Все дни восстания простояли в Ярославле три больших “самолетовских” парохода. “Князь Симеон Гордый”, “Князь Василий Костромской” и “Великая княжна Татьяна Николаевна”, ставшая по иронии судьбы “Добрыней Никитичем”. Суда немало пострадали от пуль и осколков, а их экипажи пережили весь ужас 16-дневной осады, потеряв убитыми двух человек. Двухпалубные товаро-пассажирские пароходы “Добрыня Никитич” (со дня спуска на воду и до апреля 1917 года назывался “Великая княжна Татьяна Николаевна”) и “Князь Симеон Гордый” были в числе лучших на волжском флоте. Построенные в 1914 году на нижегородском заводе “Сормово” специально для общества “Самолет”, они имели внушительные размеры – длину соответственно 95 и 75 метров, ширину 9 и 8 м – и мощные паровые машины в 1250 и 580 индикаторных сил. Чуть поменьше был товаропассажирский пароход*

“Князь Василий Костромской”, его длина достигала 65 метров, а мощность машины переваливала за 270 сил. Спущенный на воду в 1887 году в Бельгии на заводе “Коккервиль”, он в 1913 году был капитально перестроен и отремонтирован».

Пароходы уже не раз вызвали опасение у советской власти. Так, например, в 21 час 6 июля 1918 года председатель Даниловского Совета Ярославской губернии сообщил по прямому проводу в Вологду, что в 6 часов утра *«сего числа из Нижнего Новгорода в Ярославль прибыло на двух пароходах две тысячи белогвардейцев с броневиком, орудиями и пулеметами»*, которые захватили город. Эти далекие от истины сведения были незамедлительно переданы радиотелеграфом в Москву, Ленину и Троцкому. В действительности же за несколько дней до восстания в Ярославль на двух больших пассажирских пароходах прибыли именно красноармейцы, которых стягивали в город, поскольку *«здесь что-то замышлялось»*. Большая часть красноармейцев прибыла в Ярославль на «Добрыне Никитиче» (в прошлом «Великая княжна Татьяна Николаевна»), который считался лучшим судном в верхневолжской «тройке». Исследователи так описывали его: *«Он был... шедевром мирового судостроения. В Европе не было судов, равных ему по величине и мощности. На ходовых испытаниях он развил скорость 23,4 версты в час. Пароход был не только очень вместительным (общая грузоподъемность составляла 480 тонн), но и удобным для перевозки пассажиров и грузов. На его главной палубе в носовой части располагались помещения 3-го класса – двухместные каюты, а в промежутках между ними – двухместные кабины без дверей. Всего здесь было 98 мест. Между кормовым пролетом и открытой кормовой палубой находились помещения 4-го класса с 32 двухъярусными койками по бортам и буфет. Средняя, свободная от коек часть палубы была отведена для размещения груза, а при его отсутствии – для палубных пассажиров. В кормовой части главной палубы была устроена санитарная каюта с изолятором на две койки. На второй, легкой палубе были расположены помещения 1-го и 2-го классов. Первый класс включал 11 двухместных кают, специальную каюту для молодоженов и столовую с салоном в ее передней части. Второй класс – 15 одноместных и 19 двухместных кают и свою отдельную столовую. На пароходе были также парикмахерская, фотосалон и ваннные комнаты. Все эти удобства дополнялись прекрасной отделкой судна дорогими материалами».*

6 июля эти пароходы пытались увести из Ярославля, но повстанцы все-таки смогли их захватить. При этом был убит капитан «Добрыни»

Дмитрий Маматов, который активно поддерживал советскую власть (позже в честь него переименуют пароход «Князь Юрий Суздальский»). В советской историографии это событие было описано следующим образом: *«Услышав отдаленную, но усиливавшуюся стрельбу в городе, Маматов поднялся на мостик и увидел бегущих по берегу офицеров и солдат. Они направлялись к пристани с намерением захватить “Добрыню Никитича” и использовать для перевозки своих войск в приволжские пункты. Мгновенно оценив обстановку, капитан приказал готовить машину, рубить чалки и – полный вперед... Прицельный огонь из винтовок и пулемета с дебаркадера не остановил движения парохода. Но герой капитан Дмитрий Дмитриевич Маматов пал на мостике от вражеской пули. Судно получило повреждения».*

Впрочем, большая часть перевозок с одного берега Волги на другой осуществлялась небольшими пароходами, которые некогда принадлежали «Товариществу Кашин и К». Это были как дачные пароходы, так и колесные машины вполне приличных размеров. Самыми маневренными были суда, известные ярославцам как «пчелки» («Пчелка № 1» и «Пчелка № 7»), построенные в Рыбинске соответственно в 1902 и 1911 годах. Эти суда имели длину 19 и 23 метра, паровые машины мощностью 35 и 80 индикаторных сил, пиронафтановое освещение. Первый из них мог перевозить в помещениях 1-го и 3-го классов 100 пассажиров и 8 тонн груза на палубе, второй – 150 пассажиров и 13 тонн груза. Однако одна из «Пчелок» очень сильно пострадала от пожара, случившегося буквально накануне «мятежа», а вторая в ходе июльских событий получила массу пробоин и повреждений от пулеметных пуль. Как бы то ни было, но обе стороны готовились к повторному столкновению в Тверицах.

Карл Гоппер попытался лаконично изложить суть того боя: *«Немного спустя красные повторили свой набег, во время которого пострадала одна наша застава, составленная из группы латышских офицеров. На этот раз удалось прогнать красных благодаря движению начальником участка небольшого резерва в тыл красных, через лес южнее Филино. В этот же день красным удалось овладеть западным концом железнодорожного моста, где они установили пулеметы и угрожали нашему сообщению через Волгу. Переезжая в этот день через Волгу вместе с полковником Масло и капитаном Скраббе, мы подверглись обстрелу пулеметом с конца моста, причем смертельно был ранен капитан Скраббе – один из самых деятельных участников Ярославского восстания».*

С советской стороны традиционно осталось заметно больше документов и свидетельств. Рано утром 10 июля красные части повторно

пошли от станции Уткино в сторону Ярославля. Передвигались они крайне осторожно, небольшими «отрезками». В итоге ко второй половине дня красные латышские стрелки и поддерживающие их отряды из окрестных городов вновь вышли в окрестности станции Филино и открыли по ней огонь из орудий и пулеметов. Белогвардейцы были вынуждены отступить, передвигаясь лощинами и оврагами, которые были расположены близ военно-санитарного поезда № 136, фактически застрявшего после ремонта между станциями Филино и Урочь. Вагоны связи красного эшелона смогли подключиться к линии железнодорожного телеграфа. Красно-латышские стрелки заняли новые позиции, с которых планировали продолжить атаковать. Под прикрытием ураганного артиллерийского огня они выбили со станции Урочь и Филино белых повстанцев. В своих воспоминаниях Перхуров так описал этот момент: *«Вернувшись в штаб, я получил донесение о крайне тяжелом положении Заволжского участка. Убиты один за другим два начальника этого участка; общее управление нарушено, противник сильно теснит этот участок. До прочного закрепления вновь на этом участке нельзя было думать о намеченной ранее операции»*. В итоге Карл Гоппер решается предпринять рискованную контратаку, которая привела к тому, что красные латыши, чтобы не быть в любой момент окружены и отрезаны от эшелона, вынуждены были в очередной раз отступить – на этот раз к станции Коченягино.

«Третий налет» на Тверицы состоялся на следующий день утром 11 июля. Командовавший местными повстанцами Гоппер описывал этот бой так: «Свой третий налет на Тверицы красные произвели, как видно, уже с большими силами; они вытеснили наших из ст. Филино и заняли также одно время ст. Урочь почти у самого берега Волги. Это было уже слишком опасное положение, так как Тверицы была единственным путем нашего отхода из Ярославля и с занятием красными Тверицы у нас уже обрывалась всякая связь с внешним миром и прерывалась вся работа по организации крестьян, на которых мы возлагали свои последние надежды. В то время, как было получено это сообщение в нашем штабе, меня не было там. Я как раз объезжал весь наш фронт, с целью выяснить более пассивные участки, с которых можно было снять часть сил, для начала эвакуации. Когда я уже вернулся вечером в штаб, то застал там всех в полном переполохе. Полковник Перхуров поставил под ружье почти весь штаб до писарей включительно, а равно и телефонистов, присоединив к ним все сформированные в последние дни резервы, в общем собралось около 150 человек. Эту роту он поручил генералу Л. с приказом двигаться в Тверицу и восстановить прежнее положение. Но генерал Л. отказывался,

ссылаясь на то, что он как артиллерист недостаточно опытен, чтобы справиться с этой тяжелой задачей. Тогда Перхуров поручил это дело полковнику А. – пехотинцу, но и этот отказался. После этого Перхуров поручил это дело мне. Я не возражал и отправился, конечно, не ручаясь за полный успех».

Если детально разобрать действия красных отрядов, то складывается такая картина: они перешли в наступление от станции Коченятино в направлении Филино. В рядах латышей находился теперь прибывший из Вологды Я. Петерсон, бывший командир сводной роты по охране Смольного. Краснолатыши были явно на подъеме. К тому же в этот день для отрядов Г. Комиссарова из Вологды было привезено несколько десятков винтовок, четыре пулемета «Кольт» и более тридцати тысяч патронов. Солдаты 8-го латышского полка, даниловского и других отрядов выдвигались на поезде, в составе которого были две блиндированные платформы с двумя орудиями и несколькими пулеметами. После короткой перестрелки наступающие заняли станцию Филино. Затем боевой эшелон с частью стрелков-латышей и артиллерией продвинулся дальше к Волге. Вначале наступающая масса двигалась в направлении моста без особых проблем. Однако близ уроческих мастерских их накрыл пулеметный огонь. Наступление не остановилось, но все-таки замедлилось. Юрий Шевяков писал: *«Красные разведчики проникли также на железнодорожный мост через Волгу. В Тверицах в это время находилось уже не более 180 повстанцев, так как к этому времени около ста бойцов тверицкого отряда были расстреляны красными на месте сдачи в плен или убиты в бою, а другие разбежались. Несмотря на это, в течение дня восставшие, прикрываясь сильным пулеметным огнем, дважды контратаковали выдвинувшиеся к Волге красные отряды и все-таки вынудили их отойти к ст. Филино, забрав с собой два захваченных на ст. Урочь паровоза, а затем и военно-санитарный поезд, эшелоны красных отрядов около 19 часов отошли к ст. Коченятино».*

Карл Гоппер вспоминал об этих бесконечных наступлениях-отступлениях: *«Не знаю, вследствие ли переправы нашего отряда через Волгу либо по какой-нибудь другой причине, но красные опять оставили занятые ими места в Тверицах и уехали на своем поезде в сторону Данилова. Мы воспользовались этим, чтобы восстановить здесь наше положение. Но сил было слишком мало, чтобы весь большой фронт от железнодорожного моста на Филино и далее к деревне Савино занять сколько-нибудь устойчиво, – из всего бывшего тут отряда около 180 человек мне удалось набрать всего лишь человек 40, к которым я прибавил*

прибывших со мной 150. Поэтому я иначе распределил расстановку наблюдения, ставя заставы в наиболее опасных направлениях, в верстах 2–3 впереди станции Филино велел разобрать рельсы, на расстоянии хорошего обстрела от разобранного места укрыл в двух направлениях, в замаскированных окопах по одному отделению с пулеметами, которые воспрепятствовали бы исправлению пути. Оставшуюся роту, силою около 80 человек, держал в кулаке, для активных действий, пользуясь местными укрытиями, которых тут было в изобилии. При себе на станции Урочь оставил в виде общего резерва остаток Калужан – около 20 человек, нуждавшихся в передышке после упорных боев. Такая готовность гораздо более соответствовала обстановке и такую на самом деле приняли на следующий день. Однако к вечеру генерал Л., который по своему желанию был оставлен командиром этой роты у станции Филино, без моего ведома, распорядился иначе, даже не донося мне об этом. Он снял две заставы, наблюдавшие разрушенный путь, присоединил их к себе и растянул всю роту по широкому фронту в лесу впереди станции Филино. Утром рано он за это был наказан, т. к. красные нагрянули сосредоточенным кулаком и наша редкая цепь, хотя и встретила их огнем, не могла выдержать их напора и отступила. Насилу, при помощи моего резервика, удалось остановить отступающих уже на самой окраине Тверицы, и тут начался снова бой, продолжавшийся еще четверо суток».

Положение тверицкого отряда белых повстанцев становилось хуже с каждым часом. И самое главное: им не удалось сохранить контроль над железнодорожным мостом через Волгу. В книге Р. Балашова «Пламя над Волгой» есть краткое описание этой операции: «На рассвете 12 июля начался общий штурм железнодорожного моста через Волгу. Наступление прикрывал бронепоезд и несколько артиллерийских орудий. Красноармейцы двигались вслед за железнодорожной платформой, доверху нагруженной рельсами. Белые отвечали ружейным и пулеметным огнем и наконец не выдержали и побежали. Железнодорожный мост через Волгу в этот день был взят».

Более детальное описание захвата моста мы можем найти в воспоминаниях венгерского интернационалиста Рудольфа Гарашина, которые были изданы в СССР в 1970 году под названием «Красные гусары». В этих воспоминаниях мы читаем: «Для захвата моста нам дали четыре пулемета, обеспечили достаточным количеством патронов и ручными гранатами. В отряде костромичей тоже был пулемет. Эшелон наш остался позади, в километре от нас. Там расположился общий штаб, оттуда же мы получали продукты. К железнодорожному мосту

действительно трудно было подступиться, так как около него стояли пулеметы, а один пулемет был установлен даже на ферме моста. Ночью мы осторожно подобралась к мосту на расстояние двухсот метров и окопались. Нам казалось, что мятежники получают из города подмогу, но этого не произошло. Значит, на помощь из города они, видимо, не надеялись. На третий день нам удалось уничтожить пулемет на ферме моста. Постепенно кольцо сжималось. Мы ждали благоприятного момента, чтобы захватить мост штурмом. Нам уже порядком надоело бездействие. Вышестоящее командование нашу тактику одобряло (ведь мы сковывали значительные силы противника, который все еще, видимо, не терял надежды получить помощь от Антанты и потому упорно оборонял мост). Приказа на штурм моста нам все не давали. Однажды на мосту появился поезд противника. Вначале мы приняли его за бронепоезд, но вскоре наши конники установили, что это самый обычный поезд, вооруженный двумя пулеметами. Противник обстрелял нас из этих пулеметов, правда, никакого ущерба не нанес. Вскоре поезд скрылся из виду. Однажды из разведки не вернулись трое наших конников: они были убиты метрах в двадцати пяти от моста. Это были красногвардейцы Имре Такач, Альберт Сабо и Михай Ковач. Их тела нам удалось забрать только ночью. Чаша терпения была переполнена, и мы наконец, получили приказ штурмовать мост. И вот под покровом ночи мы приблизились к мосту, а на рассвете пустили на мост отцепленный от состава паровоз. Машинист успел соскочить на землю, а паровоз выехал на мост. Началась сильная стрельба с обеих сторон. С криками „ура“ красноармейцы бросились к мосту. Когда они достигли его середины, противник на том берегу не выдержал и побежал. Захватив мост, мы окопались на противоположном берегу. Контрреволюционеры уже не посмеют сюда вернуться! Привели пленных. Тридцать пять бывших царских офицеров. Остальные сбежали. Увидев, что попали в плен к венграм, русские офицеры стали страшно ругаться. Товарищу Ткаченко пришлось провести с ними своеобразную политбеседу о пролетарском интернационализме. Пленные стали молиться и спрашивать, какая же участь их ожидает. Наши ответили: точно такая же, какую готовили они нам. Всех пленных мы провели через мост и заперли в одном из вагонов, приставив к нему часовых».

Глава 11

Красный панцирь против белой брони

В своих планах белые заговорщики не надеялись только лишь на волю случая. В Ярославле они пытались анализировать, рассчитывали, делали тактические прогнозы. Кроме собственно офицерской организации, состоящей как из ярославцев, так и приезжих, ставка делалась на броневой дивизион. Именно силами этого подразделения предполагалось разоружить и нейтрализовать т. н. «коммунистический отряд», считавшийся самой боеспособной частью, подчиненной советской власти. Командовал броневым дивизионом участник Первой мировой войны, прапорщик Валентин Супонин. Для планировавших восстание он был очень удобной фигурой, так как, с одной стороны, ненавидел большевиков, но при этом все-таки пользовался расположением советской власти. В частности, он постоянно присутствовал на собраниях Совета солдатских депутатов. Однако именно это обстоятельство послужило поводом для неоднозначного отношения к нему руководства тайной организации. Полковник Перхуров откровенно не доверял прапорщику. Позже на судебном процессе Перхуров заявит по поводу Супонина: *«Он произвел на меня весьма сомнительное впечатление, будет ли он на нашей стороне. Я проверил свое мнение, и ответы получились неустойчивые. Весь вопрос был в том, на чьей стороне он будет – на нашей или на стороне Советских войск»*. Однако генерал Гоппер отнесся к командиру броневого дивизиона в высшей мере доверительно. В своих воспоминаниях генерал написал о силах, которые должны были поддержать вооруженное выступление белых в Ярославле: *«Автопулеметный отряд, состоявший из двух броневиков и пяти пулеметов. Вся команда этого автоотряда – 25 человек – состояла из офицеров, входивших в нашу Ярославскую организацию, а ее начальник – поручик Супонин – являлся одним из деятельных членов офицерской организации и одновременно пользовался большим доверием и даже авторитетом в военных делах у большевиков, они приглашали его на все важнейшие заседания и не имели от него почти никаких секретов»*. Как бы то ни было, Супонина не посвящали во все тонкости плана, а ставили лишь в известность в общих чертах. Перхуров по этому поводу сообщал: *«Заседаний [штаба заговорщиков] планомерных не было, но приходили командиры полков. Я получал известные сведения, давал им*

соответствующие инструкции. Потом приходил начальник броневое дивизиона. Я ознакамливал его с тем же самым. И таким образом я пропускал через свои руки всех людей. Так что сплошных заседаний не было, а просто они приходили или группами, или поодиночке».

Опасения Перхурова оказались вовсе не напрасными. В ночь выступления Супонин не прибыл на Леонтьевское кладбище. Некоторое время после захвата оружейных складов начавшие выступление офицеры ожидали прибытие броневиков. Именно с этим было связано почти часовое бездействие, равно как возникли опасения относительно того, что планы раскрыты и заговорщики, направившись в город, оказались бы в ловушке. Однако броневой дивизион примкнул к восставшим, хотя и с очень большим запозданием. Оказалось, что второй броневик вышел из строя, а потому несколько десятков человек выдвинулись при поддержке только одной бронемашины. Очевидец вспоминал: *«Когда броневик прибыл – дело улучшилось. Мы двинулись. При входе в город с левой стороны тянулись заборы, и тут показались скачущие всадники, человек 40–50. Я расставил цепь и приказал, чтобы огня не открывали. Цепь имела дозоры, а броневик ушел вперед».* Самым странным в этой ситуации было то, что броневой дивизион привел вовсе не поручик Супонин. Тот накануне выступления исчез в неизвестном направлении. Возможно, он испугался последствий, а потому решил умыть руки; не стал выдавать планы восстания, но и не присоединился к нему.

Час спустя именно при поддержке броневедомобиля «Добрыня Никитич» белые офицеры вступили в город. Подобное соседство ввело многих в заблуждение. Один из большевистских активистов вспоминал: *«Дальше я заметил конницу и броневик. Я думал, что едут красногвардейцы, и в душе порадовался. Когда толпа при виде их стала расходиться, то они кричали: не бойтесь – это не красные, и толпа стала приветствовать их криками “ура” и бросаньем вверх шапок».* Возможно, поведение командования броневое дивизиона показалось излишне коварным, а может быть, офицеры этой части действительно люто ненавидели советскую власть, но именно с ними часто ассоциируются расправы с высокопоставленными советскими служащими. Например, считалось, что командир броневика Прокофьев собственноручно расстрелял помощника губернского административного комиссара А. Шмидта. Хотя на самом деле Шмидт не был расстрелян – он был ранен при невыясненных обстоятельствах, а на следующий день скончался в лазарете. Именно с броневым дивизионом связывали имена первых ярославских советских сыщиков – начальника губернского угрозыска

Грекова и губернского комиссара милиции Фалалеева, которые сразу перешли на сторону белых и начали активные расправы. Версии об их причастности к броневому дивизиону, с одной стороны, выглядят откровенно фантастично, как, например, в случае с рассказом члена губернского ревкома Александра Громова: *«Были выстрелы, но не попали в меня, и, как рассказывают после, кто видел, когда я ехал, то за мной гнался броневик, управляемый начальником уголовного розыска Грековым»*. Впрочем, у других очевидцев повествование выглядит весьма правдоподобно. Один из ярославских большевиков Петр Путков так сообщал о событиях 6 июля 1918 года: *«Я взял оружие и направился по направлению к Дому Народа. Подходя к Советской площади, я заметил броневик, у которого стоял Фалалеев. Подхожу, спрашиваю, что происходит. Он мне отвечает: вы арестованы, и я направляю Вас в распоряжение начальника первой части»*.

Броневи́к с первого же дня белого восстания в Ярославле служил «пожарной командой» для всех участков ведения боевых действий. Генерал Гоппер вспоминал о первых днях городских боев и об участии в нем броневика «Добрыня Никитич»: *«Всегда появлялся там, где положение стало критическим и, надо отдать справедливость, своими действиями всегда восстанавливал положение»*. Подобная оценка не была преувеличением, так как один из красных командиров сообщал: *«Белые очень часто разъезжали по городу на броневом автомобиле, иногда подъезжая очень близко к нашей линии. Это, с одной стороны, трудность ведения борьбы в городской обстановке, с другой, заставили нас [в] свою очередь затребовать тоже броневой автомобиль из Москвы»*. В то же самое время, чтобы сдерживать атаки повстанцев, которые прикрывал броневой автомобиль, красноармейцам, в первые дни выступления заблокированным на станции Всполье, приходилось баррикадировать и перекрывать улицы. Александр Громов в своих «Воспоминаниях о Ярославском мятеже» сделал такую запись: *«Всем была дана задача, например, тов. Флоренскому, он помнит, наверное: взять пилу, винтовку и порезать на той и другой Угличской телеграфные столбы, создать баррикады, чтобы не мог броневик спалить бараки, которые представляли из себя в то время большую ценность, набитые хлебом, сотни вагонов сахару, консервов и разного ценного имущества, в том числе и артиллерийского»*.

Надо отметить, что бронеавтомобиль «Добрыня Никитич» относился к классу машин «Путилов-Гарфорд», то есть это был не совсем привычный нам по фильмам и фотографиям броневик. Это был тяжелый пулеметно-

пушечный автомобиль на шасси грузовика, с позволения сказать, легкий танк на колесах. Эта машина не была особо проворной, но при этом обладала удивительной огневой мощностью: 76-миллиметровая пушка и три пулемета «Максим», скрытые за толстой броней, в городских условиях могли остановить любое наступление либо намертво заблокировать любую из улиц. Обычно экипаж этого «монстра» состоял из восьми или девяти человек. Так что нет ничего удивительного в том, что на западных окраинах города ситуация для красных частей была в высшей мере неблагоприятная. По этой причине с первых дней восстания во все стороны летели просьбы: *«Дайте броневиков! Дайте броневиков!»* Просьба ярославских красноармейцев была удовлетворена отнюдь не сразу. Потребовалась по меньшей мере неделя, чтобы для противостояния белым в Ярославль прибыли «красные» броневики.

Впрочем, железнодорожные рабочие, в основном негативно относившиеся к большевикам, не спешили помогать с разгрузкой платформ, на которых прибыли броневые автомобили. Они ссылались на какие-то дела, затем уклонялись от работы без объяснений, одним словом, использовали тактику, более известную как «итальянская забастовка». Один из революционных командиров, участвовавших в подавлении «ярославского мятежа», описывал эту ситуацию следующим образом: *«Дело было в какой-то праздник, рабочие не работали. Дорожный мастер, которому предложено было предоставить рабочих, привел последних очень мало, заявляя, что все разбрелось, приходилось действовать самим. Продовольственная железнодорожная лавка была открыта, и около нее много толпилось народу. Я сначала хотел взять оттуда нужное количество людей, но набрал по пути. Слово „набрал“, конечно, не означало, что подрядил, а следует понимать, что именем закона войны и революции заставил сделать. Кто нес шпалы, кто лафетник, и автомобили были разгружены своевременно».*

Командование красных частей пребывало в весьма приподнятом настроении, полагая необходимым сразу же пустить броневики в действие. Уже позже от этого решения все стали открещиваться, что вполне объяснимо, так как верно гласит народная мудрость: *«У победы множество отцов, и только поражение – сирота».* Военный комиссар и член губернского ревкома Александр Громов описывал то наивное воодушевление так: *«Утром, чтобы показать, что у нас сила прибывает, а не убывает, даю распоряжение стрелять всем батареям, отдаю приказание также и на Туговую гору, чтобы ни один удиравший пароход не был оставлен необстрелянным. Штаб приказание отменяет.*

„Прекратить стрельбу“, и соглашаются на собрании пустить броневые автомобили, наивно думая, что белые отступят и разоружатся, увидя броневики». Наверное, это была уникальная ситуация для гражданской войны, когда в условиях городских боев броневики было решено использовать против броневой силы противника. Эта идея показалась революционному командованию настолько блестящей, что оно авансом отрапортовало об успешной вылазке: «Утром получено три броневых автомобиля, которыми около 4 часов дня нами был предпринят удачный и смелый налет против цепи белых. Нами был захвачен 1 пулемет, потери противников значительны». Однако в реальности повода для торжественных телеграмм не наблюдалось. Обнаружилось, что белые используют против бронеавтомобилей, пытавшихся перейти в наступление красных, «усиленные» пули, для которых броня у прибывших машин была недостаточно толстой. На следующий день тон сообщений, направляемых в Москву, был уже более сдержанным. В частности, отмечалось: «Много очень пулеметов и стреляют разрывными пулями, кроме того по броневикам стреляют бронебойными пулями». Использование белыми повстанцами специальных боеприпасов подтверждается воспоминаниями председателя военно-революционного комитета Северных железных дорог И. Миронова: «Под дождем пулеметного огня (у белоэсеров было много пулеметов, но артиллерии полевой совсем не было, мало снарядов), бронебойных пуль (стенка броневика с очень сильной броней стала сплошь просверленной до дюйма в глубь металла) направились на Урочскую сторону». А некоторое время спустя «наверх» был отослан и вовсе минорный рапорт: «Броневые автомобили вышли из строя».

Уже после подавления Ярославского восстания красные командиры самого разного уровня пытались понять, что же произошло на самом деле. Версии хотя и разнились, но в них можно было выявить общие моменты. В некоторых случаях ссылались на то, что прилегающие к станции Всполие улицы были фактически непроходимыми для легких броневиков, которые были оснащены колесами с дутыми шинами. На это указывал губернский комиссар финансов Григорий Петровичев. В частности, он сообщал: «Мостовые в прилегающих к станции Всполие улицах были плохие, а в нескольких местах намеренно испорчены белогвардейцами, услышавшими о прибытии к нам броневых автомобилей; почва кругом ввиду дождей превратилась в вязкую грязь. Первая партия броневиков по независящим от нас обстоятельствам использована нами неудачно». Впрочем, сохранились и куда более интересные свидетельства. В частности, обозначалось, что один из легких броневиков застрял в грязи на

Никольской улице. Его должна была вытащить и отбуксировать к станции вторая, более тяжелая бронемашина. В тот момент, когда броневики пришли в движение, в них попал снаряд. Выстрел был настолько точным, что снаряд влетел прямо в оружейный каземат. Весь экипаж тяжелой машины был разорван в клочья, а команда легкого броневика была серьезно ранена. Теоретически можно предположить, что удачный выстрел был произведен белыми, однако у повстанцев фактически не было артиллерии. На участке фронта у станции Всполье они предпочитали делать ставку на пулеметы, установленные на крышах домов и звонницах церквей. Между тем факт остается фактом – два «красных» броневика были подорваны. Это было зафиксировано в том числе в «белых» документах. В обзоре боев, который ежедневно готовился при штабе Северной Добровольческой армии, в тот день сообщалось: *«17–18 июля 1918 года. Сегодня ночью нам удалось вывезти с передовых один из захваченных броневиков противника. Работы по извлечению двух других машин продолжаются»*. На следующий день в аналогичном отчете говорилось: *«Работы по приведению отбитых у противника броневиков в порядок подвигаются успешно»*. Сведения о том, что «красные» броневики в ходе боев были захвачены «северными добровольцами», подтверждаются упоминавшимся выше Григорием Петровичевым: *«О судьбе их [подбитых броневиков] я точно сейчас сказать не могу: увезен ли один нами, а второй белогвардейцами, или оба нами оставлены на месте до конца мятежа, сейчас точно сказать затрудняюсь, мне кажется правильным первое, белогвардейцы, увезя негодный к употреблению автомобиль, возили по городу и показывали как добытый в горячем бою трофей»*.

В данном случае важна была не столько судьба бронемашин, сколько причина, по которой они были выведены из строя. Проводилось даже специальное дознание, в ходе которого оказалось, что «красные» броневики были расстреляны своими же собственными «красными» артиллеристами, которые по ошибке приняли машины за «белого» «Добрыню Никитича» и открыли ураганный огонь с броневой платформы, занимавшей позиции близ железнодорожной станции. Когда все выяснилось, то военному комиссару Громову пришлось «сознаться»: *«Немного упомяну про наши разбитые броневики своей площадкой. Когда прибыли два броневика, я поехал указывать путь и расположение города. Следовали по Рождественской и по Пошехонской улицам. Даже я сам не узнавал улиц, так как они все были завалены сгоревшим кирпичом. Выехали на Цыганскую, где нас сильно обстреляли, но вернулись скоро после этого. Броневики отравились одни. Один застрял, к нему подошел второй на*

помощь и взял на буксир, но площадка, наблюдая, думала, что подошел броневик белых, рванула и попала броневнику, который спасал, и команда в числе одиннадцати человек была убита, а также сильно пострадал броневик. Белые, забрав оба броневика, играли победу, и даже отдали об этом приказ, для поддержания духа среди белой армии».

Уникальность использования броневых платформ и бронепоездов в борьбе с «белыми» броневиками, равно как и для подавления ярославского мятежа, состоит в том, что бронетехника использовалась исключительно в условиях городских боев. В Ярославле не было ни намека на привычную многим «дуэль бронепоездов» в открытой степи, что в первую очередь ассоциируется с боевыми действиями в ходе Гражданской войны.

Оговорив этот важный факт, перейдем теперь к действиям бронепоездов. Первым в Ярославль прибыл бронепоезд № 2 «Победа или смерть». Это произошло на третий день боев между 8 и 9 июля 1918 года. Этот боевой состав был создан рабочими Путиловского завода для того, чтобы отразить в 1917 году наступление на Петроград частей генерала Корнилова. Несколько позже поезд получил свое легендарное название – «Победа или смерть». Перед тем как попасть в Ярославль, бронепоезд активно участвовал в боях на Юге России: под Полтавой, под Екатеринославом, под Лозовой. Затем он был направлен на Дон для борьбы с казачьими частями, где получил серьезные повреждения. После восстановления новый, по сути, бронепоезд направили на подавление Ярославского восстания. На тот момент это была мощная сила. На бронепоезде были установлены 107-миллиметровые орудия. Каждая из двух бронеплощадок С-30, сконструированных и построенных на Сормовском заводе, могла быть самостоятельной боевой единицей. Это обстоятельство было учтено, когда бронепоезд прибыл в Ярославль. Его сразу же разделили на две части. Первая бронеплощадка была установлена на позициях близ Волжского моста, дабы предотвратить его захват белыми, что позволило бы им объединить позиции в Тверицах и в историческом центре города. Вторая вместе с бронепаровозом курсировала по всему железнодорожному полотну, проходившему к западу от города – она не только помогала сохранять контроль над станцией Всполье, но и поддерживала огнем левоэсеровскую дружину, а затем и сводный Московский полк, который пытался выбить белых повстанцев на участке фронта близ фабричных кварталов. По сути, «работа» этого бронепоезда свелась к фразе: *«Ведем непрерывную канонаду из орудий, город разрушается»*. Аналогичным образом звучат воспоминания комиссар Громова: *«Третий день... Прибывают броневые площадки. Требуют, где*

стрелять и куда стрелять. Одну отправляю на 11-ю версту, чтобы до конца довести спасение моста через реку Волгу от взрыва. Вторую площадку ставлю на реке Которосли, не доходя до моста. Вся артиллерия работает, как легкая, так и тяжелая, то есть с площадок – морские дальнобойные орудия. И такая поднялась канонада, что за все время пребывания на фронте в русско-германскую войну я такой канонады не слышал».

Но в условиях затяжных городских боев даже такая могучая сила, как бронепоезд, не могла сотворить чуда. Отнюдь не случайно командующий фронтом Гузарский рапортовал: *«Единственным оплотом наших является московский бронированный поезд № 2, но ему одному не под силу заменить собою и артиллерию и пехоту».* При всем при том появление бронепоезда как самостоятельной боевой силы устраивало отнюдь не весь состав ярославских комиссаров. Еще больше их не устраивала «самостоятельность» командира бронепоезда матроса Ремезюка, который, подобно экипажу, являл собой нечто среднее между большевиком, анархистом и левым эсером. В его адрес постоянно раздавались жалобы: *«Ремезюк действует сепаратно, а также и его помощники. За то, что им не выдали грузов, находящихся на станции Ярославль, как-то: кожу, обуви и пр., опираясь на то, что они разуты и уезжают с фронта до станции Хожаево, говоря, что броневому поезду на станции Ярославль-Всполье быть опасно и раньше шести часов вечера не прибывает».* Сам Ремезюк в накладе не оставался – в ответ он обвинял ярославских большевиков и красноармейцев в исключительной трусости. В разговоре с Москвой «бронематрос» заявлял: *«Вчера ночью нами был занят мост через Волгу, в целом обстреляна река Волга, по правую и левую сторону подожжены баржи и дома, откуда бил по нас пулеметный обстрел, пришлось проходить, оставляя пехотную цепь, цепь сзади, благодаря пехотным Командирам, но в результате перешли в наступление после заявления мною, что если не перейдут, то начну расстреливать их начальников, которые сидят в окопах за железной дорогой».* В другом разговоре он едва ли не потешался над красноармейцами: *«Личное мое убеждение, что все же существующей здесь армией можно сделать очень немного, что показало мне на опыте; важным пунктом я считаю мост через Волгу. Три раза он мною отбит, но все время для этого нужна пехота. С городом покончить нетрудно, но все же надо поэнергичней здешним начальникам действовать».* Или еще: *«Каждый день приходится выбивать эти банды, сначала потому, что после артиллерийского обстрела наша пехота наступать и не думает, при энергичном действии всего командного*

состава можно все ликвидировать за один день. Два раза после артиллерийской подготовки мне под угрозой расстрела начальников пришлось уговорить пойти и занять рвы».

Нельзя сказать, что обвинения Ремезюка были совершенно беспочвенными. Не раз, отражая наступление белых частей, он огнем с бронеплощадок высвобождал окопы для красноармейцев, но стоило только поезду перейти на другой участок фронта, как белые повстанцы тут же возвращали себе позиции, откидывая революционные части далеко назад. Впрочем, сам Ремезюк мало интересовался подобными деталями. Свое пребывание в Ярославле он полагал случайным, а главную свою задачу он видел в том, чтобы завалить город тысячами снарядов, стереть его с лица земли и двигаться дальше. В одной из бесед он бахвалился: *«Здесь задерживаться надоело... Пока все орудия исправны, отряд в боевом снаряжении, выпущено снарядов до двух тысяч, надеюсь здесь немного пополниться».*

Принимая во внимание специфичность поведения матроса Ремезюка, красное командование предпринимает всевозможные меры, чтобы не зависеть от его капризов. С одной стороны, запрашивается новый бронепоезд, который планируется прислать из Петрограда. С другой стороны, в железнодорожных мастерских создаются импровизированные бронеконструкции, в качестве базы для которых используются платформы системы «Фокс-Арбель», которые обшиваются железными листами, а затем оснащаются артиллерийскими орудиями и пулеметами. Удивительно, но к такому приему прибегало не только советское командование, но и железнодорожные рабочие станций Урочь и Филино, которые активно поддержали антибольшевистское выступление. Их импровизированные бронеплатформы помогали белым в течение многих дней удерживать позиции на тверицком участке боевых действий.

Поскольку ликвидация белого выступления затягивалась, Реввоенсовет принял решение направить в Ярославль еще один бронепоезд. 16 июля на позиции под Ярославлем выходит, наверное, самый известный броневой состав эпохи гражданской войны – бронепоезд № 6 имени Ленина «Путиловцы». Боевая часть этого бронепоезда сормовской постройки включала в себя две легкие бронеплощадки с 76-миллиметровыми зенитными пушками. Эти площадки имели нетрадиционную защиту ходовых тележек – сплошные неподвижные экраны с дверцами для доступа к буксам. В июле 1918 года бронепоезд в качестве железнодорожной батареи Путиловского артиллерийского «Стального дивизиона» выдвинулся для подавления восстания в Ярославле. Помощник командира

бронепоезда токарь Петр Никитин вспоминал: «Не успели отбить нападение немцев, как зашевелились эсеры. Мы стояли на станции Саперная и проводили воинское учение, когда пришло известие о белогвардейском мятеже в Ярославле. По приказу командования бронепоезд вышел на подавление мятежа. 16 июля, когда мы прибыли под Ярославль и заняли боевую позицию, наши артиллеристы немного нервничали. Одно дело – стрелять на учебных стрельбах, другое – в бою. Здесь “мазать” не положено. Работал я тогда арттехником и тоже волновался. Но после первых же выстрелов все успокоилось. Снаряды ложились кучно, отрезая путь мятежникам к Волге». Сначала бронепоезд оттягивал на себя пулеметный и редкий артиллерийский огонь со стороны повстанцев, но вскоре поступил приказ выдвинуться в зону городской застройки для уничтожения пулеметных гнезд, которые устраивались на высоких зданиях и колокольнях. Командир этого бронепоезда оставил такие воспоминания о первых часах боевых действий в Ярославле: «Два снаряда осыпали платформы шрапнелью, дошел до станции Филино, Урочь, где расположены наши части, возвращаясь обратно, обстрел был слабый, две орудийные площадки под командой тов. Торянского заняли позицию у Волжского моста, откуда по указанию штаба тотчас же открыли огонь по третьему участку, а также к центру города, где по донесениям штаба производилась группировка противника, третья же орудийная площадка под командой товарища Спиридонова заняла ночное дежурство у моста через реку Которосль, откуда и повела обстрел по наблюдательным пунктам противника и всему району, прилегающему к названному мосту».

Сохранилось несколько описаний того, как исполнялась боевая задача по ликвидации пулеметных гнезд белогвардейцев. Ремезюк рассказывал: «Картина такова: подходишь к нему, слева за насыпью или справа в лесу, – по нам пулемет. Мы заставляем его замолчать, вышибаем основательно». Куда более детальное описание можно найти у комиссара финансов Петровичева: «В это время наблюдатель рассматривал батарею на пожарной каланче 2-й части и говорил, что как будто устанавливается пулемет. Мы посмотрели и действительно там увидели спящих людей, один сидел как будто с пулеметом. Несмотря на начавшийся обстрел каланчи, только подошедший впоследствии броневик с дальнобойными морскими орудиями сшиб быстро верхушку каланчи. Этот бронепоезд был действительно герой. Хотя он сам на себе и не имел брони, был сделан из железных платформ, но зато он был поворотливее своих тяжелых коллег. На нем были дальнобойные морские орудия. Он не мог верно стрелять по

закрытой цели. Но зато по видимой цели он бил без промаха. Он как силач в рукопашной схватке, где рукой махнет, там и валятся. Я помню, когда не могли долго сбить белогвардейские пулеметы с верхушки спичечной фабрики “Факел” (бывшая Дунаева), то он моментом выполнил эту задачу, так же было и в других местах».

В красном штабе о прибытии очередного бронепоезда узнали едва ли не случайно; весть пришла окольными путями через Петроград. В хаосе боев сложно было уследить, откуда и какие подходили подкрепления. На этот раз отряд красноармейцев из полутысячи человек и приданный им бронепоезд двигались со стороны Вологды, прибывая через уездный город Любим. Нельзя было не учитывать, что с севера по красным позициям мог ударить отряд прорвавшего кольцо окружения Перхурова. Ошибок случалось много, не обошлось без таковой и в данном случае. Высадившийся на заволжской стороне отряд под командованием Геккера дал залп по позициям, которые занимали красноармейцы. Те, полагая, что «мятежникам» идет помощь от Вологды (об этом очень много говорили в губернском ревкоме и очень сильно этого опасались), открыли ответный огонь. Перестрелка остановилась только после того, как над позициями были подняты красные флаги. Комиссар Петровичев так вспоминал об этом эпизоде: *«Нас занимала всех мысль, чей это отряд. Если наш – откуда он прибыл. Мы предполагали, что отряд наш и, всего скорей, Любимский, это предположение вселяло в нас надежду на скорую помощь, но немножко приходилось задумываться о том, что от него нет никаких сведений и не было никакого ответа на наши сигналы. Думали и то, что, может быть, не поняли наших сигналов или из предосторожности не вполне уверены в правильности сигналов».*

Прибытие бронепоезда товарища Геккера показало, что вокруг Ярославля на небольшом участке скопилось уже слишком много броневых составов. Двигаясь в темноте, этот бронепоезд натолкнулся на отцепленные вагоны, после чего сошел с рельсов. Как вспоминал очевидец событий: *«В темную, дождливую ночь, когда уже заволжская сторона была очищена от белых, прибыл на Филино без огней бронепоезд из отряда товарища Геккера. Разъезд тоже не освещался, бронепоезд наткнулся в темноте на вагоны, и тендер паровоза также слетел с рельс, но и его подняли быстро».* И это было отнюдь не первое крушение бронепоезда под Ярославлем. Первый случай произошел за несколько дней до этого. Тогда в аварии чуть было не погиб командующий фронтом Гузарский и помощник командующего красными войсками Нейман. Сохранилось несколько описаний этого происшествия. Одно из них мы находим у комиссара

Петровичева: «Известие, что при соединении главного пути от Волги к станции Всполье и запасного получилось столкновение воинского поезда и бронепоезда. Тендер паровоза бронепоезда сошел с рельс, одна площадка бронепоезда перекувырнулась под откос... Ну, думаем, белые используют нашу катастрофу. Требуем со станции Ярославль вспомогательный поезд с рабочими. Последний прибыл уже на рассвете, и с ним прибыли несколько (кажется, двое) товарищей из Центрального Комитета Сев. Ж.Д. Как долго ставили на рельсы тендер, я теперь не помню, но все-таки было выполнено быстро. Площадка так и осталась под откосом, ее подняли уже после подавления мятежа».

Другое описание мы находим у пострадавшего в катастрофе председателя военно-революционного комитета Северных железных дорог Миронова: «Возвращались мы с броневиком ночью без обстрела как нас, так и из броневика нами, а уже перейдя за мост на разъезде, бронепаровоз и бронеплощадки со всеми нами были свалены под откос. Мы все, в том числе Гузарский и я, получили более или менее значительные ранения и контузии. При этом надо сказать, что причина катастрофы с броневиком так и осталась неустановленной. Лично помню, что при движении броневика в глубокой темноте раздался душераздирающий крик командира броневика в телефонную трубку “Стой” (команда машинисту). Броневику обо что-то тяжелое ударился, и мы полетели, перевернувшись, с броневиком. Когда мы выбрались из погибшего для нас броневика, оказалось, что по путям разъезда шел параллельно с нами поезд с порожними вагонами, подвозивший красногвардейцев к боевой линии, стрелка же оказалась кем-то переведенной этому поезду на наш путь. Произошло столкновение бронепоезда с этим поездом, путь разрушился, и бронепоезд упал с насыпи. Лично я отделался незначительной раной затылочной головной кости и сильнейшей головной болью в течение нескольких дней. Гузарскому сдавило грудную клетку. Были и тяжело раненные».

Глава 12

Пожар величиной с город

В самый разгар боев в Ярославле железнодорожный комиссар Миронов, направляя очередную сводку новостей в Москву, не мог скрыть своей тревоги: *«Нам останется в наследство целый смрад»*. Как ни странно, но аналогичную точку зрения высказал человек, придерживавшийся диаметрально противоположных воззрений, известный певец Юрий Морфесси, который на свою беду решил в начале июля 1918 года дать серию концертов в Ярославле. Он видел ужас методично уничтожаемого города изнутри. В своих воспоминаниях он оставил такие строки. *«Кромешные дни наступили... Ярославль подвергся артиллерийскому обстрелу, денно и нощно долбившему по городу. Церкви, самые высокие точки, выгодные для прицела, пострадали прежде всего. Одни были разнесены так – не осталось камня на камне, большинство же пылало и сгорело дотла. Горели казенные учреждения, дома, тюрьма, хозяйственные постройки. Весь Ярославль был в огне, и, я думаю, пожар Москвы – бледное отражение того, что мы наблюдали в этом приволжском городе русских святынь»*. На две недели богатый город погрузился во мрак. Людей, мечтавших о спасении, поджидала смерть от голода, от осколков снаряда, от пуль. Ни солдаты, ни командиры красных войск совсем не представляли, что происходило в городе. О беспримерном ужасе, охватившем рядовых красноармейцев, от осознания того, что они сотворили с древним городом, рассказывал один из очевидцев – Пантин, который 21 июля 1918 года вместе с тридцатью другими бойцами въехал на грузовике в «освобожденный» город. Машина двигалась от Московского вокзала в сторону исторического центра, через так называемый «американский» мост через реку Которосль в районе Спасо-Преображенского монастыря. У красноармейцев было отличное настроение, они пели «Интернационал». Внезапно исполнение гимна оборвалось, Пантин вспоминал: *«При въезде в город трупный запах душит нас. В Которосли, по берегам ее и у стен монастыря всюду валяются человеческие тела. Вон на плоту женщина: рискнула ли она в тихую минуту полоскать пеленки или пошла за водой, да так и осталась на плоту, сраженная шальной пулей. На откосе берега человек в кожаной куртке: возвращался, видимо, с котелком воды, да так и застыл*

неподвижно на месте, прикованный пулями к берегу. На мостовой, раскинув руки, лежит белокурый юноша с открытыми голубыми глазами». Поначалу Пантин еще пытался сосчитать количество увиденных им трупов, но потом понял, что они буквально везде. Некоторые тела так и не были найдены, поскольку многие из тех погибших, кто не поймал пулю, не умер от голода и не был разорван осколками снарядов, просто сгорели заживо. В какой-то момент Ярославль превратился в огромный, титанический пожар, который огненным морем простирался между двумя реками.

Как вспоминал переживший этот кошмар очевидец, первый пожар в городе начался еще 7 июля. *«Самый первый пожар начался на Цыганской улице, загорелся двухэтажный дом. В этот день водокачка была испорчена и подача воды была прекращена, и жителям пришлось брать воду из колодцев ближайших домов. К вечеру жители, видя, что положение не улучшается, стали рыть ямы, чтоб что-нибудь спасти из имущества, т. к. напуганные пожарами боялись, что загорится ночью, так и самим не выйти, не только имущество спасти. К ночи нависли над городом тучи, засверкала молния, как будто нарочно, чтоб еще более навести страху на жителей, полил дождь. Ночь кое-как хотя и беспокойно, но все-таки провели».*

В одной из своих статей В.А. Мясников отмечал: *«6 июля прошло в пожарном отношении благополучно, хотя со второй половины дня и до ночи интенсивный обстрел со стороны Всполья нарастал в направлении к Успенскому собору и Стрелке, а с Туговой горы к Спасскому монастырю и Демидовскому лицейю. На рассвете 7 июля усилился обстрел Вознесенских казарм на Сенной площади. Содержащихся здесь военнопленных немцев полковнику Перхурову пришлось перевести в другие казармы. От снаряда загорелся склад военного ведомства».* В то время ярославская пожарная команда еще работала слаженно и относительно оперативно, ей помогала вольно-пожарная дружина (надо отметить, что до революции эти две организации не очень ладили между собой). Планомерное тушение пожаров было прекращено, когда пожарные и их лошади стали повально гибнуть от пуль и осколков, которые также в крошево рвали рукава брандспойтов. Приблизительно в полдень 7 июля загорелся Спасский монастырь, затем Демидовский лицей, потом торговые ряды и другие строения в центре города. К Спасскому монастырю быстро прибыла городская пожарная команда, но из-за сильного пулеметного и артиллерийского обстрела работать не смогла и уехала обратно в депо. На смену ей прибыли дружинники из вольно-пожарного общества и, поставив

ручную машину за храмом Богоявления, начали было тушить огонь, но усилившийся обстрел прервал и их работу. Тогда казалось, что пожары в городе будут хоть и пугающим, но все-таки единичным явлением. Однако через пару дней не осталось и следа от подобных иллюзий. В сводке от 9 июля 1918 года штаб Перхурова сообщал: *«От зажигательных снарядов, выпускаемых большевиками, выгорели части Цыганской, Владимирской, Никитской, Узличской, Пошехонской, Петровской улиц, заселенных главным образом рабочими. Артиллерийскими снарядами повреждены несколько церквей».*

В огне пожара в Спасо-Преображенском монастыре погибли многие бесценные документы и экспонаты, например коллекция научной экспедиции Б.А. Вилькицкого 1911–1916 годов, изучившей возможности освоения Северного морского пути и прокладывания его трассы (экспедиция впервые совершила за две навигации с одной зимовкой сквозное плавание из Владивостока в Архангельск). Чудом уцелевшими картами и лоджиями экспедиции полярники пользовались и в 1930-е гг. В огне пожара были уничтожены материалы о лечении А.С. Пушкина после ранения на дуэли с Дантесом, хранившиеся в семье Журавских, потомков В.И. Даля, на руках которого скончался поэт. Впрочем, это были мелочи. Город и его жители еще не знали, что такое настоящий ад.

Пытаясь остановить обстрел города именно зажигательными снарядами, полковник Перхуров решил прибегнуть к крайней мере. Позже, во время судебного процесса, он вспоминал об этом эпизоде. *«Ту канонаду, которая была в Ярославле в силу этого, не всегда можно было услышать и на фронте в германскую войну. Меня удивляло только то, что действие этих батарей было направлено не на живую силу, а на здания. Между прочим, была стрельба зажигательными снарядами, поднялись пожары, и теперь, когда я просматривал материалы по моему делу, я встретил фамилию Большакова, который мне напомнил слова, о которых я забыл сказать. Когда начались пожары, я не верил, как можно простым снарядом полевым произвести пожар. Я сам артиллерист и знаю, что полевым снарядом нельзя зажечь здание без соломенной крыши. Здесь же горели здания каменные и деревянные, во всяком случае с железными крышами. Потом я узнал, что стрельба производится зажигательными снарядами. Я сделал предложение, чтобы они прекратили стрельбу зажигательными снарядами, так как это приносит громадный вред населению, а на нас мало действует. Я писал тут же угрозу, что если это не будет прекращено, то за выстрелы зажигательными снарядами будет расплачиваться тот, кто сидит под арестом».* Громов, на том же

процессе являвшийся свидетелем обвинения, подтвердил эти сведения, только на свой собственный манер: *«Он писал: не стреляйте, ибо за каждый ваш выстрел будет расстреляно 10 человек с баржи. Мы ответили, что за каждую голову будет снесено десять домов в щепки»*. Обстрел так и не прекратился, но, к чести Перхурова, он решил не прибегать к таким крайним мерам, как расстрел заложников из числа большевиков и советских служащих.

Тем не менее обстрел города не прекратился. Если судить по документам штабов Красной армии, предположения Перхурова о том, что обстрел Ярославля сознательно велся именно зажигательными снарядами, были верными. Почти каждый день в Москву летели просьбы прислать еще и еще зажигательных снарядов. Очевидцы вспоминали, что ультиматум Перхурова подействовал весьма ненадолго: *«9 июля, на другой день после происшедшего пожара, стрельба немного попритихла и я пошел посмотреть, что осталось от того, что было вчера. В воздухе пахло гарью, кой-где дымилась головешки, обыватели ходили около сгоревших домов и плакали по погибшему имуществу, что ими было нажито своими трудами и чего лишились в один миг. Но недолго пришлось им раздумываться над потерянными, пришлось убежать с пожарища, ввиду опять наступающих белых и поднявшейся стрельбы»*.

Некоторые из ярославцев решили, что им удастся избежать пожаров. Мол, мы не белые, по нам стрелять не будут. Подобной позиции некоторое время придерживались рабочие табачной и расположенных с ней рядом фабрик. Фабрика «Наследники Дунаева» находилась в 71-м квартале Ярославля, который образовывали Малая Петропавловская, Ильинская и Дворянская улицы, а также расположенный рядом Городской вал. В годы Первой мировой войны здесь было построено несколько десятков деревянных бараков, в которых были размещены запасные понтонные батальоны, равно как всякого рода инженерное имущество. Кроме того, неподалеку находились пороховые погреба, склады сухой древесины и фанеры. 8 июля огонь от начавшихся пожаров перекинулся на склады завода Жакова, сильный ветер стал гнать пламя непосредственно к баракам. Как отмечали очевидцы, в тот день вольная пожарная дружина не дала случиться трагедии. На следующий день стало ясно, что рабочим придется бороться с напастью самим. На заводе решили создать собственную пожарную дружину. Позже рабочий Андреев вспоминал: *«Этой организацией мы добились известного рода спайки среди записавшихся в дружину, решив не допускать возможности присоединения к белогвардейскому восстанию»*. Однако, поскольку красные войска,

обстреливавшие город, мало интересовала позиция рабочих, 12 июля пожар добрался до фабрики. Рабочий Судаков вспоминал: *«Первым загорелся кооператив, затем разборное отделение. Запас воды из водонапорной башни целиком вышел. Была кем-то пущена провокация, что где-то рядом размещаются взрывчатые вещества и скоро произойдет страшный взрыв. Это среди рабочих произвело такую панику, что они побежали кто куда, побросав вещи. Взрыва не было, только горел бензин. В это время загорелся большой дом главной конторы. Пришлось кувыркком выкатывать денежный ящик и закапывать его в землю. Горят кооператив, Павловский корпус и приготовительное отделение».* Через день от фабрики остались только обгоревшие развалины, что вмиг изменило мировоззрение «аполитичных» рабочих. Они сформировали боевую дружину, состоящую из двухсот человек, которая решила примкнуть к Северной Добровольческой армии.

Настоящий огненный кошмар начался в городе несколько дней спустя после того, как сгорели Дунаевская и Вахромеевская фабрики. Мы с трудом можем представить себе тот ужас, в котором оказались мирные жители Ярославля. Очевидец вспоминал с содроганиями: *«Писк ребятишек, плач женщин, стрельба, пожары – все это вместе взятое создавало картину полного разрушения и разорения. С вечера, обыкновенно, стрельба усиливалась и ночью превращалась в общий гул со свистом пролетающих снарядов. Небо от огня становилось багрово-красным». В другом месте можно найти аналогичные описания: «Невольно припоминается кошмарная сцена. Наступала злое-страшная ночь. Начался усиленный бой, зарево окрашало атмосферу темно-красным светом. Мы сидели в подвале, ожидая с минуты на минуту разрушения нашего убежища и смерти. Вдруг раздался страшный взрыв снаряда, ударившего в кирпичную стену сарая, стоящего напротив дверей подвала, и красная кирпичная пыль, освещенная взрывом снаряда, ворвалась в открытые от напора воздуха двери подвала; все стекла здания полопались. „Пожар“, – у всех мелькнуло в голове. Смятение, общий гул, – ничего не поймешь. Кто замер, как бы оставаясь неподвижным, кто бросился к окнам, кто к стоящему ведру воды (утопающий за соломинку хватается), но, к счастью, все прошло благополучно. Да, столько ужаса пережили в малоразрушенной части города, а про разоренных и говорить нечего».*

Поначалу пожары вызывали у горожан только лишь опасение за свое имущество: *«Когда начался пожар в центре города, на двор Банка начали свозить из магазинов: одежду, обувь, разную мануфактуру, солдатское обмундирование. Все это складывалось на дворе, в каретнике, прачешной,*

а продовольствие на ледник, под охраной часовых. В начале все складировалось сносно, но впоследствии стали растаскивать кто что мог вынести, все на улицу». А другие очевидцы вспоминали: «К полудню стрельба возобновилась с новой силой, а стреляли зажигательными снарядами в тот район, где я проживал в Козьей Слободке. Вот один за другим влетают снаряды в двухэтажный деревянный дом, моментально вспыхивает в нем пожар. Мы как раз в это время сушили свои промокшие вещи, как услышали, что пожар за два дома от нас, стали спасать свое имущество, оттаскивая дальше от огня, но огонь беспощадно преследовал. И чем дальше оттаскивались, все больше и больше оставляли свои вещи на пожирание огня. Через несколько минут огонь перекинулся на соседние дома и строения, и пламя моментально перекидывалось с одного дома на другой, и все кварталы Никитской, а затем Пошехонской Козьей Слободки были в огне, а огню гулять было вволю, потому что строения были деревянные и тесно построенные друг от дружки». Очень быстро обнаружилось, что пожары вкупе с голодом, жаждой и летящими осколками являли просто чудовищную смесь: «Кроме страха жителям приходилось терпеть и голод, а в большей степени жажду – не было воды. За водой бегали на далекие расстояния – на колодцы и на Волгу, рискуя жизнью, находясь под пулями. Многие погибли только за ведро воды».

Люди целыми днями проводили в подвалах, полагая, что там они будут защищены. Наверное, единственным, кто решался открыто гулять по улицам, был певец Юрий Морфесси, слывший фаталистом. Позже он вспоминал: «Население дни и ночи проводило в подвалах и погребах. Я этого не делал, не в силу какой-нибудь необычайной храбрости, а потому, что верил в судьбу». Однако все остальные не были столь убеждены в благосклонности судьбы. Жизнь в подвалах была ужасна. Еще недавно ярославцы радовались своему прекрасному городу, были зажиточными и в считанные часы оказались без крова над головой и средств к существованию. В воспоминаниях удалось найти такой отрывок: «На ночь после происшедшего пожара 8 июля пришлось разместиться кто в первом этаже, кто в подвале, но ночью поднялась такая стрельба, что многие перебрались тоже в подвал, где и просидели до самого конца мятежа. Запасы провизии, какие были, все вышли, и приходилось голодать, но впоследствии узнали, что в продлавках выдают по карточкам хлеб. Тогда мне пришлось вылезать из подвала и идти за хлебом на Большую Линию, где стояла очередь не в одну тысячу человек. В лавках хлеба не хватало, приходилось стоять по два дня, и притом подвергаясь обстрелу из пролетающих снарядов и пуль, готовых убить каждую самую минуту.

Получишь паек четверть фунта на человека, принесешь, через день уже весь, опять приходилось идти стоять в очереди. И так продолжалось до самого последнего дня мятежа».

К слову, если уже мы упомянули фатализм певца Морфесси, то не будет лишним привести его рассказ о том, что в Ярославле можно было погибнуть где угодно. В разгар боев он со своим коллегой пошел «гулять» по находящимся под диким обстрелом улицам: «С час мы скитались по городу, вернее, по его развалинам. С отвратительным металлическим визгом проносились над нашими головами снаряды. В этих нестерпимо нарастающих звуках были и тоска, и угроза, и еще что-то, чего не выразишь словами... А вернувшись в „Бристоль“, мы увидели нечто чудовищное: в наше отсутствие тяжелый большевистский снаряд буквально разворотил в щепы зал, где мы только чудом не музицировали сегодня. Вместо рояля – грудa обломков. Такую же груду костей и мяса представляли бы и мы, оставайся мы здесь и не вытяни меня на улицу какая-то неведомая сила».

Последние дни с трудом державшегося Ярославля были ужасны. Очевидец вспоминал: «С этого момента в передышки боя по улицам стали двигаться сотни погорельцев, торопливо старавшихся спрятаться куда-нибудь, иные в слезах, что потеряли все свое имущество, другие в неизвестности, что делается с их близкими, и почти большинство с оступелыми, испуганными лицами, не сознающими, что кругом творится и куда они бегут». Описывавший события тех дней простой ярославец Божевикова передает отчаяние людей, которые буквально не знали, что им делать: «К концу мятежа загорелись дома напротив церкви Никиты Мученика. Огонь сильно пылал и перебрасывался на другие дома, жители выбегали и вытаскивали с собой что могли. Но это было не то, что происходило в самые первые дни. Когда был самый большой пожар рабочих районов, тогда был не пожар, а АД кремешный. Тогда ничего никто не помнил, тащился туда, куда шли все, а это было не то. А уже те пострадавшие, которые пострадали раньше, смотрели и говорили, вот здесь горит так огонь, то так и полыхает, а вот когда мы горели, тот же огонь, а дым, что даже идти нельзя было... загорелся Корниловский Валяно-Шубный завод. В полдень, не помню которого числа, поднялась опять стрельба. Загорелось владение Корнилова, во всех складах полно было нагружено валяной обуви и шуб, и в доме было полно всяких домашних вещей, мебели. Когда загорались склады с товаром, приказчики Корнилова не отпирали складов, хотя люди хотели что-нибудь спасти, чем без всякой пользы погибать добру. Когда раз огонь обнял все склады, тогда только

были открыты склады, но подойти к ним было очень трудно, потому что уже от загоревшейся шерсти и овчины пошел такой удушливый смрад, дым, что даже на дальнем расстоянии дышать трудно было».

В то же самое время находившийся на другой стороне реки Которосль комиссар Петровичев едва ли не меланхолично наблюдал за чудовищного размера пламенем. Он писал: «В Ярославль рано ли мы приехали, я не помню, но была уже ночь – облака в нескольких местах окутывали горизонт. Остановились мы у клуба 3-й Интернационал. Московское шоссе освещалось заревом пожаров, горевших Спасского монастыря, дома Социна (угол Московского шоссе и Малой Пролетарской) и справа Лицей». И далее: «Расставшись с Чесноковым, посмотрел еще раз пожар и на город. На Туговой горе ухало орудие, посылавшее в город снаряды. Ночь была тихая, отсутствие паровозных свистков и суетливой толкотни на шоссе и у вокзала придавало еще больше тишины. Эхо от выстрелов орудий, ничем не заглушаемое, разносилось далеко по окрестности». Неудивительно, что при вступлении в уничтоженный до основания город ужас испытывали только рядовые красноармейцы. Их командиры лишь отмечали следы бушевавшего почти две недели безумного пламени: «Проезжая по Октябрьской улице, видим, пожаром освобождена громадная площадь от деревянных строений, а стояли каменные дома, без рам, стекол, даже крыши. Провода все порваны, столбы где выворочены, где стоят покривившись, во многих местах мостовая перекопана канавами. Рельсы трамвая изогнуты».

Глава 13

Жизнь среди руин

Несмотря на то что большая часть нашей книги посвящена боевым действиям в Ярославле и его пригородах (их подготовке, осуществлению и последствиям), нельзя забывать, что все-таки главными действующими лицами ярославской трагедии были вовсе не повстанцы и не сражавшиеся против них красные части, а десятки тысяч рядовых горожан, которые в одночасье стали заложниками. История повседневной жизни восставшего города еще ждет своего исследователя, тем более что первопроходцы уже заложили для этого фундамент. Например, братья Шевяковы описывали судьбу семьи архитектора Трубникова, столкнувшейся со всеми невзгодами, которые только можно было пережить в городе, ставшем зоной боевых действий. В статье «Переправа» рассказывается: *«Служащие ярославского квартирному отдела – архитектор Трубников, инженеры Деханов, Михайлов, чиновники Поляков, Путиловский, Даниловский и их семьи, в числе которых было двенадцать женщин и детей, еще днем 8 июля покинули свои дома, загоревшиеся при обстреле советской артиллерией церкви Николы Мокрого. От снарядов и пуль все они укрылись сначала в военном манеже. Вскоре манеж был атакован красной пехотой. Вошедшие в манеж три красноармейца предложили собравшимся там погорельцам “уходить куда-нибудь...”. Семьи Дехановых и Михайловых попытались перебежать сто метров сада, чтобы укрыться в каменном здании местного военного лазарета. Во время перебежки была убита пулей жена Михайлова. Пятеро детей потеряли горячо любимую мать. Вернувшиеся в манеж люди ночь с 8 на 9 июля провели в трудной борьбе с огнем, распространявшимся в помещении». Днем 9 июля здание манежа, вновь оказавшегося в эпицентре ожесточенного боя, было атаковано. На этот раз в наступление перешли белые части. Боевой отряд восставших настоятельно предложил укрывавшимся семьям «выходить из манежа». Когда было оставлено хоть какое-то более-менее надежное укрытие, нескольким семьям пришлось ночевать прямо посреди пылающих городских кварталов. После этого было решено покинуть Ярославль. Позже П. Трубников писал: «10 июля решили выйти из города. По прибытии на Волгу оказалось, что нет возможности переправиться на другой берег, так как перевоз сильно обстреливался из орудий и пулеметов,*

поставленных в Коровниках и у железнодорожного моста через Волгу». Переночевав на берегу реки, почти все мужчины вернулись в горящие кварталы. Помощник коменданта Волги штабс-капитан Ольшановский на переправочные средства пропускал только женщин, детей и стариков. Мужчины от 17 до 43 лет, согласно приказу штаба Северной Добровольческой армии, должны были остаться, чтобы составить резерв для пополнения таявших с каждым днем повстанческих рядов. Братья Шевяковы отмечали: «Несмотря на все препятствия, супруги Дехановы сумели все же переправиться в Тверицы вместе с двумя детьми из осиротевшей семьи Михайловых. И таких было немало. На лодки и баржи их загоняло отчаяние, смешанное с робкой надеждой на спасение. Менее удачливые остались на городском берегу среди огня, под градом пуль и осколков. В их числе оказались семьи Трубникова, Путиловского, Полякова и трое детей Михайлова, оставшихся на руках прислуги».

По большому счету в июльские дни 1918 года история каждой оставшейся в городе семьи стала отдельной трагедией. В рамках этой книги мы только попытаемся наметить контуром то, как жилось мирному населению в неуклонно уничтожаемом Ярославле. Как уже отмечалось выше, в рассказе о судьбе семьи архитектора Трубникова, день 10 июля стал переломным в жизни многих горожан. Именно тогда стало предельно ясно, что смерть может войти в каждый дом, а потому общего военного командования для наведения порядка в Ярославле явно недостаточно. По этой причине было решено создать специальные квартальные комитеты, объединенные в общегородскую самооборону, которые как раз и должны были заниматься наведением порядка в городе и решением проблем простых горожан. Приказом помощника главнокомандующего по гражданской части Александра Кизнера руководителем ярославской городской самообороны был назначен генерал Петр Карпов. Судьбой этого в высшей мере интересного персонажа занимался В. Мясников, тем самым пролив свет на некоторые детали биографии генерала. Петр Петрович Карпов родился в 1866 году. Ступени службы: вольноопределяющийся Невского полка, Московское пехотное юнкерское училище, подпоручик в Волховском полку. Затем Тамбовская бригада, подполковник и старший адъютант штаба Московского военного округа. Командир 11-го Остроленского полка, в начале Первой мировой войны командует 183-м Пултуским полком. Не раз он выбирался председателем суда чести для обер-офицеров. Служил ревностно: из отпуска возвращался, как правило, дней на пять-шесть раньше срока. Но при этом всем среди сослуживцев слыл сибаритом. Например, во время войны в штабе у Брусилова прекрасно

знали о генеральской слабости. Обычно первую рюмку «Смирновской» водки Карпов закусывал черной икрой на теплом калаче. Под вторую тоже требовал опять же теплый калач, но уже с красной икрой. Третья шла под огурчики, которые должны быть непременно мелкими. Икорка, «Смирновская» и хрустящие огурчики, согласитесь, – привычки для человека, находящегося на фронте не самые аскетичные. Если же говорить о Ярославле и Ярославской губернии, то здесь у генерала были свои собственные, так сказать, меркантильные интересы. Близ станции Шестихино он приобрел себе имение, а еще одно – в Романовско-Борисоглебском уезде (близ нынешнего города Тутаева), был женат второй раз на немке – Лилии Леопольдовне Редхлих – и вел жизнь на достаточно широкую ногу. «Скромный служака» – это было явно не про генерала Карпова. После Февральской революции, будучи отставленным из армии, он перебрался в Ярославль, где приобрел жилье в доме почетного гражданина Гороховникова на Дворянской улице, которая единственная в городе отличалась безукоризненным асфальтовым покрытием (во многом не столько благодаря городским властям, сколько усилиям руководства располагавшейся здесь табачной фабрики Дунаева). Вопреки сведениям, приводимым в некоторых изданиях, Петр Карпов никогда не состоял в тайных офицерских организациях, в «Союзе спасения» в частности. Он вообще мало интересовался политикой, предпочитая проводить свободное время в номерах Кокуевской гостиницы, где водил тесное знакомство с представителями новой, советской власти: Большаковым, Доброхотовым и другими. О готовящемся вооруженном выступлении даже не подозревал. «Мятеж» для него, как и для многих других, стал неожиданным «сюрпризом».

Когда генерала Карпова попросили помочь в организации гражданской жизни города и возглавить самооборону, поначалу он повел себя весьма специфически – появлялся на Мытном рынке в начищенных до блеска сапогах и требовал от крестьян, чтобы на прилавках были только свежие овощи и продукты. Ну, сибарит – он и в пылающем Ярославле сибарит. В итоге Перхурову пришлось указать генералу Карпову на более актуальные задачи. В частности после того, как красная артиллерия уничтожила городскую водокачку, население надо было снабжать водой. Нехотя генерал взялся выполнять эту непрестижную работу, назначив места снабжения водой во Власьевском сквере близ Театра Волкова, а также на выходящем к Волге Некрасовском бульваре и близ фонтана на Казанском бульваре. По этому поводу городская управа сообщала жителям следующее: *«Мстя за изгнание из города, большевики в жестоком безумии разрушения города не*

пощадили и городского водопровода, в котором снарядами разбили котел. Для подачи воды в сеть водопровода Городским Самоуправлением приняты самые энергичные меры, которые в ближайшие дни должны привести к возобновлению водоснабжения».

Карпов затаил большую обиду на Перхурова, полагая его выскочкой-полковником, который посмел командовать «фронтовым» генералом. В качестве доказательства своих фронтовых и боевых заслуг Карпов любил рассказывать байку, как поднял в атаку целую дивизию, поведя за собой командиров полков. Находившийся на Юго-Западном фронте под командованием Карпова Карл Гоппер на время подобных повествований тактично покидал комнату. Еще более обидным, наверное, было то, что формально «нижестоящие» Перхуров и Кизенер выработали «Инструкцию по самообороне города Ярославля». Что же входило в ведение этой структуры, которая была организована исключительно на время ведения боев? В инструкции, в частности, сообщалось: *«Самооборона имеет свою целью защиту города от вторжения вооруженных большевиков, грабежей, всякого рода насилий и противодействие поджогам. В самообороне должны принять участие все жители г. Ярославля, способные носить оружие, мужчины обязательно, кроме не могущих носить оружие по болезни, преклонному возрасту, малолетству и духовенства, женщины же добровольно».* Те же, кто отказывался принимать участие в деятельности самообороны, должны были по распоряжению соответствующего квартального комитета направляться на принудительные общественные работы. В данном случае конкретная жизнь горожан регулировалась все-таки квартальными комитетами как низовыми структурами «самообороны», а не ее руководством. Начальник квартального комитета был должностью выборной, как правило, это был самый известный и уважаемый на «околотке» человек. Как видим, из задач, поставленных перед общегородской самообороной, это должна была быть наполовину военная, наполовину гражданская структура. По этой причине на квартальный комитет предполагалось выдавать по несколько винтовок. Однако использование оружия было жестко регламентировано. Принимая во внимание дефицит патронов к трехлинейным винтовкам, расход в квартале не должен был составлять более 30 патронов на вооруженного человека. При этом что патроны были на жестком учете – квартальные комитеты должны были давать ежедневные отчеты об их использовании. Промежуточное положение активистов квартальных комитетов подчеркивалось еще одним пунктом инструкции: *«При несении службы должна быть полная дисциплина, т. е. никто не имеет права самовольно*

уйти с поста или без команды или же опоздать по личным причинам, чтобы каждый квартал не оставался никогда без наблюдения со всех сторон, но вместе с тем не подвергаясь опасности от неожиданного обстрела противником».

В тот же самый день, когда была выработана инструкция, заместитель главнокомандующего по гражданской части А. Кизнер издал приказ, адресованный всем квартальным комитетам Ярославля. В нем еще раз были четко означены задачи новой структуры: *«1. Не выходя за пределы города, защищать каждому кварталу улицы свои дома от вторжений противника и мародеров и покушений к погромам, поджогам и установление связи с соседними кварталами. 2. Следить за тем, чтобы все записавшиеся в добровольческую армию и получившие оружие не проживали на своих квартирах, а состояли бы на боевых участках. Всех уклоняющихся от этого – задерживать и доставлять под охраной к Коменданту города. 3. Нести охрану складов и общественных учреждений и помещений, занятых военнопленными, находящихся в данном квартале. Эту охрану вести по соглашению с Комендантом города и по его указаниям и инструкциям».* И уже в этом приказе руководителем ярославской самообороны был назван генерал Петр Карпов.

На практике квартальным комитетам пришлось заниматься не столько выявлением «грабителей», сколько тушением пожаров. Об этом свидетельствует сохранившийся рапорт одного из председателей квартальных комитетов. В нем сообщалось: *«Во вверенном мне квартале № 20 не все обстояло благополучно за сутки».* Далее перечислялись основные проблемы квартала: *«Двумя снарядами с западной и северной стороны пробита насквозь деревянная стена кухни в квартире г. Каратыгина. Начался пожар, прекращенный домашними средствами. Кухня носит следы сильного опустошения. Все жильцы дома выехали, оставив все имущество в квартире на попечение дворника. В доме № 22 Успенского по Екатерининской ул., в нижнем этаже, в квартире, занимаемой чайной лавкой, снарядом с с. – зап. стороны пробита насквозь каменная стена. Вся чайная посуда торгового заведения оказалась разбитой. Снарядом, брошенным с аэроплана на площадку перед Казанским монастырем, разбиты все уцелевшие до сего времени стекла в окнах. Пролетевшим над головой А.Я. Тарасовой в сгоревшей квартире ее снарядом г. Тарасова оказалась сильно контуженной в голову».* При этом отдельно подчеркивалось, что *«расхода патронов не было».*

Необходимо отметить, что в рамках этой деятельности квартальные комитеты взаимодействовали не столько с совершенно бесполезным

генералом Карповым, сколько с городской управой, во главе которой был поставлен имевший немалый опыт управления городом Владимир Семенович Лопатин. Он происходил из старинной купеческой семьи. По сохранившимся документальным данным, род Лопатиных пребывал в купечестве с XVIII века. Несколько его представителей были видными фигурами в истории городского общественного управления, неоднократно избирались гласными думы и городскими головами Ярославля. Сам В.С. Лопатин именовался потомственным почетным гражданином. В.С. Лопатин родился 21 октября 1878 года. В метрической книге Духовской церкви города Ярославля за 1878 год сохранилась следующая запись: *«Потомственного почетного гражданина Якова Семеновича Лопатина сына Семена Яковлевича и законной жены его Надежды Николаевны, оба православного вероисповедания, сын Владимир родился 21 октября, крещен 26 октября 1878 г. Восприемники при крещении: потомственный почетный гражданин Яков Семенович Лопатин и потомственного почетного гражданина Николая Петровича Пастухова жена Филицата Никоновна»*. Лопатин получил высшее образование. По окончании Императорского Московского университета он некоторое время состоял на службе в Ярославской городской управе в качестве инженера городского водопровода. Фактически тогда же началась и его городская общественная служба. Лопатин хорошо знал муниципальное дело, имел большой опыт городской работы, особенно в области водоснабжения. Он не только всегда имел свое мнение по тому или иному больному для города вопросу, но и умел его отстаивать. В местной прессе регулярно появлялись его острые полемические статьи и заметки, касающиеся насущных городских проблем. По партийной принадлежности В.С. Лопатин был правым кадетом.

До революции Лопатин многие годы состоял гласным (то есть депутатом) городской думы, именно городская дума избрала его 26 февраля 1917 года городским головой. Должностные обязанности он должен был исполнять в течение четырех лет, однако сложил их с себя 30 июля 1917 года. Позже, во время допросов в ЧК, Лопатин дал следующие показания: *«Через 2 дня после свержения в Ярославле советской власти получил приказ полковника Перхурова о вступлении в исполнение обязанностей члена Ярославской городской управы и о принятии мер к созыву Ярославской городской Думы. О предстоящем свержении никаких определенных сведений не имел. Ходили по городу разные слухи, которым я не верил, т. к. считал советскую власть в достаточной мере прочной. Никого из руководителей штаба Добровольной армии не знал ранее, а полк.*

Перхурова увидел впервые уже после своего назначения членом управы. С работой по городскому управлению был хорошо знаком по предшествующей своей деятельности, т. к. с 1909 по 1915 год был членом Ярославской городской управы, заступающим место Ярославского городского головы». Именно во время этих допросов Лопатин четко сформулировал, решением каких задач занималась созданная штабом Северной Добровольческой армии Ярославская городская управа: «1) распределение помещений, как в казенных, так и в частных зданиях, для многочисленных погорельцев города, организации им медицинской помощи и питания, 2) забота о ведении переговоров через штаб об эвакуации мирного населения из города, 3) удовлетворение денежным довольствием многочисленных городских служащих, 4) руководство работами по водоснабжению города». Надо отметить, что каждая из обозначенных задач была очень важной.

Проблемы погорельцев были, наверное, самыми серьезными, так как к концу ликвидации «мятежа» к таковым можно было отнести большую часть горожан. Уже 12 июля в подвалах и нижних этажах двух корпусов Ярославской духовной семинарии нашло себе убежище около 800 человек, на тот момент лишившихся крова. Два наиболее активных горожанина из числа этих несчастных, А. Соколов и А. Скворцов сформировали комитет погорельцев. За помощью они предпочитали обращаться не в городскую управу, и уж тем более не к совершенно лишнему генералу Карпову (в противовес ему Лопатин даже пытался формировать собственную городскую пешую милицию), а непосредственно к коменданту города генералу Веревкину: «Обстановка, вследствие скопления людей в тесном коридоре, создалась угрожающе антигигиеническая. В продовольственном отношении сбежавшиеся погорельцы сначала находились в тяжелом положении: у многих не было ни куска хлеба». На первых порах помощь комитету погорельцев оказывало артиллерийское управление штаба Перхурова, которое снабжало укрывавшихся в корпусах духовного училища горячей пищей. Однако по мере того, как усиливался натиск красных частей на Ярославль, положение погорельцев становилось все хуже и хуже. «Комитет сделал перепись живущих, с целью равномерного распределения продуктов, но установить личности их, за неимением у многих паспортов и продовольственных карточек, не может. У Комитета кроме того много работы и по успокоению погорельцев от паники и по охране имущества, так как появились уже воры и немало украли имущества». Когда количество лишившихся жилья стало катастрофически огромным, городская управа решила их размещать в любых помещениях,

которые хотя бы не находились под постоянным артиллерийским обстрелом. В качестве таковых были выбраны завод Оловянишникова на Срубной улице (ныне улица Собинова) и помещение камерного театра на Борисоглебской улице (ныне Свердлова). Часть ярославцев предпочитала укрываться на «красной территории» – в этом был свой резон, поскольку позиции частей Красной армии не находились под постоянным обстрелом. 16 июля 1918 года чрезвычайный штаб на станции Всполье панически сообщал: *«В городе также очень желательно руководителя-организатора продовольственного дела. Выясните там, куда лучше отправлять погорельцев, беженцев, где их лучше можно обеспечить жильем, продовольствием; их много под открытым небом. Мы завтра утром отправляем 250 человек в Ростов, больше отправлять туда нельзя; в сторону Вологды пока отправлять не можем»*. Впрочем, быть беженцем на «красной территории» было занятием вовсе не безопасным. Например, командир новгородского отряда Поляков без каких-либо намеков на сожаление вспоминал о тех днях: *«Масса появилась из города беженцев, для чего у меня был организован концлагерь для более ненадежных, коих я направлял в таковой, но красноармейцы по дороге по рукам судили того или иного беженца, если руки похожие на рабочие, то таковых вели в концлагерь, а непохожие на рабочие, то тех расстреливали»*.

Впрочем, советская историография предпочитала рисовать иную картину. Так, например, в книге Р. Балашова «Пламя над Волгой» говорилось: *«Образцовый порядок и строгая дисциплина были в железнодорожном районе Ярославля. Железнодорожники работали в помощь Красной армии – ремонтировали паровозы, вагоны, железнодорожные пути, обслуживали бойцов на фронте. Они принимали поезда на станцию, доставляли боеприпасы и перевозили беженцев. Огнем артиллерии была разрушена городская водоканал. Вода перестала поступать на станцию Всполье. Железнодорожники привозили воду с Московского вокзала на открытых платформах в больших баках. Железнодорожная ветка между Московским вокзалом и станцией Всполье находилась под постоянным обстрелом противниц и часто разрушалась. Но, несмотря на это, рабочие-железнодорожники, рискуя жизнью, смело водили поезда с водой»*. Столь же идиллически изображалось и продовольственное снабжение как рабочих, так и беженцев. *«В центре внимания военно-революционного комитета находилось продовольственное дело. Продовольственники под руководством большевиков Охапкина, Афанасьева, Макарычева и других организовали снабжение населения продуктами питания. Продуктов было мало, их не*

хватало. Поэтому революционная власть конфисковала все продовольственные запасы у торговцев и спекулянтов». Подобного рода рассказы можно в обилии найти в опубликованных воспоминаниях советских деятелей, из которых редакторы пытались убрать все неудобные подробности. Например, председатель губревкома К.Е. Бабич вспоминал: «Однажды в губревком пришел боец одного из отрядов Ярославской Большой мануфактуры. Он сказал, что отпросился у командира отряда на несколько часов, чтобы навестить семью, и там увидел голодных детей, жующих что-то совсем несъедобное. На глазах бойца сверкнули слезы. “Я сейчас пойду прямо на фронт, – сказал он, – а вас прошу – помогите детям, не дайте им умереть с голоду”». Далее К.Е. Бабич рассказывал, что ревкомовцы тут же приняли срочные меры. Они создали на Большой мануфактуре чрезвычайную продовольственную комиссию, членов которой разослали за хлебом во все концы губернии. «На заводе Понизовкина, – продолжал Бабич, – мы обнаружили большие запасы картофеля, доставили его в Ярославль и обеспечили им семьи рабочих». Впрочем, на практике беженцев чаще всего сразу направляли в концентрационные лагеря, особо не разбираясь в их биографии. Что касается пленных, то в этом отношении весьма показательной является сохранившаяся запись разговора Гузарского с дежурным военно-оперативного отдела, передававшим приказ своего начальства: «Не присылайте пленных в Москву, так как это загромождаст путь, расстреливайте всех на месте, не разбирая, кто он. В плен берите только для того, чтобы узнать об их силах и организациях».

Позже под «каток» репрессий попали даже простые врачи, которые пытались оказать помощь раненым в охваченном огнем городе. Например, к бессрочному пребыванию в концентрационном лагере был приговорен заведующий санитарной частью Сергей Дмитриевич Крылов, который в этом качестве оказался включен в состав штаба Перхурова. Сам Крылов позже вспоминал: «Служа постоянным врачом при детской городской больнице, я по долгу службы посещал ежедневно названную больницу. На третий день мятежа, когда я шел на службу, увидел человека тяжело раненного в ногу на углу Романовской и Пошехонской улиц и как врач принял участие в нем, лично препроводил на перевязочный пункт, там меня, задержали и предложили остаться при пункте, т. к. там не было врача; я в силу своего долга как врач не мог отказаться от предложения, видя, в каком плачевном положении находились раненые. На пункте среди раненых было очень малое количество белогвардейцев, а большей частью случайные прохожие граждане. На пункте не было никакой организации – как

известно мне по отзыву санитаров: заведующий санитарной частью был некто полковник Пташицкий, человек совершенно не подходящий к этому делу». Однако, к чести коллег Сергея Крылова, врачи не боялись ходатайствовать о его освобождении перед ЧК. Интерес представляет отрывок их письма, в котором они рассказывают о состоянии дел во время боев в Ярославле: «Ему была инкриминирована организация медицинской помощи в Ярославле во время восстания. Действительно, такая помощь С.Д. Крыловым была организована, отчего он не отрекался. И целый ряд врачей считали своей обязанностью исполнять долг врача и оказывать медицинскую помощь всем нуждающимся в ней, кто бы это ни был... Ни один ярославский врач активно не вмешивался в политическую борьбу, разыгравшуюся в Ярославле в июле минувшего года, если не считать участия их в устройстве медицинской помощи всем без различия нуждающимся в ней». Вторичное рассмотрение дела врача Крылова заставило его дать более детальные показания, которые ценны наличием массы интересных подробностей, касающихся жизни осажденного города: «Дело помощи возможным жертвам едва ли было предусмотрено. Когда первые успехи прошли, раздались выстрелы и появились раненые. Они были вовсе лишены помощи, доставлялись случайными прохожими как попало в больницы. Район той детской больницы, где я служил, был предметом усиленного выстрела, и мне из первых пришлось искать способов помощи и транспорта. Кто-то направил меня за этим делом в штаб. Там я нашел импровизированный перевяз. пункт под ведением сестры милос. в чрезвычайном беспорядке. Я дал несколько указаний, добился присылки автомобиля за ранеными. Сестры просили меня побывать еще раз утром, т. к. они совсем растерялись – не знали, что делать. Наутро застал там полковника П[ташицкого], Заведующего санитарной частью. Новые просьбы помочь и поруководить делом во время его отсутствия. Пришли два-три молодых врача, вывесили объявление о приглашении сестер милос. и санитаров. Еще день прошел, и полковник оказался арестованным белыми же за спекуляцию. Он и был не полковник, а мобилизованный надворный советник. Из числа лиц и врачей, оказавшихся у дела, я был самый старший и опытный. На мой отказ от руководства все ответили заявлением, что они тоже уйдут. А события развертывались быстро, город был уже осажден, начался обстрел и пожары. Мне, уже старому врачу, было стыдно бросить дело, и я оказался руководителем его. Дальше все было только работа, лихорадочная работа. Пришлось вступить в непосредственные сношения с штабом по вопросам материального снабжения. Помощь раненым обеих воюющих сторон и мирному

населению, санитарный надзор за убежищами для погорельцев, первые случаи холеры в них, эвакуация больниц из-под обстрела, организация лазаретов, снабжение их питьевой водой (водопровод был отрезан) и т. д. *Город горел».*

О том, что ярославские медики не поддерживали ни одну из противоборствующих сторон, в частности, указывают воспоминания фельдшера Варваринского госпиталя Александры Ивановны Зотовой (в девичестве Жаровой) в пересказе ее дочери поисково-исследовательской группе «Июль 1918»: *«О начале мятежа она ничего не знала и утром пошла на работу. Шла по Власьевской улице, там ее остановил солдат и сказал: „Барышня, туда нельзя – там стреляют, вас могут убить“. Она стала объяснять, что идет на работу в Варваринский госпиталь. Тогда офицер ей ответ: „Ну как хотите“ – и она пошла дальше. До госпиталя добралась благополучно. В то время из госпиталя никого из персонала не выпускали, и ее подруга Зотова Елена Тимофеевна, учившаяся раньше с ней в фельдшерской школе, которая, закончив смену, должна была идти домой, тоже там была оставлена. Весь персонал находился в госпитале до окончания мятежа. В госпиталь поступали гражданские лица, а также „красные“, которых в большинстве случаев оформляли как местное население». Сохранились и другие, ранее не публиковавшиеся воспоминания о Варваринском госпитале: «Больные и раненые были переведены на нижние этажи и даже в подвал из-за частных артобстрелов. Медперсоналу были выданы бирки с фамилиями и другими данными о них на случай гибели – для опознания. Спали как попало и где попало на верхних этажах, куда часто попадали снаряды. Окна верхних этажей были зашторены, но по ночам кто-то из сотрудников осторожно приподнимал уголок шторы и подглядывал: а что делается на улице? Напротив госпиталя был банк, во дворе которого по ночам проводились расстрелы, было видно, как люди падали. Воды в госпитале не было, часто за ней посылали санитаров на Волгу – многие из них не возвращались, предположительно были убиты. Когда восстание закончилось, в госпиталь ворвались солдаты и стали проверять состав лечащихся. Установленных „белых“ стаскивали с кроватей и куда-то уводили или тащили волоком».*

Работа у медиков на «красной стороне» едва ли была легче. В 1922 году в одном из очерков, вошедших в специально подготовленный сборник «Из истории Ярославского белогвардейского мятежа», аптекарь 2-го Ярославского Советского железного коммунистического полка И. Потемкин писал: *«Через семь дней я получил распоряжение отправиться*

на станцию Всполье и руководить работой главного перевязочного пункта, где и работал до ликвидации мятежа. Здесь была кошмарная работа: ежедневно отправляли в Москву санитарный поезд, переполненный ранеными».

В своих разработках братья Шевяковы писали: «Насколько справедливы эти строки, предоставим судить самим читателям, указав лишь на то, что документы Центрального Государственного Военного Архива называют другого руководителя этой работы – временно исполняющего обязанности комиссара санитарного отдела губвоенкомата Сергеева, а военно-санитарный поезд по нормам того времени вывозил за один рейс 640 раненых и больных». Если говорить обо всем периоде боевых действий в районе Ярославля, то в период с 6 по 21 июля 1918 года численность действующих под городом красных войск и рабочих отрядов составляла более семи тысяч человек. По оценке братьев Шевяковых, среди красных были немалые санитарные потери – несколько сотен бойцов выбыло из строя по причине болезней. Советские источники указывают на то, что среди белогвардейцев потери были следующими: 350 убитых и 680 раненых, но при этом не называются даже приблизительные потери среди мирного населения, которые, по одним версиям, измерялись сотнями людей, по другим – тысячами. Если говорить о «красных» фронтовых врачах, то для удобства боевого управления и тылового обслуживания войска Ярославского фронта были разделены на четыре участка. Позиции первого из них (начальник – Майоров) располагались вдоль берегов рек Волги и Которосли, от деревни Соловьево до церкви Николы Мокрого, второго – от выше названной церкви до Борисоглебской улицы и деревни Мордвиновка (начальник – Юшков). Рубеж третьего участка (начальник – Голосов) проходил через земскую больницу к железнодорожному мосту и далее до деревни Волкуши. Четвертый участок (начальник Комиссаров) располагался на левом берегу реки Волги. В медицинском отношении первый боевой участок обслуживался перевязочным пунктом № 1, развернутым персоналом околка 1-го Ярославского Советского пехотного полка в здании бывшего кадетского корпуса. Второй участок с перевязочным пунктом № 2 (старший врач Сергей Покровский, комиссар – С. Миронов), оборудованным на станции Всполье, был укомплектован медиками сгоревшего местного военного лазарета, которым помогали фельдшера и санитары действовавших в этих окрестностях отрядов. Третий участок был на обеспечении присланного из Москвы 20-го подвижного перевязочно-питательного отряда Российского общества Красного Креста (старший врач – Всеволод Покровский). Заволжский

участок Ярославского фронта «сопровождался» военно-санитарным поездом № 136 (старший врач – Кочеровский, а после его гибели – Забшотин). Кроме того, под Ярославль был прислан Усть-Двинский военный лазарет (старший врач – Будзинский).

Как отмечали в одной из своих статей братья Иван и Юрий Шевяковы, *«после оказания помощи на медицинских пунктах боевых участков большинство раненых и больных направлялось с целью подготовки к дальнейшей эвакуации на главный перевязочный пункт при станции Всполье, через который за период боев прошел 651 человек. Отсюда 476 раненых и больных были вывезены санитарным поездом в город Кострому, где поступили для дальнейшего лечения в Гродненский (главный врач Ф.С. Троицкий), 24-й (главный врач Евланов) и 183-й военные госпитали»*. Показательно, что быть расстрелянным за «контрреволюцию» рисковали не только медики, лечившие пострадавших в «белом» Ярославле, но и те, кто формально оказался на «красной» стороне. В этом отношении весьма показательна судьба 136-го военно-санитарного поезда, который 6 июля, то есть в первый день вооруженного выступления, должен был отбыть после ремонта из Урочских железнодорожных мастерских. Почти сразу же он оказался в руках повстанцев, действовавших из Твериц, а потому на следующий день был обстрелян красной артиллерией. Спасая свои жизни, медицинский персонал укрылся в местном лесу. Те, кто решил остаться, погибли несколько дней спустя от пулеметного и оружейного огня перешедших в наступление «красных» отрядов, которые в очередной раз намеревались занять станцию Филино. Выстрелом в голову был убит старший врач военно-санитарного поезда Кочеровский. Оставшиеся медики были арестованы и заперты в пустом вагоне. За это время красноармейцы разграбили все вагоны поезда, его кухню, кладовую. Из канцелярии пропал денежный ящик с 11 000 рублями. В адрес медиков постоянно звучали угрозы. Как отмечал Юрий Шевяков, *«лишь прямое вмешательство командующего войсками Ярославского района – А.И. Геккера (последний родился и вырос в семье военного врача) и представителя санитарного отдела Вологодского губвоенкомата Штильмана улучшило положение дел»*.

Если подводить черту под рассказом о повседневной жизни обыкновенных ярославцев во время боев, то нельзя не обратить внимание на такую сторону жизни, как похороны, тем более что хоронить в июле 1918 года в Ярославле приходилось очень часто и очень многих. Проблема стала более чем актуальной приблизительно 12 июля 1918 года, когда количество мирных жителей, погибших от обстрелов красной артиллерии,

ежечасно множилось. Тогда врач Сергей Крылов, взявший на себя обязанности заведующего санитарной частью при штабе, призвал всех жителей *«оказывать помощь по уборке трупов, не допускать их до разложения и закапывать в ближайших церковных оградах»*. Однако этих мер оказалось недостаточно. Поначалу трупы *«складировали»* близ Дома Народа, на территории нынешнего парка при Ярославском художественном музее. Еще через несколько дней стало понятно, что штаб не имел никаких возможностей решить проблему захоронения. Крылов направляет запрос городскому голове: *«Не имея собственного свободного персонала для уборки трупов, Санитарная часть во избежание возникновения заразы покорнейше настоятельно просит Городскую Управу озаботиться немедленной уборкой трупов»*. В итоге трупы приходилось хоронить где попало. Сведения о братских могилах и стихийных захоронениях не сохранились, по этой причине останки погибших в 1918 году находили на протяжении десятилетий, что особо часто случалось при строительных работах.

Позже горожане не раз предпринимали попытки составить реестр *«негласных»* кладбищ, но это было безнадежной затеей – останки могли находиться где угодно. Вспоминается в высшей мере показательное письмо, пришедшее в апреле 1993 года в одну из местных газет. В письме говорилось: *«В 50–60-е годы, живя на нынешней Юбилейной площади в одном из уцелевших во время июльских событий 1918 года домов, я случайно услышал рассказ прохожего, оказавшегося участником боев, прогремевших здесь. В частности, он похоронил своего товарища под одним из деревьев на территории нынешнего сквера на Юбилейной площади (сейчас этих деревьев уже нет). В конце 50-х годов это был, по существу, безпризорный пустырь, частично используемый под огороды. В начале XX века здесь, на углу улиц Борисоглебской и Петровской (ныне улица Свердлова и проспект Толбухина) стояла изящная многолуковичная церковь Покрова Пресвятой Богородицы. Во время описываемых событий, когда здесь шли бои, восставшие не имели доступа к городскому Леонтьевскому кладбищу, находившемуся за линией фронта, поэтому и хоронили погибших близ этой церкви. После подавления восстания полуразрушенная церковь исчезла с лица земли, как и могилы погибших, очевидно по той причине, что они были могилами побежденных. Возможно, в архивах остались какие-то свидетельства об этих захоронениях (или их переносе)?»*

Глава 14

Ярославская амазонка

Эта часть истории Ярославского восстания началась 1 мая 1918 года, когда Страна Советов впервые в своей истории официально справляла Красный Первомай. Именно тогда «Известия советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов города Ярославля и Ярославской губернии» опубликовали небольшую заметку. В ней говорилось о том, что *«с пасхальной недели открывается Интимный театр, весь репертуар которого будет состоять из актовых пьес комедийного и музыкального характера, интермедий, инсценировок, хореографических отрывков и т. п.»*. Сразу же надо оговориться относительно того, как трактовать такую форму служения Мельпомене, как «Интимный театр». Некоторые не слишком-то разбирающиеся в вопросах искусства краеведы сразу же породили вполне предсказуемые выдумки, мол, в «Арсе» на Борисоглебской улице (ныне улица Свердлова) устроили либо элитарный бордель, либо эстетский притон, либо варьете со стриптизом. На самом деле Интимный театр был не чем иным, как созданным по европейским образцам театром малых форм, или, выражаясь современным языком, камерным театром. Труппа театра не была большой: в нее входили хорошо знакомая ярославцам актриса Ольга Барановская, прибывшая из Москвы «звезда» Вера Барковская, премьер Одесского театра Дмитрий Азначеев, артист театра «Летучая мышь» Юрий Веретенников, а также артист Московской оперетты Порончиной А.Г. Ангоров. Главным режиссером и заведующим художественной частью был приглашен московский режиссер А.М. Самарин-Волжский, позже сделавший неплохую карьеру в СССР. Заведовать музыкальной частью был позван известный в то время дирижер Л.П. Зелянский, являвшийся автором музыкальных оперетт. Предполагалось, что в новом театре будут воспроизводиться *«постановки московских и петроградских театров, типа миниатюр, а также пьесы театров „Красное Зеркало“ и „Летучая мышь“»*.

Новое культурное заведение было невероятно популярно. Например, все те же «ярославские» «Известия» полтора месяца спустя сообщали: *«Состоялся бенефис артистки Барковской. Были постановки, пьесы специально для бенефиса по очень веселой программе. Оперетта „Мамзель Нитуш“, главные роли в которой исполняли бенефициатка и Самарин-*

Волжский... Бенефициантке были преподнесены три корзины цветов и изящная большая коробка с сахарным шоколадом». Как отмечал в одном из своих материалов Владимир Александрович Мясников, Барковская не страдала от недостатка комплиментов: «богиня красоты», «коварная амазонка». В Интимном театре и открывшемся при нем салоне нередко бывали председатель губисполкома Николай Доброхотов, комиссар милиции Федор Горбунов, заведующий административным отделом губисполкома Федор Большаков и его помощник Абрам Шмидт. Впрочем, среди ее поклонников были гардемарин Ермаков и прапорщик Супонин, которые принимали активное участие в подготовке мятежа, замаскировавшись под сторонников советской власти.

Один из участников подавления белогвардейского восстания И. Гагин много позже рассказывал следующую историю: *«В Ярославле действовала резидентура агентурной разведки врага, которую возглавляла некая Барковская, артистка по профессии. По виду это была очень безобидная и милая женщина, способная очаровать каждого не в меру впечатлительного встречного. Между тем эта „обворожительная“ женщина имела звание подполковника и числилась в штатах разведывательных органов Добровольческой армии, получая в соответствии с этим званием хорошее денежное содержание». В то же время общавшийся с очевидцами событий Николай Чуковский изображал ее всего лишь как эксцентричную особу, которая случайно оказалась втянутой в политику. В частности, в документальном романе «Ярославль» он писал о событиях первых дней мятежа: «Барковская вскочила с дивана. Шурша шелком и улыбаясь, подошла она к столу и поблагодарила Перхурова за то, что он разрешил их дамскому комитету организовать кружечный сбор в пользу героев. Дамы будут ходить по городу с кружками и собирать деньги». Так кем же была эта женщина, которую прозвали «Ярославской амазонкой»?*

Точную дату ее рождения установить не удалось, известно лишь, что в 1906 году она рассталась со своим первым мужем. О дальнейших событиях в своей жизни она рассказывала на допросе в ЧК следующим образом: *«Пробыв около одного года на сцене в Петрограде и Москве, я заболела и поехала в Севастополь. Мне осталось после смерти моей бабушки около 30 тысяч рублей. На эти деньги я имела возможность учиться. В Севастополе я познакомилась с Дмитрием Васильевичем Ботельманом. Он был молодой поручик, только что вернувшийся с Японской войны, мы подружились, полюбили друг друга и сошлись жить. Я оставила сцену на три месяца, а потом проезжала труппа через Севастополь в Ялту и*

пригласила меня служить».

Приблизительно в 1910 году Дмитрий Ботельман уходит с военной службы, о чем давно умоляла его жена. Сразу же после этого они перебираются в столицу – в Петербург. Именно здесь супруги решают начать совместную театральную карьеру. Для этого они через бюро Рассохина арендуют театр, после чего начинают активно гастролировать. Сама Барковская повествовала об этом так: *«До объявления войны мы играли в разных городах в России, как-то: в Новороссийске, Казани, Самаре, Симбирске, Курске, Киеве, Оренбурге. В год объявления войны у нас был подписан контракт в Рыбинске. После объявления войны мой муж был призван на военную службу».* На фронте Дмитрий Ботельман пробыл недолго; после тяжелого ранения он был комиссован, в результате чего вновь смог вернуться к театральной деятельности. В 1917 году супруги оказались в разных городах. Барковская была в Москве, а Ботельман играл в городском театре Воронежа. Воссоединиться паре удалось, лишь когда и Ботельман, и Барковская подписали контракт с Интимным театром в Ярославле. В городе на Волге они планировали пробыть до конца июля.

Втереться в доверие к советскому руководству Барковской помогает актриса по фамилии Морская, которая «крутила роман» с левым эсером, руководителем военного отдела губернского исполкома, командиром 1-го Советского полка Стасюконецом. Именно через него актриса знакомится с Горбуновым, сначала занимавшим должность в ярославской милиции, а затем с Большаковым, одним из руководителей ярославской ЧК. Сложно сказать, какую роль играла Барковская в подготовке вооруженного выступления в Ярославле и знала ли о нем вообще. Позже, во время судебного процесса над Перхуровым, комиссар А. Громов произнес такие слова: *«Скопление офицеров можно было заметить. Когда демобилизовалось 83 части, в Ярославле офицеров было очень много. В то время чрезвычайную комиссию возглавлял Большаков, которому закрутила голову артистка Барковская, и это обстоятельство большого скопления в городе офицеров просто пропускалось сквозь пальцы».* Впрочем, Громов всегда относился к Барковской предвзято, и именно он пытался представить ее активной заговорщицей, прекрасно осведомленной обо всех планах офицерской организации. Именно на основании этих непроверенных сведений была выдвинута версия о том, что *«театр являлся местом конспиративных встреч демобилизованных офицеров, в том числе участников белогвардейской организации „Союз защиты родины и свободы“».*

Более того, иногда в исследовательской литературе приводятся

сведения о том, что накануне вооруженного выступления Барковская якобы устроила буйную вечеринку, собрав на ней все местное советское руководство, которое по итогам мероприятия оказалось банально недееспособным. Такая версия не выдерживает критики, так как арестованные в первый день восстания большевики находились в разных местах. Если же проследить, откуда пошла в исторический оборот эта нелепая байка, то выяснится, что она была заимствована из «липовых» мемуаров полковника Злуницына. В этой литературной мистификации имеется следующий пассаж: *«По дороге встретил свою знакомую певицу – артистку Боровскую. Она очень обрадовалась мне: „Вы какими судьбами Петр Фомич?“ Я рассказал ей. „Вот и отлично! Поможете нам большевиков бить... мы так много слыхали о храбрости вашего полка“. Я рассыпался в любезностях. „Пойдемте в штаб“, – волновалась она. Мы отправились. По дороге она рассказала, как произошло восстание в городе и как город оказался во власти восставших. Она играла тоже весьма заметную роль в этом деле. Она была в очень близких отношениях со всеми политкомами и красными командирами. По ее предложению в день восстания был устроен ужин, на котором присутствовало много женщин и коммунистического начальства. К ночи все перепились, и переловить их не представляло затруднения».*

Между тем сама Валентина Барковская описывала события 5–6 июля следующим образом: *«До восстания ни с кем из офицеров близкого знакомства не имела, время с ними не проводила и нигде не встречалась. Об организациях против Советской власти ничего не знала до восстания, несколько раз слышала от Ермакова, что скоро будут какие-то важные события, но что именно, совершенно не знала. В ночь восстания, возвращаясь из театра, Ермаков предупредил меня, чтобы, если я услышу выстрелы, не пугалась, а на мою просьбу объяснить, в чем дело, сказал, что это не бабье дело, и больше до прихода жены Ермакова с просьбой пойти на Театральную площадь помочь тяжело раненому я его не видела. Когда пришла жена Ермакова, мы с мужем спали, и она нас разбудила. Во время перевязки раненого к нам подъехал верховой и сказал: „Сестрицы, принесите попить, и нельзя ли достать папирос“. Тогда подошел офицер с броневика и перевязал нам руку георгиевской лентой, чтобы в нас не стреляли».*

Актриса полагала, что после этого ее участие в мятеже будет закончено, однако она ошибалась. Когда она вернулась обратно к себе домой, то к ней вновь прибыли офицеры, которые *«начали упрекать в трусости и позвали напоить часть в штабе, которая помещалась в*

Корсунской Гимназии, усталых и раненых добровольцев». Не имея возможности отказать, Барковская направилась в гимназию, где на тот момент располагался штаб Перхурова. Тот просил организовать работу столовой при штабе, а также помочь разместить раненых до прибытия сестер милосердия. Раненых приходилось укладывать в учебных классах прямо на столах. Когда прибыл медицинский персонал, Барковская получила от Перхурова через связного офицера новое задание – отправиться в хлебную лавку и немедленно привезти хлеба. Именно с этого момента актриса стала отвечать в штабе Северной Добровольческой армии за продовольственное снабжение. Впрочем, в документальной повести Николая Чуковского «Ярославль» со ссылкой на неназванный источник сообщалось, что, кроме всего прочего, Барковская взяла на себя роль пропагандистки. Несмотря на то что эти сведения ничем не подтверждены, а потому, вызывают сомнения, процитируем советского писателя: «На козлах, рядом с кучером, обыкновенно сидел какой-нибудь общественный деятель, который время от времени призывал народ поступить со всеми большевиками так, как поступлено с Нахимсоном. Однажды за это дело взялась известная артистка Барковская. Она сидела торжественная, тонкая, в черном шелковом платье, с большой пунцовой розой на груди. Она чувствовала себя ангелом мести и эффектно играла свою роль. У нее был трагический голос и отличная дикция. Говоря о том, что Россию можно очистить только кровью, она вставала рядом с кучером во весь рост и заламывала над головой тонкие, желтоватые обнаженные руки. Но случилось, что как раз, когда она стояла, заламывая руки, в нее попал большой булыжник. Она вылетела из пролетки и упала на мостовую. Хрустнул шелк. Два офицера помогли ей встать, взяли ее под руки и отвели домой, Человека, бросившего булыжник, найти не удалось». Как бы то ни было, но беседовавший с очевидцами событий Чуковский изображал Барковскую всего лишь как экзальтированную дамочку, а вовсе не упыриху вроде «белой Землячки», как это пытались делать некоторые из советских партийных деятелей.

На экзальтацию можно списать и эпизод, который в своих воспоминаниях приводил «Боян русской песни», потомок греческих пиратов, знаменитый тенор Юрий Морфесси. Летом 1918 года, покинув голодный Петроград, он оказался в достаточно зажиточном Ярославле, где планировал дать несколько концертов в Волковском театре. Певец и его труппа оказались запертыми в гостинице «Бристоль», где укрывались от обстрелов и шальных пуль. Обстановка в «Бристоле» была очень нервной, что провоцировало многочисленные конфликты. Один из таких эпизодов и

описал Юрий Морфесси. «Конфликты возникали на той почве, что бристольская челядь все время держала себя вызывающе, немилосердно хамила и грозила нам всевозможными карами, как только вернется “законная народная” власть. Эта плебейская наглость отравляла нам жизнь. Но челядь в конце концов получила заслуженный “урок” и внешне смирилась, запрятав поглубже свою ненависть и злобу... Этот “урок” заключался в следующем: в “Бристоле” неожиданно появилась молодая, красивая дама в офицерской форме и с револьвером у пояса. Выстроив весь штат прислуги и пройдя по “фронту”, она заявила, хлопнув по кобуре с увесистым наганом:

– Послушайте, вы! Если на кого-нибудь из вас поступит хоть малейшая жалоба, я сама с ним расправлюсь! Помните это и будьте примерными слугами для тех, кто оплачивает вашу работу! – Челядь моментально притихла и до прихода красных была прямо шелковая... Кто же эта интересная дама с офицерскими погонами? Она оказалась примадонной опереточной труппы Барковской, еще до нас выступавшей в Ярославле. Мало того, премьер труппы Зайончковский и артист Юрьевский были главными участниками переворота. Душою же всего был полковник Перхуров, ставший исторической личностью. Благодаря его энергии, отваге и организаторским способностям Ярославль оказал беспримерное сопротивление громадным советским силам, стянутым из Петербурга, Москвы и из других центров».

Сама же Барковская отрицала, что проявляла хоть какую-то инициативу: «Одним словом, мной распоряжались совершенно и никаких противоречий быть не могло». В любом случае больше сведений сохранилось о ее «интендантской» деятельности, нежели о «размахивании револьвером». Почти сразу же после того, как Барковская решила проблему снабжения хлебом, ее приставили к распределению обмундирования. Она сообщала: «Меня послали на двор гимназии, где находился вещевого склад, присмотреть как отбирают для солдат шинели, чтобы не раскрасили, и потом совершенно незаметно для меня самой навалилась на меня и эта работа. Другой деятельности у меня не было, если не считать, что почти все ночи я проводила на пожарах, помогая мирным жителям спасти их имущество, а в ночь на 17 число сама вытащила трех- или 4-летнего ребенка из огня, совершенно опалив платье и сапоги». Эти сведения позже были подтверждены во время допросов Перхуровым, который показал: «С интендантской частью дело было не налажено. Арестантам приказано было давать не меньше фунта хлеба, этого делать регулярно не удавалось. Лично я не каждый день получал горячую пищу. Здесь была

артистка Барковская, которая своей властью взяла на себя упорядочение дела продовольствия». Более того, на одном из других допросов Перхуров сообщил, что именно Барковская по собственной инициативе пыталась снабжать хлебом арестованных «красных», чем вызвала его большое недовольство.

Как бы то ни было, но Валентина Барковская оказалась в составе штаба Северной Добровольческой армии, точнее говоря, в ее ярославской части. Сама себя она вовсе не рассматривала как одну из руководительниц восстания. Об этом наглядно говорит одна из ее фраз: *«На заседаниях штаба я не присутствовала официально, но если входила – меня не стеснялись»*. Сам факт присутствия в штабе она объясняла желанием быть поближе к мужу, который настойчиво просил не посылать его на передовую. Его назначили комендантом здания штаба, которое после первых дней было перенесено в здание Государственного банка. В своих показаниях Барковская сообщала, что сразу же после этого ее интендантская функция сошла на нет, так как *«заведующим хозяйственной частью был назначен полковник Яроцкий, а заведующим продовольствием полковник Николаев»*. Однако ни Перхуров, ни позже Карпов не отпускали ее из штаба. Барковская объясняла это просто: *«Меня посылали наблюдать за разгрузкой горящих складов, дабы они не были расхищены»*.

Впрочем, в некоторых случаях ей приходилось выступать именно в качестве артистки. У Чуковского, в его документальной повести «Ярославль», есть такой отрывок: *«Сегодня вечером генерал Карпов устраивал у себя в особняке праздник, которого все ждали, и которому многие придавали какое-то особое значение. Главной устроительницей и душой этого праздника была Барковская. Она хлопотала, бегала по городу, раздавала приглашения»*. На самом деле особого праздника в честь командования восставших не проводили, но все-таки было одно, с позволения сказать, «светское мероприятие». Речь шла о концерте, возможно устроенном в честь появившихся в Ярославле «французских летчиков». Впрочем, позже Барковская отрицала даже этот факт: *«Никогда в жизни у меня знакомых никаких французских офицеров не было. Зайдя в „Бристоль“ проверить обед, я слышала, как караульному начальнику было доложено, что в одном из номеров находятся два французских офицера-летчика; это было во время восстания; видела собственными глазами, как после их отказа выдать оружие их арестовали и караульный начальник повел их в штаб, где они с Перхуровым долго сидели запершись в кабинете и потом ушли обратно в гостиницу. Больше за все время восстания я их не видела, но слышала, что они на мотоциклетах с туристами куда-то*

ездили, кажется, за Волгу».

О роли Барковской в последние дни восстания можно только догадываться. Советский комиссар финансов Петровичев со ссылкой на управляющего Ярославским отделением Государственного Банка Цехонского изложил в своих воспоминаниях, что *«более всех дурачила головы простакам Барковская»*. Якобы она толковала все события последних дней мятежа в пользу восставших: *«Бегство Перхурова истолковали как поездку для организации новой армии в тылу Красной армии, и вскоре наступившее затишье в артиллерийской стрельбе – как результат наступления на Красную армию новой армии Перхурова с тыла и т. д., что кругом везде восстания, и с минуты на минуту предвещала разбить Красную армию в пух и прах. Привезенный, оставленный нами в грязи бронированный автомобиль, не годившийся уже к употреблению, возили по городу как трофей, произносились речи и после каждой произносилось „мощное“ УРА. Для выслушивания всех этих новостей на фронте собирались ежедневно к штабу. Тут больше происходили театральные упражнения Барковской»*. Сама же Барковская об этом не обмолвилась ни словом. Более того, подобных сведений не дал следователям никто из вольных или невольных свидетелей.

После того как Ярославль был занят частями Красной армии, Валентина Барковская была арестована вместе со штабом добровольцев (куда входил ее муж). Именно она оказалась свидетельницей того, как были расстреляны эти люди: *«Допрос происходил в вагоне верстах в 3-х от города или, вернее, станции, против Карзинкинской фабрики. Допрашивали очень коротко, в начале допроса присутствовал летчик и с ним еще какой-то военный. Всех допрашивали 2 ½ часа, всего 73 человека, из которых осталось 18 человек, из которых было 3 женщины, остальные тут же у вагона были расстреляны»*. Ярославские краеведы вполне логично предположили, что в угаре террора, который развернулся в первые дни после подавления восстания, красные меньше всего задумывались о следственных и судебных процедурах. Поэтому среди архивных материалов дела против членов штаба, вступивших в «Союз защиты Родины и свободы» до начала Ярославского восстания, практически отсутствуют. В результате обо всех членах штаба восставших, остававшихся в Ярославле к концу событий, при таком раскладе не могло сохраниться никаких свидетельств. Тем не менее удивительно, что от историков ускользнула в высшей мере странная судьба Барковской. Судите сами, фактически только на основании подозрения причастности к мятежу без суда и следствия были расстреляны актрисы Барановская и Попова. А

что же происходит с Валентиной Барковской, которая пусть и неофициально, но служила при штабе добровольцев? Сама она вспоминала: *«Через некоторое время в вагон пришел военный с завязанной головой, принес сданные мной Гузарскому деньги и сказал, что я свободна, но я была в таком состоянии, что не могла тронуться с места. Когда санитары начали уносить убитых, я упростила караульного доложить начальнику, чтобы он меня принял, и, когда меня к нему пустили, я на коленях его умоляла довезти меня до Москвы; оставаться после всего перенесенного в Ярославле я не могла даже себе представить. Он согласился и разрешил съездить домой взять мою воспитанницу и оставшиеся в целости два чемодана, и они с военным с завязанной головой отправились в Интимный театр, где он ни на секунду не оставлял меня одну... Я забыла упомянуть, что он дал мне разрешение взять труп моего мужа для погребения. Я передала артистке Вере Ярош эту записку и деньги для погребения и дала прислуге на дорогу до Москвы и просила приехать при первой возможности».* Дальнейшие события выглядят уж совсем странно. Командующий одним из фронтов внезапно реквизирует паровоз, после чего стремительно везет Барковскую в Москву.

Изрядно любивший всякого рода домыслы, Громов тоже рассказывал об этом эпизоде: *«Когда провели забранных в Волковском театре пятьдесят пять человек, начиная с прапорщика и кончая генералом, по суду приговорили расстрелять, один только был из них матрос Ермаков, о котором я уже упоминал. У них отобрали деньги, набранные из несгораемых шкафов всех учреждений, а также из банка, где помещался штаб белых. Меня позвал Гузарский: „Дай мне паровоз?“ Я увидел много шапок с отобранными деньгами. Попросил разрешения получить несколько рублей для покупки белья. Откровенно признаюсь, обовшивел. Он мне сказал: „Пиши рапорт“. Написав, получил 600 рублей. Паровоз подан, и Гузарский с Барковской удрал».* Местные чекисты, естественно, решили, что красный командир поехал кутить с актриской. 24 июля 1918 года командированный в Ярославль из ВЧК для наведения порядка чекист Аронов телеграфировал в Москву о необходимости ареста Ю.С. Гузарского, который, уехав с фронта, увез с собой В.Н. Барковскую. Каково же было удивление всех причастных, когда стало известно, что Гузарский увез актрису вовсе не на «кутеж», а в кабинет к секретарю ВЧК, председателю московского ревтрибунала Якову Петерсу. Тот допрашивал Барковскую несколько часов. В.А. Мясников в одном из своих материалов так описывал эту сцену: *«Говорил он медленно, с сильным акцентом, с трудом подбирая слова. Допрос проходил на верхнем этаже здания на*

Лубянке. Хмурое, бесстрастное лицо Петерса не предвещало Барковской ничего хорошего, но неожиданно “я ее... отпустил”». В конце августа 1918 года в «Известиях» появилась заметка. Автор, предположительно свидетель ярославских событий, негодовал: как же так, в Москве преспокойно проживает «амазонка», запомнившаяся воинственным пылом. Затем следы Барковской снова теряются. Можно было бы предположить, что ее все-таки арестовали, если бы не два обстоятельства. Во-первых, до этого ее слишком часто отпускали на свободу, хотя расстрелять участницу ярославских событий могли и за куда меньшее «прегрешение», чем служба в штабе мятежников. Второе обстоятельство сокрыто в документальной повести Бориса Сударушкина «По заданию ГубЧеКа», которая писалась с опорой на воспоминания чекистов. В повести четко указано, что осенью 1918 года актриса появилась в «белой» Казани, где была изобличена как агент ЧК. После этого становится понятным вопрос, который был адресован на судебном процессе Перхурову: «— Спросите артистку Барковскую. — А Вы не знаете, где она? — Не знаю. — Она не приезжала в Сибирь?» На что тот дал отрицательный ответ. Если допустить, что Валентина Барковская была агентом ЧК, то все становится на свои места. Яков Петерс лично курировал ликвидацию «Союза защиты Родины и свободы». Барковская была инфильтрирована в Интимный театр, часть актеров которого были активными участниками тайной офицерской организации. Наверняка она не подозревала о подготовке вооруженного выступления и против своей воли оказалась втянута в водоворот событий. Только лишь эта версия годится для объяснения, почему Барковскую несколько раз отпускают на свободу, равно как и в высшей мере странное поведение Гузарского. Если принять сведения, изложенные в книге Сударушкина, то, скорее всего, осенью 1918 года Валентина Барковская была расстреляна в Казани либо белогвардейцами, либо чехословаками.

Глава 15

Мечты об Антанте

В поддельных мемуарах полковника Злуницына, посвященных событиям июля 1918 года, есть небольшой и весьма показательный отрывок. *«Вблизи города есть лагерь военнопленных, в котором находится до 60 000 человек немцев и мадьяров. Мы их перестали кормить, т. к. не в состоянии сделать это. Они разбегаются из лагеря и грозят всей массой перейти к большевикам на службу. Поведение их очень двусмысленное... Из-под Архангельска на днях прилетал аэроплан. Английский летчик привез мне бумагу, в которой англичане приглашают пробиваться на север к Архангельску».* Можно, конечно, сколь угодно долго упрекать коллег-историков в том, что они не заметили очевидного – во время вооруженного восстания англичане еще не высадились в Архангельске, да и долететь из этого города до Ярославля на аэроплане можно было разве только что в фантазиях. Дело вовсе не в этом, тем более что данная фальшивка просто пестрит невообразимым количеством всякого рода нелепиц. Но именно в данном случае стоит вспомнить народную мудрость: дыма без огня не бывает.

В подписанных командующим ярославским отрядом Северной Добровольческой армии полковником Перхуровым извещениях о событиях в Ярославле от 9 июля 1918 года есть следующий пункт: *«Помощь союзников. Сегодня утром в Ярославль прибыли французские летчики, сообщившие о движении англо-французских войск к Ярославлю на помощь Северной Добровольческой Армии».* Подобные сведения не раз ставили в тупик многих историков. Попробуем разобраться в этом в высшей мере запутанном сюжете. Впервые более-менее подробные сведения о французских летчиках, появившихся в Ярославле, встречаются в протоколах допросов актрисы Валентины Барковской, которая при штабе Перхурова отвечала за продовольственное снабжение. Судя по всему, допрашивавшие Барковскую чекисты интересовались, была ли она знакома с этими летчиками и давала ли для них концерт. В ответ Барковская заявила: *«Никогда в жизни у меня знакомых никаких французских офицеров не было».* Впрочем, несколько позже она отказалась от категорического отрицания и показала следующее: *«Зайдя в „Бристоль“ проверить обед, я слышала, как караульному начальнику было доложено, что в одном из*

номеров находятся два французских офицера-летчика; это было во время восстания; видела собственными глазами, как после их отказа выдать оружие их арестовали и караульный начальник повел их в штаб, где они с Перхуровым долго сидели запершись в кабинете и потом ушли обратно в гостиницу. Больше за все время восстания я их не видела, но слышала, что они на мотоциклетах с туристами куда-то ездили, кажется, за Волгу». Несколько позже стали проясняться детали этого странного визита. Барковская вспоминала: «По словам Перхурова и моего мужа, французские летчики со второго дня ждали прихода из-за Волги французского войска и распорядились приготовить для них довольствие на три тысячи человек». Впрочем, для многих было очевидно, что все это весьма похоже на какую-то авантюру. По крайней мере, завершая свидетельствовать по данному эпизоду, Валентина Барковская сказала: «Мое личное впечатление, что Перхуров не верил в возможность прихода французских войск, но делал вид, что верит, для поднятия настроения. В первый же день Перхуров отдал распоряжение приготовить провиант на пять дней по расчету на две тысячи человек, погрузить все это на три парохода „Самолета“, два буксирных и один катер и держать их наготове».

Как бы то ни было, но уже на процессе над Перхуровым этот сюжет вызвал большой интерес, поскольку сторона обвинения пыталась доказать связь мятежников с иностранными державами. Комментируя загадочную историю, Перхуров заявил: «Я отпустил массу людей, чтобы разузнать, что делается в Рыбинске. Ни один из посланных обратно не явился. Штаб переехал в здание Государственного банка: в гимназии Корсунской заниматься было невозможно. Ко мне явились два французских офицера-летчика, они отрекомендовались квартирными той части, которая должна была высадиться в Архангельске. Они показали телеграммы от Нуланса, смысл которых трудно было понять и содержание которых мне ничего не говорило. Они сообщили, что в первых эшелонах пехоты будет не больше бригады, а будут главным образом технические приспособления: оружие, аэропланы и т. д. Они выражали недоумение по поводу того, почему нет у меня таких сведений. Затем, на пятый или шестой день, они вновь ко мне явились с просьбой пропустить их по направлению к Вологде для встречи. Они ушли, я им дал проводника, который говорил, что знает, как и где можно будет выбраться. Они ушли, и я с тех пор от них не имел никаких сведений. Я сам лично не владею французским языком, но тот, кто с ними говорил, сказал, что у них не был чисто французский говор. Скорее, это были корсиканцы-летчики».

Отнюдь не все разделяли оптимизм по поводу зарубежных визитеров.

Среди критически настроенных лидеров мятежа, в частности, был генерал Гоппер, который полагал этих, то ли французских, то ли корсиканских, авиаторов «чекистскими агентами». Много позже он напишет в своих воспоминаниях: *«Другой случай, о котором я хочу тут вспомнить, – это встреча тут же в штабе в эти самые дни с двумя французскими летчиками. Они явились к нам в штаб во французской форме, чтобы осведомиться, что вообще делается в Ярославле и могут ли они выехать из города. Они говорили довольно хорошо по-русски. Рассказывали, что они приехали из Москвы и теперь не могут выехать обратно. Когда полковник Перхуров начал их расспрашивать, не имеют ли они каких-нибудь сведений о десанте союзников в Архангельске, и намекнул на наше желание поскорее встретиться с этим десантом, они хотя и ничего не могли сообщить нам об этом десанте, но выразили готовность вместо Москвы, куда теперь пробраться трудно, ехать в Архангельск, и если будет возможно, то чем-нибудь нам помочь. Так как у них были и документы, то сомнений у нас не возникло, и полковник Перхуров предложил им автомобиль до Данилова, откуда они поездом смогут проехать дальше. Так и было сделано, и этот случай забылся, как и многие другие, среди напряженной работы. Но вот много времени спустя, я встретился уже на территории Сибири с французским полковником, занимавшим летом 18-го года высокую должность во французской военной миссии в Москве, и спросил его, не знает ли он судьбу этих летчиков и благополучно ли последние вернулись во Францию. Полковник, расспросив ближе обстоятельства дела, выразил большое сомнение в подлинном существовании таких летчиков, т. к. летчики, бывшие в России, а в особенности в Москве, ему известны, и между ними не было говорящих по-русски. Если я теперь сопоставляю время отъезда этих летчиков в Данилов, обещанное ими нам содействие и время налета красных из Данилова на Тверицы, то сомнения французского полковника кажутся мне еще более обоснованными, тем более что у большевиков Ярославля не было ни телеграфной, ни какой-либо другой связи с Даниловом».*

Даже если допустить, что «летчики» были чекистами, которые хотели разведать обстановку в Ярославле, примечательными кажутся два момента: во-первых, это знание о планах высадки в Архангельске, во-вторых, одним из координаторов этой операции был французский дипломат, в прошлом посол Франции и при Временном правительстве Ж. Нуланс. Годы спустя во время судебного процесса над Савинковым «великий террорист» сообщит следующее: *«Но мне была прислана телеграмма Нулансом из Вологды через Гренара. В этой телеграмме категорически подтверждалось, что*

десант высадится между 5 и 10 или 3 и 8 июля, точно не помню, и категорически выражалась просьба начать восстание на верхней Волге именно в эти дни». Когда большевикам стало известно о внешнеполитических деталях заговора, сказать сложно. В любом случае 5 июля 1919 года Ленин, рассказывая о ближайших задачах советской власти на соединенном заседании ВЦИК, Московского Совета рабочих и красноармейских депутатов, Всероссийского Совета профессиональных союзов и представителей фабрично-заводских комитетов, заявил следующее: «Лето 1918 года совпало с громадным заговором в Ярославле, который был, как теперь доказано и признано участниками, вызван французским послом Нулансом, который подговорил Савинкова устроить этот заговор, гарантируя, что высаживающиеся в Архангельске французские войска придут на помощь в Ярославль, что при самом трудном положении Ярославля его ожидает соединение с Архангельском, соединение с союзниками и, следовательно, ближайшее падение Москвы». Конечно, можно упрекать большевиков в паранойе, в желании видеть везде заговоры и предательство, но в данном случае они были совершенно правы. Выступление в Ярославле действительно было подготовлено на деньги, получаемые через Нуланса, и было ориентировано на то, чтобы сформировать крупный плацдарм, с которого объединившиеся в Ярославле силы северных добровольцев, пришедших из Архангельска союзников и переброшенных по Волге «белочехов» и просто «белых» мощным ударом свергли бы большевистское правительство, только-только перебравшееся в Москву. Проблема в том, что каждая из сторон в действительности вынашивала собственные планы, которыми вовсе не намеревалась делиться со своими «союзниками». Но обо всем по порядку.

Как уже говорилось, финансирование вооруженного выступления происходило через французского посла Нуланса. Однако при анализе документов выясняется, что офицерская организация отнюдь не сразу согласилась принять эти средства. Тем более что львиная доля их выдавалась непосредственно Савинкову. И даже в этом случае Савинков не был единственным получателем иностранных денег. Позже, во время судебного процесса Перхурова, не раз будут выпытывать детали: «Кому кроме вас оказывали союзники поддержку? Эсерам давали, народным социалистам? – Нет. – Плехановцам? – Не слышал. – Меньшевикам? – Меньшевикам не давали. – А вы с меньшевиками не имели никакой связи? – Нет. – Скажите, когда обнаружилась такая рознь и соревнование между вашей группой Савинкова и эсерами из-за денег? – Это совпадает с концом мая. – Эсеры называли Савинкова авантюристом и рекомендовали не

давать денег? – Словом, наговаривали союзникам. – А кому больше союзники денег давали? – Все-таки Савинкову». Весьма показательны другие слова, сказанные Перхуровым об иностранных финансах: «Тогда нам деньги нужны были только исключительно для эвакуации нашей организации из Москвы, и вот тогда, когда эсеры напортили Савинкову, он был в плохом расположении духа и думал бросить все и кончить эту историю. А потом, когда стали говорить относительно того, что подходит десант, то для того, чтобы высадить его, очень важно было учитывать, как его встретит население, и на основании этого мы именно и организовали добровольческую армию». Фактически Перхуров открытым текстом заявлял, что намеревался использовать французские деньги лишь в собственных интересах, а даже не в интересах Савинкова и тем более французов. Это подтверждается другой, весьма многозначительной фразой, произнесенной Перхуровым во время суда над ним: «Если бы я призывал захватить хоть одну пядь земли, это была бы самая настоящая измена, но если установить внутренний порядок – это нет. Потом я знал, что будь здесь хоть стотысячная армия французов, она все равно здесь не удержится, потому что ни Франция, ни Англия не граничат с Россией так, как, например, хотя бы Япония. Вот почему мне с японцами не хотелось иметь дела. А с французами мы имели дело, потому что с ними после рассчитался – и готово». Переводя на язык современного жаргона: консервативные офицеры были не прочь «кинуть» западные державы после ликвидации в России советской власти: «Нам важно было занять один конец ветки в Архангельске, а другой конец в Ярославле». И далее: «Ярославль являлся вполне определенным и наиболее подходящим пунктом, на котором остановился бы каждый, а не только Нуланс. Потом, я не знаю, согласился ли бы Нуланс за полученные от него деньги получить кровь и разрушенные города. Какой ему смысл, какая выгода. Французы – большие материалисты и на такие эфемерные уплаты вряд ли бы согласились. Это дело вполне понятное».

Позже в обвинительной речи на суде над Перхуровым будет произнесено: «Ярославль может рассматриваться как северный ключ к Москве. И восставшие долго надеялись на помощь извне, помня про данное Б.В. Савинкову обещание об их поддержке французским десантом в Архангельск. Однако этому не суждено было сбыться. Союзники фатально опоздали с помощью – союзнический десант высадился в Архангельске только в августе». Использованное здесь слово «фатально» указывает на то, что обвинение полагало, будто бы западные державы только лишь в силу обстоятельств не успели вовремя высадиться в

Архангельске, а потому все жертвы и разрушения в Ярославле для «белых» оказались напрасными. Впрочем, некоторые из документов заставляют полагать, что ни англичане, ни французы вовсе и не намеревались вовремя высаживать «северный десант». В частности, на это указывают некоторые отрывки из воспоминаний Владимира Игнатьева, одного из организаторов неудавшегося переворота в Вологде, правительственного комиссара Архангельской губернии, управляющего отделом внутренних дел «Северного правительства». В его мемуарах, в частности, говорится: *«В то же время и Савинков получил от Нуланса категорическое заверение о поддержке его союзниками с севера; на основании этих заверений, несомненно, и произошло преждевременное выступление Ярославля, ответственность за жертвы которого, в большей своей части, падает на торопатога на посулы Нуланса, а затем уже на Савинкова».* Удивительным образом этому вторит в своих воспоминаниях другой сотрудничавший с Антантой член «Северного правительства», управляющий отделом юстиции Сергей Городецкий: *«Восстания, по проекту союза, должны были быть приурочены к моменту высадки десанта в Архангельске и произойти одновременно – в Архангельске, Вологде, Вятке, Ярославле и ряде других приволжских городов, но Савинков, как полагали руководители „Союза возрождения“, желая их опередить, раньше времени поднял восстание в Ярославле и тем разрушил намеченный план».* И вот уж совсем удивительно было обнаружить подобные мысли у известного социолога Питирима Сорокина, в годы Гражданской войны планировавшего перебраться в Архангельск. В своей работе «На лоне природы» он писал: *«Многие рисовали восхитительные картины вступления их в город, речи, звон колоколов, моментальное очищение района Архангельск – Котлас – Устюг – Вологда, а там Ярославль, от Ярославля до Москвы – рукой подать, а там – новая власть, умиротворение и воссоздание России....Любим, любим мы фантазировать... Наиболее национальным произведением нашей литературы надо считать басню о мужике и зайце, пока мужик фантазировал – заяц удрал и унес с собой все богатые фантазии мужика».*

Возникает непреодолимое ощущение, что представители западных держав, даже не столько французы, сколько англичане, пытались сделать виновными в срыве глобальных планов Перхурова и самих ярославцев. Можно было бы, конечно, поверить в версию о том, что «десант не был готов», однако в Мурманске англичане высадились уже в марте 1918 года, а судя по ряду источников, были готовы начать интервенцию в Архангельске уже в конце июня. То, что в Ярославле вооруженное выступление началось

на день раньше запланированного, вовсе никак не могло изменить глобальных политических планов. Другой вопрос, а что, если «западные союзники» изначально не планировали двигаться в Ярославль после своей высадки на Севере? И отнюдь не в силу каких-то временных или климатических причин. Просто они изначально не намеревались поддерживать восстание в Ярославле, несмотря на то, что всеми своими обещаниями активно провоцировали его. Выражаясь современным политическим языком, им была нужна «сакральная жертва». До Савинкова это дошло только много лет спустя: *«Таким образом, французы принимали ближайшее участие в этом деле и нас совершенно обманули. Мне очень трудно допустить, чтобы Нуланс не знал, будет ли высажен десант в Архангельске или нет. Я думаю, что здесь со стороны французов было скорее сознательное введение меня в заблуждение, чем что-либо иное. Я думаю, что Нулансу и французскому правительству по разным соображениям нужно было иметь право сказать, что против Советской власти идет вооруженная борьба, и сослаться в этом отношении на какойнибудь выдающийся факт»*. Для одобрения масштабной интервенции надо было продемонстрировать «мировому сообществу» жесткость большевиков, которые фактически стерли с лица земли вместе с населением древний русский город. И подходящая цитата находится как раз у еще одного апологета «бездеятельности Антанты», генерала Евгения Миллера, который в своих мемуарах написал: *«Большевистская власть в России была в апогее своей силы; восстание в Ярославле и в других поволжских городах было подавлено центральной властью с беспримерной жестокостью в целях устрашения; пытки и истязания, перед которыми бледнеют самые утонченные изобретения средневековой инквизиции, стали обычным выявлением воли свободного народа при всяком соприкосновении с золотопогонниками. Нужно было громадное мужество, чтобы организовать переворот»*.

Можно сколь угодно долго рассуждать о том, что «западные союзники» фактически предали восставших в Ярославле, обрекая их и город на уничтожение, но если отодвинуть в сторону сугубо моральные установки, то можно заметить, что в 1918 году древний город на Волге стал своего рода «разведывательной площадкой», на которой сталкиваются интересы самых различных групп: консервативных офицеров, известного авантюриста Савинкова, дипломатов всех мастей, военных атташе и т. д. Каждая из этих сторон намеревалась использовать всех остальных сугубо в собственных интересах. При изучении документов ярко бросается в глаза, что фактически никто не был готов взять на себя ответственность за то, что

центром глобальных планов стал именно Ярославль. Французы кивали на Савинкова, мол, это сугубо его инициатива – ему лучше была известна обстановка в стране. Савинков заявлял обратное: *«Французы мне посоветовали выбрать такой план: захватить Ярославль, Рыбинск и Кострому. Но я колебался. Мне казалось, что у нас нет достаточных сил»*. На фоне всего этого кажется странным поведение Перхурова, который не раз заявлял, что никогда не был в Ярославле раньше, но поисково-исследовательская группа «Июль 1918» обнаружила, что в Толгском монастыре, расположенном на берегу Волги чуть севернее города, был послушником один из близких родственников полковника, и по традиции мелкопоместного дворянства Перхуров наверняка мог посетить Ярославль до событий 1918 года.

При этом всем остается не совсем понятной роль «белочехов», которые во время Гражданской войны держались всегда особняком, то и дело нарушая все мыслимые и немыслимые договоренности, которые были достигнуты с ними ранее. Так, во время судебного процесса Савинков показал: *«Я помню, что, когда я был в полном отчаянии, не зная, откуда взять средств, ко мне без всякой моей просьбы явились чехи и передали довольно большую сумму – 200.000 керенских руб. Эти деньги, собственно говоря, тогда спасли нашу организацию. Они дали ей возможность стать на ноги, развиваться и дойти до такого состояния, что она своей численностью заинтересовала французов. Не я пошел к французам, не я искал их, а они пришли ко мне, они меня разыскали. Я не знаю, каким образом они это сделали, но они меня разыскали, и тогда началось обсуждение вопроса о том, что я намерен дальше делать, каковы силы моей организации, есть ли у меня средства. И тут опять без всякой моей просьбы они мне оказали денежную помощь, сначала незначительную – 20 или 40 тысяч, точно не помню, но потом мало-помалу денежные суммы, получаемые мною от французов, возрастали»*. Сложно сказать, какие именно интересы преследовали в Ярославле чехословацкие эмиссары, но в первый день, когда началось вооруженное выступление, многие газеты (как большевистские, так и условно «независимые») сообщили, что волжский город захвачен именно «чехословацким корпусом». Вероятно, предполагалось, что вооруженные отряды стремительно поднялись по Волге от Казани и Саратова до Ярославля.

Если допустить, что Ярославль оказался впутанным в сложную игру разведок (под дипломатическим прикрытием), то становится понятной одна новость, которая никак не находила объяснения. В июле 1918 года в 887-м выпуске газеты «Уфимская жизнь» сообщалось: *«Ярославль занят*

сербскими войсками». Несколько позже давалась расшифровка этой странной заметки: «Информационный отдел получил сведения от лица, только что приехавшего из Центральной России, заслуживающего полного доверия, что Ярославль занят сербским отрядом, находившимся там до восстания». «Бред!» – может сказать иной читатель. «Дыма без огня не бывает», – снова ответим мы словами народной мудрости. В одном из своих совместных материалов В. Мясников и Ю. Шевяков писали: «За несколько дней до того, как в городе вспыхнул костер июльских боев, жители Ярославля были удивлены появлением на улицах трех с половиной сотен сербских солдат, настоящих, одетых в военную форму Сербского Королевства и отдающих честь своим офицерам.

Прибывшими командовал красивый брнет майор Благодич. От их бравого вида сразу заболела голова у комиссара Ярославского военного округа Василия Аркадьева. Бывший солдат 55-й дивизии, партиец с 10-летним стажем, за полтора революционных года он насквозь пропитался недоверием ко всему, что связано было с прошлым. Да и было о чем волноваться. „Почти через всю Россию проехал Благодич со своим батальоном. Сохранил в нем дисциплину. Ничем не помог большевикам – и в то же время провез, прокормил и одел батальон за их счет“, – так писал через год журнал белогвардейский журнал “Русская армия” в статье о начале боевого пути Добровольческого полка сербов, хорватов и словенцев имени майора Благодича, состоявшего к тому времени у Александра Колчака на охране Сибирской железной дороги».

Оказывается, в последних числах июня 1918 года этот сербский батальон в Ярославль прислал командующий Восточным чехословацким фронтом, левый эсер Михаил Муравьев. (Буквально через несколько дней он начнет боевые действия против большевиков, однако будет позднее арестован и расстрелян.) Ярославские же власти были в недоумении. В адрес Троцкого летели телеграмма за телеграммой. Выпроводить «гостей» из города удалось с большим трудом. Позднее один из ярославских большевиков вспоминал: «Когда совершилось белогвардейское выступление, цель присылки отряда всем была ясна». Что показательно, сербская часть была явлена французскому дипломату Нулансу 26 апреля 1918 года на территории, соседствующей с Ярославлем с севера, Вологды. Юрий Шевяков отмечал: «В этот день было принято решение использовать батальон в борьбе с новой российской властью, и на средиземноморский остров Корфу, где находилось сербское правительство, полетела из Вологды шифровка: „В союзнических кругах все более созревает мысль о самостоятельных военных действиях союзников

против Германии на территории России“». Другой эксперт по событиям 1918 года В. Мясников отмечал: «Зачем появился в Ярославле накануне восстания сербский батальон майора влаготича, теперь никто не узнает. Тайна эта умерла вместе с его командиром: августовским днем 1918 года окруженный в одной из деревень красноармейской ротой майор застрелился на исходе боя. Выдворенный из города отряд прибыл в Казань. В батальоне не питали симпатий к комиссарской власти. Командир имел прочную снесь с белогвардейским „Союзом защиты Родины и Свободы“, раздувшим пламя июльского костра в Ярославле». Как бы то ни было, но именно появление сербского батальона заставило комиссара Аркадьева срочно запросить в Ярославль подкрепление, те самые батальоны, не учтенные в планах Перхурова, сопротивление которых на станции Всполье позволило большевикам выиграть время и оперативно стянуть к городу подкрепление.

Глава 16

Начало перелома

14 июля 1918 года Фрунзе направил Московскому окружному военному комиссару Н.И. Муралову симптоматичное сообщение о событиях в Ярославле. В нем, в частности, говорилось: *«Все мы в Москве были введены в заблуждение относительно их размеров»*. Надо отметить, что, по сведениям очевидцев, Муралов был фанатично предан Троцкому, а потому не смел ставить под сомнение его приказы и распоряжения. При этом он ни секунды не сомневался, что мятеж в Ярославле удастся подавить в считанные дни, если не часы. Со временем ему пришлось поменять свою позицию. Много позже он вспоминал: *«Белые наседали со всех сторон. Вспыхнули восстания в Муроме, в Ярославле. Последнее приняло грандиозные размеры. Ярославские бои были более жестокие, чем октябрьские бои в Москве»*. О том, что боевые действия в Ярославле переросли из сугубо «локального» происшествия в событие, которое может иметь глобальные последствия, свидетельствует хотя бы тот факт, что Ленин регулярно интересовался о ходе боевых действий у заведующего оперативным отделом Народного комиссариата военных и морских дел Семена Аралова. Именно оперативный отдел в июльские дни 1918 года исполнял функции Генерального штаба Красной армии. В одной из своих статей Юрий Шевяков отмечал: *«Руководил оперотделом НКВМ 38-летний Семен Аралов – социал-демократ с 1902 года. Участник революции 1905–1907 годов, он в октябрьские дни 1917-го примкнул к большевикам»*. Позже, вспоминая о деятельности отдела военного комиссариата, Аралов писал: *«Работа была громадная. День и ночь не знали покоя и отдыха. Бесконечные телеграммы со всех концов страны, телефонные звонки, сотни ежедневных посетителей – московских и с разных фронтов – по самым различным вопросам: снабжения, присылки пополнений, об изменах, наступления. Большое количество телеграмм, писем, докладов непосредственно шло к В.И. Ленину, и он пересылал их к нам. В.И. Ленин запрашивал нас по вопросам оперативным, подготовки и посылки комиссаров, политработников, снабжения армии. Большей частью рано утром Владимир Ильич звонил по телефону и требовал доложить обстановку на фронтах (что произошло за прошлый день и за ночь). Звонил он ко мне, но если меня не было, то вызывал к телефону и других*

товарищей и иногда по ночам разговаривал с дежурным по опероду. Часто по утрам я ездил в Кремль к Владимиру Ильичу и более подробно докладывал об обстановке на фронтах. Владимир Ильич подходил к карте России, висевшей на печке (на ручке дверцы заслонки), и я показывал и объяснял, что произошло на фронтах за прошедшие сутки или более продолжительное время. Владимир Ильич требовал подробных объяснений причин неудач, отступлений, спрашивал, что нами предпринято для исправления создавшегося положения, посланы ли подкрепления. Тут же он давал указания, советы, критиковал нас...» Судя по всему, в связи с Ярославлем критика была более чем жесткая, так как окружной комиссар Муралов сообщал по «ярославскому делу»: «Узнав о недостатках управления войсками нашими во время операций, недостатке связи, нарушениях дисциплины, вообще плохой организации, он при первом же докладе потребовал особое внимание на организацию войск».

Исследователи не раз отмечали, что у красных войск, безуспешно пытавшихся взять Ярославль, была одна долго не решаемая проблема: отсутствие единого командования. Войска действовали совершенно разрозненно. Донесения красных командиров в Москву пестрят такими фразами: «Организация никуда не годная... Командование войсками ужасно... Пришлите энергичных опытных руководителей...» Если вернуться в Москву, в оперативный отдел НКВМ, то отметим, что у Аралова было два заместителя – Юрий Гузарский и Валентин Павулан. Именно они и были определены для общего руководства по ликвидации мятежей. Гузарский – в Ярославле, Павулан – в Муроме.

У Юрия Станиславовича Гузарского была в высшей мере интересная, хотя и недолгая биография. Военную карьеру начал как вольноопределяющийся 13-го драгунского полка 6-й кавалерийской дивизии 1-го Туркестанского стрелкового корпуса. Этот корпус входил в состав Особой (13-й) армии Юго-Западного фронта, которым командовал генерал Брусилов. 6-я дивизия воевала севернее польского города Млава на границе с Восточной Пруссией. Затем драгунский полк стоял в Луцке, там же располагался и штаб корпуса. В конце октября 1917 года городским советом в Луцке руководили так называемые «соглашатели», что привело к массовому недовольству среди революционно настроенных солдат. В итоге в противовес городскому был образован военно-революционный комитет, в состав которого вошла группа самых радикально настроенных персон, так называемых «забойщиков» от 3-го драгунского полка. Был среди них вольноопределяющийся Юрий Гузарский. А вскоре он становится товарищем председателя корпусного комитета и членом комитета Особой

армии. В своей совместной статье Ю. Шевяков и В. Мясников отмечали: «В историю Гузарский вошел круто и решительно. 16 декабря 1917 года Цекодарф (Центральный комитет действующей армии и флота) выдал ему удостоверение за № 777 в том, что главкомом назначен на пост комиссара неукраинских и неказачьих войск Юго-Западного фронта. Взлет стремительный. На этом посту он издал восемь приказов по фронту. В то время Гузарский был уже большевиком. И вот Гузарский... арестант Киевской тюрьмы. Сидел вместе с другими членами ВРК Особой армии и ее выборным командующим В.Н. Егорьевым. Арест произвели украинские полковники из Центральной Рады Осклизко и Сологуб. Спасло арестантов от смерти знание генералом Егорьевым (бывшим военным атташе в Сербии) сербского языка. Владимир Николаевич сумел уговорить караульных сербов отпустить их». Именно после этого Гузарский становится верховным комиссаром по формированию славянских революционных отрядов. Затем он поступает в распоряжение Московского губернского комиссариата, отсюда переходит в оперативный отдел НКВМ.

О прибытии Гузарского в Ярославль комендант станции Всполье вспоминал так: «Теперь вернусь к приезду товарища Гузарского. Прибыл довольно энергичный поручик». Судя по всему, не все из ярославских «красных» отнеслись к этому назначению с энтузиазмом. Можно предположить, что имели место и проблемы с подчинением приказам Гузарского. На это указывает телеграмма С. Аралова о «распределении обязанностей между командующими Красных войск, наступавших на Ярославль с севера и юга». Телеграмма была направлена в Данилов, а потому можно со стопроцентной уверенностью говорить о том, что она была предназначена для Геккера. Приведем текст этого документа целиком: «16 июля 1918 г. В Данилов из Москвы 16-го 18 ч. 18 мин. Вне очереди. Для объединения операциями против Ярославля с севера назначен тов. Геккер. Для объединения операциями с юга назначается тов. Гузарский, в помощь ему тов. Нейман».

25 июля журналистам газеты «Известия ВЦИК» удалось побеседовать с Гузарским, вернувшимся в Москву с Ярославского фронта, и днем позже опубликовать подробный отчет об этой беседе. В статье «Еще о Ярославле» журналисты указали, что в беседе с ними товарищ Гузарский сообщил интересные сведения, рисующие ход борьбы советских войск с белогвардейскими отрядами, завершившейся полным разгромом повстанцев. Нам же это позволяет установить, в каком состоянии Гузарский обнаружил положение в местах боев, когда прибыл в Ярославль. Командующий фронтом рассказал: «...К 14 июля положение у Ярославля

представлялось в следующем виде. Окраины города были почти совершенно выжжены. Советских частей в это время было далеко не достаточно для того, чтобы можно было вести более или менее активную борьбу с мятежниками. Отряды наших войск помимо своей малочисленности были слабо вооружены и действовали разрозненно, не будучи объединены в едином центре, который руководил бы военными операциями во всем их объеме, во всю ширину фронта. Напротив, положение противника к этому времени сложилось благоприятно. За предшествующие 9 дней он успел прекрасно соорганизоваться в хорошо дисциплинированную воинскую массу. Во главе контрреволюционных отрядов находились опытные военные руководители, которые действовали по плану и указаниям белогвардейского штаба. Кроме того, положение противника усиливалось еще тем, что ему удалось захватить арсенал, в котором среди прочего снаряжения имелось большое количество пулеметов. Этим объясняется то, что действия наших частей вначале не могли быть успешными. У нас было не только мало руководителей, но ощущался недостаток даже в опытных рядовых работниках, в результате чего наши отряды страдали отсутствием сплоченности и организационной спайки. Таким образом, задача осложнялась, ибо предварительно необходимо было энергично поработать над организацией и приведением в стройный боевой порядок находящихся перед Ярославлем отрядов. Несколько хромала в первое время также и техническая часть, чего нельзя было сказать о противнике, который, укрепившись на превосходных позициях, придавал войне характер позиционной, имея вдобавок в своих руках ряд зданий, из коих каждое представляло для полевой артиллерии как бы особую крепость».

О том, что боевые действия на окраинах Ярославля рисковали превратиться в затяжную «позиционную войну», в ходе которой красные части едва ли могли пробиться в центр города, свидетельствует также стенограмма переговоров командующего силами Ярославского округа Неймана с оперативным отделом народного комиссариата по военным делам. В разговоре сообщалось следующее: «Ночь на 14 июля прошла спокойно, активных действий, как со стороны противника, так и со стороны нашей не происходило, кроме обстрела нами артиллерией Главпродсклада, которым питался противник и который сгорел. Штаб белогвардейцев помещается в здании государственного банка. Противником занята небольшая часть центра города; в его распоряжении имеется большое количество предметов, которыми при наступлении оказывает упорные сопротивления, стреляя из окон зданий

церквей; весь город окружен войсками. Фронт делится на три участка. По ту сторону Волги мне удалось вчера установить связь с Костромским отрядом; остальные отряды, находящиеся по ту сторону Волги, связи с нами не имеют».

Прибывший в Ярославль Гузарский первой задачей поставил сомкнуть кольцо блокады вокруг Ярославля, после чего можно было приступать к планомерной ликвидации мятежа. Смыкание разрывов в линии фронта красных частей началось незамедлительно, уже на следующий день, 15 июля помощник Гузарского Щеткин сообщал в Москву: *«Положение благоприятное, противник наполовину из насильно набранных под угрозой рабочих. Замыкаем его в мешок».* Впрочем, и Гузарский явно не слишком четко представлял себе ситуацию в Ярославле, например, из его штаба излишне оптимистично сообщали в народный комиссариат: *«Есть надежда дня через полтора или сутки совершенно уничтожить мятеж».* Впрочем, кольцо окружения удалось замкнуть вполне оперативно. Позже Гузарский рассказывал журналистам газеты «Известия ВЦИК»: *«Нам пришлось приспособиться к обстоятельствам и, со своей стороны, перейти к правильной осадной борьбе. К этому времени подошел с отрядами архангельский окружной военный комиссар Геккер, бывший выборный командир 8-й армии, человек с большой энергией и очень сведущий в военном деле, обладавший широкими военными познаниями. Он немедленно по прибытии на фронт стал зажимать вокруг мятежников кольцо с севера, постепенно взяв станцию Филино и пригородную слободку Урочь, а затем Тверицы. Одновременно по Волге нами были расставлены вооруженные сторожевые пароходы, имевшие связь с небольшими пехотными отрядами. В результате всех этих мер, проведенных быстро и решительно, кольцо наших войск вокруг Ярославля тесно сомкнулось. Такова была первая боевая задача, успешное выполнение которой уже позволяло перейти к наступательным действиям, каковые нами и были вслед за тем предприняты».*

Ситуация для красных вдвойне осложнялась тем, что действовавший на заволжском берегу Геккер самолично решил начать наступление. Возможно, он хотел проявить инициативу, но не исключено, что предпринял операцию исключительно из честолюбивых соображений, будучи «обиженным» командиром из Москвы. Как бы то ни было, но в день прибытия Гузарского в Ярославль на левом берегу Волги начались тяжелые бои. Командующий войсками Костромской губернии сообщил Гузарскому о захвате в минувшие сутки частями Геккера станции Филино и о выходе разведки 6-го Тукумского латышского полка к железнодорожному мосту, об

ожидаемом скором прибытии на эту станцию всего полка, дальнбойных орудий и других регулярных частей из Петрограда. В одном из своих совместных материалов Юрий Шевяков и Владимир Мясников отмечали: *«С утра 14 июля боевые части Геккера около тысячи человек двинулись в наступление на Заволжский боевой участок, где оборонялось 200 повстанцев. Потеряв 22 человека убитыми и ранеными, красные к исходу дня заняли почти все Тверицы. К вечеру латышская разведка продвинулась через железнодорожный мост на правый берег и вышла на ст. Всполье, к штабу Гузарского. Красные войска, тесно сблизившись, не только с противником, но и друг с другом, усилили неразбериху»*. В частности, красная артиллерия открыла ураганный огонь по своим же частям, приближающимся с другого берега Волги, полагая их идущими на прорыв белогвардейцами. Связь между расположенными на разных берегах Волги красными частями шла через разные города, сначала через Петроград, затем через Рыбинск. Когда красные накрыли артиллерийским огнем собственные же части, в Рыбинск летит телеграмма: *«Необходимо немедленно предупредить Московские и действующие со стороны Рыбинска Советские части о необходимости прекратить артиллерийский огонь по Северному берегу Волги, ибо наши несут потери и нет возможности установить через Волгу связи. Необходима поддержка, ибо приходится брать каждое здание боем. 14 июля 23 часа. № 57 командующий Ярославским районом Геккер»*. Потери от «дружественного огня» были настолько велики, что в дело приходится вмешиваться лично начальнику оперативного отдела НКВМ Аралову.

В итоге, несмотря на торжественные релянции и обещания взять Ярославль в кратчайшие сроки (*«Операция близится к концу, тогда и будут сообщены подробности»*), красное командование было вынуждено признать свою очередную неудачу. Гузарский докладывал наверх: *«Блестяще начатое наступление привело к весьма скромным результатам, так как сказались скудность технического материала и малая выдержка пехоты, которая много забрала, но не удержала, так как неспособна укреплять занятое»*. В лагере повстанцев подобное развитие событий рассматривали если не как очевидную победу, то по меньшей мере как благоприятное стечение обстоятельств. Именно тогда было издано специальное обращение к ярославцам. В нем говорилось: *«Уже 9-й день ведет свою геройскую борьбу с нападающим на него со всех сторон противником Ярославский отряд Северной Добровольческой Армии. Город Ярославль несет огромные жертвы и людьми и имуществом, но население города должно нести эти жертвы, веря, что ни одна жертва зря не*

пропадет, что каждая капля невинной пролитой крови идет на дело строительства новой свободной и великой России, чуждое междоусобной брани и жажды ее. Разрозненная, разбитая, ослабленная врагом, эта страна будет игрушкой в руках любого ловкого авантюриста. Наоборот, единая, собранная, сплоченная национальной идеей Россия должна выйти победительницей в начавшемся разгаре борьбы. Перст истории указал на наш город, и нужно верить, что Бог спасет нашу родину в настоящую тяжелую годину. Воспрянь же, Русь, и кликни клич и принеси еще жертву для ее возрождения. Нужно твердо помнить и отчетливо знать, что выход только в победе, мужестве и самоотвержении. Твердо решившись отстоять свое благополучие, нужно собрать все силы душевные и телесные и довести дело до конца, не предаваясь малодушию и унынию. Главный враг на войне – суетливость, нервность. Давайте делать каждый спокойно свое дело, к которому он приставлен в грозную годину, интересоваться им и доводить его до самых лучших результатов, доверяя, что и всякий также делает свое дело. Бог поможет нам и Ярославлю с его святынями, и от него пойдут здоровье и сила в тело нашей несчастной родины».

Для красных обстановка становилась, в известной мере, критической. К ночи 16 июля, собрав войска, главнокомандующий Геккер, командующий фронтом Гузарский, его помощник Нейман, начальник штаба Дмитровский и военный комиссар Ярославского округа Аркадьев разработали план решительного штурма города. Наступление планировалось начать одновременно на всех четырех боевых участках, после мощной артиллерийской и авиационной подготовки. Главный удар должны были нанести сосредоточенные на втором боевом участке 1-й и 2-й сборные Московские отряды, сводный батальон 1-го Варшавского Революционного Красного полка (всего 700 бойцов с 3 броневиками). Закрепить предполагаемый успех должны были Шуйский и Галичский отряды (более 400 человек), переброшенные ночью на станцию Всполье с третьего боевого участка. В своей совместной статье, посвященной штурму города, который состоялся 16 июля 1918 года, Юрий Шевяков и Владимир Мясников отмечали: «Отряд Предатченко, наступая по Большой Рождественской улицы, обязан был овладеть духовной семинарией, мельницей Вахромеева и Спасским монастырем. Отряду Ануфриева приказывалось по Никитской, Варшавскому полку – по Власьевской, рыбинскому отряду – по Малой Углической улице. После захвата Спасского монастыря и расположенного рядом „американского моста“ 1-й и 2-й сборные Московские отряды планировалось повернуть на север для

наступления к Ильинской площади и губернаторскому дому».

Упоминание авиационной подготовки не преувеличение. Первые «красные» аэропланы прибыли в окрестности Ярославля фактически вместе с Гузарским. Это были воздушные машины типа «Ваузен». Поначалу военные летчики должны были лишь заниматься разведкой, как говорилось в приказе, «*выяснять точное расположение наших частей и банд противника*». Впрочем, очень быстро выяснилось, что разведку осуществлять было затруднительно. В сводке за 15 июля сообщалось: «*Сегодня военный летчик Целмин с мотористом Скробуком вылетали для пробы собранного аппарата по направлению к Ярославлю на 15 верст. Города совершенно не было видно ввиду туманной дымки и низко опустившихся облаков*». Именно тогда было решено, что аэропланы будут использоваться для бомбардировки города. На отрывном листке специального военного блокнота Гузарский оформил боевое распоряжение № 17 командиру 23-го авиаотряда Илье Сатунину: «*С получением сего предписываю вам подняться над Ярославлем, где сбросить бомбы над прилегающим к Волге кварталом, в частности, над губернаторским домом, что возле Ильинского собора, а также на собор. Полет закончить не позже 8 часов утра – время, когда наши части должны перейти в наступление. Если возможно, совершите два или три полета*».

Одновременно с этим Гузарский запрашивает у Москвы химическое оружие, которое он планировал применить на территории Ярославля. «*Необходимо заменить вышедшие из строя броневики, прислать новые броневики, а также тяжелую батарею, снаряды, в том числе химические и зажигательные*». Позже просьбы прислать химические снаряды становились едва ли не ежедневными. Сложно сказать, в каком объеме они были использованы в Ярославле. Поисково-исследовательская группа «Июль 1918 года» (А.Б. Киселев и Н.У. Козак) нашла в церковноприходских книгах единичные упоминания о захоронениях трупов со «*странными следами отравления*». Судя по всему, химические снаряды использовались только на конечной стадии ликвидации «мятежа» и в весьма ограниченном объеме. В любом случае, это ставит крест на версии, что впервые в ходе Гражданской войны химическое оружие использовал Тухачевский против тамбовских крестьян – это заметно раньше сделал Гузарский в отношении восставших ярославцев.

Рано утром 16 июля, впервые за все время боев, по мосту с левого берега Волги на правый был переправлен эшелон с красноармейцами. После этого со станции Всполье на станции Филино и Урочь двинулся красный бронепоезд, чтобы поддержать огнем своих пулеметов атаку

красных отрядов в Тверицах. На огневую позицию вблизи моста через Волгу вышел также другой бронепоезд. Началась артиллерийская подготовка штурма, в которую включилась вся остальная красная артиллерия. Одновременно с этим в воздух поднялись два аэроплана, с которых летчики Сатунин и Белозеров сбросили на центр города двадцать десятикилограммовых бомб. В одной из статей штурм города описывался так: *«В 9 часов угря пехота, под поддержании броневиками, начала атаку и значительно продвинулась вперед. Бойцы Рыбинского отряда овладели зданиями Ярославского морского артиллерийского склада, где захватили четыре 6-дюймовые крепостные гаубицы, восемь 57-мм канонирных пушек и пленили 62 человека работников склада и мирных жителей, прятавшихся там от обстрела. Вскоре, однако, одна на красных пушечных бронемашин была подбита на Владимирской улице выстрелом из орудия белого броневика „Добрыня“, а другая расстреляна бронебойными пулями. Пехота не сумела закрепиться на захваченном рубеже и отступила. После новой артиллерийской подготовки, хотя и с опозданием, позволившем повстанцам оправиться, красные цепи вновь двинулись вперед и заняли небольшую территорию. Потери наступающих за день боя превысили 60 человек убитыми и ранеными, а церковь Ильи Пророка так и осталась для них недосыгаемой. Весь день тяжелый бой шел и на левом берегу Волги. К ночи здешнее командование подсчитало трофеи трехдневного наступления: взято в плен 50 белогвардейцев, 1 грузовой автомобиль, 3 воза винтовок и 3 пулемета. Возглавляемые Полковником Карлом Гоппером 80 повстанцев все же удержали за собой несколько разрушенных кварталов в Тверицах».*

Впрочем, сам Гоппер считал эту затею бесполезной и полагал, что его уменьшавшийся с каждым часом отряд надо было отводить на правый берег Волги. В своих мемуарах он так описывал тот день: *«Это было уже слишком опасное положение, так как Тверица была единственным путем нашего отхода из Ярославля и с занятием красными Тверицы у нас уже обрывалась всякая связь с внешним миром и прерывалась вся работа по организации крестьян, на которых мы возлагали свои последние надежды. В то время, как было получено это сообщение в нашем штабе, меня не было там. Я как раз объезжал весь наш фронт, с целью выяснить более пассивные участки, с которых можно было снять часть сил, для начала эвакуации... Оставшуюся роту, силою около 80 человек, держал в кулаке, для активных действий, пользуясь местными укрытиями, которых тут было в изобилии».*

В ходе этих боев ни одна из сторон не смогла добиться значительного

перевеса. Белый Ярославль как держался, так и продолжал держаться, ну а силы красноармейцев вовсе не были подорваны. По итогам этого многотрудного дня штаб Перхурова выпустил очередную сводку, с которой познакомил горожан. В частности, в ней говорилось: *«Последние дни ознаменовались особо упорной бомбардировкой г. Ярославля. Ожесточенный своими неудачами противник все дальше разрушает культурные ценности. Многие кварталы почти совершенно выгорели. Несмотря на это тяжелое обстоятельство, наша пехота и артиллерия стойко удерживают свои позиции и не дают противнику возможности прорваться в город... Войска бодры и уверенно глядят на будущее, которое должно окончательно обрисоваться в ближайшие дни. Штаб Армии, Городская Дума, Торгово-промышленный союз и обществ, организации принимают всевозможные шаги к облегчению бедствий граждан. Граждане мужественно и стойко переносят поражающие их несчастья».* Весьма интересной кажется оценка предпринятых красными бомбардировок с воздуха. Штабные офицеры, каждый обладавший немалым боевым опытом, вынесли такой вердикт: *«Сегодня над городом появился неприятельский аэроплан, сбросивший несколько бомб. По исследованию оказалось, что бомбы эти малого типа и веса, не имеют большого действия и часто не взрываются».*

Неудавшийся штурм города разочаровал красное командование. Главнокомандующий Геккер вечером вынужден был выехать в Вологду и вернулся лишь через сутки. Гузарский немедленно затребовал новые подкрепления. Кроме всего прочего, ему срочно пришлось оправдываться перед Москвой. На этот раз в его рапортах не было бравады и обещаний быстро взять Ярославль: *«Отвечаю по очереди: силы неприятеля, по непроверенным сведениям, достигают четырех тысяч, среди них много опытных и стойких офицеров, и у них масса пулеметов. Воздушная разведка установила на одном небольшом участке почти 30 пулеметов, у них два броневика и три орудия, по-видимому, снарядов крайне скудно, так как они стреляют очень редко, но очень метко попадают. Радиостанция в их руках, но инженерн., продовольственн. склады отобраны нами, связь с отрядами Геккера установлена прочная, и действия наши объединяются, надеемся вскоре восстановить железнодорожное сообщение».* Для того чтобы хоть как-то восстановить доверие в наркомате, Гузарский был готов пойти на самые крайние меры. Он рапортует: *«Если не удастся ликвидировать дело иначе, придется скрыть город до основания. Передайте немедленно копию этого разговора Троцкому и Муралову, скажите, что я подтверждаю переданное днем требование. Никакие*

уступки белым не делать. Не отступать перед самыми крайними мерами, перед самыми крайними мерами, но в наших интересах действовать быстро, а для этого мне нужно получить все сразу». Когда выясняется, что Москва не готова присылать три вагона химических снарядов, Гузарский запрашивает баллоны с отравляющими веществами. Угроза полностью уничтожить Ярославль перестает быть просто «разговорной формой». Сохранилась стенограмма разговора Гузарского с руководством оперативного отдела НКВД. «Вопрос: Сколько у вас химических снарядов? Ответ: Снарядов вовсе нет, имеются [в] Иваново-Вознесенске. Вопрос: Есть ли у вас баллоны с удушливыми газами? Ответ: Баллонов с газами здесь нет, также нет масок. Маски имеются в очень незначительном количестве».

Глава 17

Крестьянский рубеж

Для того чтобы постичь логику событий, которые произошли 16–17 июля, нам необходимо не только покинуть пределы Ярославля, но и немного «отмотать» назад ленту времени. Когда руководство «Союза спасения Родины и свободы» планировало выступление в Ярославле и Рыбинске, ставка делалась на широкую поддержку населения как самих городов, так и окружающих их сел. Отнюдь не случайно в одном из первых же манифестов, появившемся в восставшем Ярославле, крестьянской проблеме уделялось пристальное внимание: *«На точном основании закона закрепить за трудовым крестьянством всю землю в его полную собственность»*. Поддержку крестьянства также планировалось обеспечить за счет отдельных правых эсеров, которые отказывались признавать советскую власть. Перхуров, например, отмечал: *«От крестьян заходил ко мне некий Мамырин – эсер, который передал мне, что целый ряд волостей, ближайших к Ярославлю, вполне готовы к выступлению и намереваются идти все поголовно»*. Исследователи отмечали, что накануне восстания в Ярославле к офицерам приходили многочисленные «ходоки», не только из окрестных сел, но даже из Тверской и Костромской губерний, говорившие, что они готовы *«выступить с голыми руками против большевиков»*. В итоге в штабе тайной офицерской организации небезосновательно полагали, что против большевиков были готовы выступить не просто отдельные села, а целые территории. На судебном процессе А.П. Перхуров, отвечая на вопрос обвинителя: *«Крестьянские организации у вас были?»* – показал: *«Целые волости, целые районы давали заключение, что если дадим оружие, то они выступят»*.

Некоторые из исследователей, придерживающихся позиций, разработанных в советской историографии, утверждают, что ярославские белогвардейцы не получили широкой поддержки на деревне, а пример села Диево-Городище был в большей степени исключением из правил, нежели закономерностью. С подобным подходом никак нельзя согласиться. В первый же день выступления штаб Перхурова направил своих агитаторов во все окрестные села. И почти везде они получили активную поддержку. Сохранились многочисленные документы, подтверждающие это. Во многих селах состоялись сходы, на которых принималось официальное

решение о поддержке восставшего Ярославля. В некоторых случаях были проведены даже собрания представителей целых волостей. В качестве примера можно привести Бурмакинскую волость Ярославского уезда, где прошло одно из таких обширных и представительных собраний. В протоколе говорится, что на собрании *«имели суждение по текущему политическому моменту и о создавшемся положении в городе Ярославле и воззвание Северной Добровольческой армии»*. В итоге было решено *«не препятствовать к поступлению добровольцев в Северную Добровольческую армию»*. Но почти сразу же после этого было вынесено решение о более активной форме поддержки: *«Оказать помощь Северной Добровольческой армии, произвести поименно записи добровольцев и сборы пожертвований, каковыя и представлять в Волостную Земскую Управу, просить немедленного отпуска в волость для вооружения – оружия и боевых припасов, послав в Северную Добровольческую армию делегатов»*.

Еще более показательной ситуация была в Толгобольской волости. Исследователь А.Е. Кидяров отмечал, что там *«один энергичный прапорщик по собственной инициативе организовал отряд в 30 человек, по количеству найденного им же в деревнях оружия, и оказал помощь восставшим, помешав красным отрядам переправиться через Волгу в районе Толги»*. Несмотря на то что красные части пытались держать Ярославль в кольце блокады, волнения в крестьянской среде постепенно распространялись по всей губернии. Иногда складывались воистину парадоксальные ситуации, например, расположенный к северо-востоку от Ярославля уездный центр Данилов считался хоть и не самой надежной, но все-таки опорой «красных». Впрочем, некоторое время (по крайней мере, до прибытия красного бронепоезда и частей под командованием Геккера) представители местного совета пребывали в сильной тревоге. Связи с Ярославлем и Вологдой не было, а по городу ходили упорные слухи о скором прибытии в Данилов эшелонов с англо-французскими войсками. В итоге уездный центр был объявлен на военном положении, а в его окрестностях выставлены дозоры. Внезапно обнаружилось, что крестьяне окрестных сел спилили столбы вокруг Данилова, чем прервали любое сообщение с другими городами. Кроме того, утром 8 июля в селе Ермакове, центре одноименной волости, собралась большая толпа недовольных крестьян из окрестных деревень, которые на своем сходе вынесли решение идти в село Покров-Рогули *«снимать советы»*.

На самом севере Ярославской губернии дела у Советов обстояли не намного лучше. В связи с тревожным положением уездный комитет РКП(б) города Пошехонья создал революционный комитет (Г.В. Киселев, А. В.

Кутков, С.А. Преображенский), которому была передана вся полнота власти. Когда 8 июля Киселев уехал с отрядом на подавление руководимого лично Савинковым выступления в Рыбинске, его заменил М.С. Яблоков. Он тут же разослал в волостные советы телеграммы, в которых предупредил, что нужно готовиться к отпору создающимся в округе контрреволюционным бандам. В телеграмме также говорилось, что необходимо вооружаться на местах, поскольку оружия в городе может не хватить, а город и уезд находятся на осадном положении. Между тем в волостном центре Холмовской волости Пошехонского уезда, селе Покров-Рогули, часть жителей готовилась поддержать вспыхнувшее в Ярославле восстание. Их возглавил поручик Поройков. Юрий Шевяков отмечал: *«С подходом сюда утром 8 июля даниловских крестьян на местной церкви ударили в набатный колокол, а купец Родионов, забравшись на каланчу, подал гудок пожарной сирены, сзывая народ на площадь. Собравшимся людям Поройков зачитал телеграмму Пошехонского ревкома, полученную им через заведующего земельным отделом волисполкома офицера М. Селецкого. Текст этого документа Поройков поспешил использовать в свою пользу. Тут же телеграмму размножили и послали по деревням с требованием немедленно вооружиться и прибыть в Покров-Рогули»*. Вместе с телеграммой в деревни были посланы специальные повестки от имени волостного совета, в которых говорилось: *«Холмовский волостной совет просит деревенский комитет дать распоряжение о сборе печеного хлеба для красноармейцев и собранный хлеб доставить в волсовет сейчас же по получении сей повестки, то есть 8 июля, хотя бы и к вечеру»*. То есть восставшие крестьяне прибегли к очень хитрой уловке, но были готовы к открытым действиям. На селе был сформирован вооруженный отряд и под командованием штабс-капитана Воскресенского направлен в село Белое. По телеграфу туда было передано условное сообщение: *«выслано 40 рублей»*, которое означало, что в Белое отправлено сорок вооруженных бойцов. В ночь на 9 июля, получив известие о движении отряда, поручик Троицкий и офицер И. Уткин подняли восстание в селе Белом – центре Займишенской волости. Тут же были заняты все жизненно важные пункты и начата мобилизация, под которую попадали люди в возрасте от 18 до 40 лет. Показательно, что поддерживать восстание отказывались лишь отдельные села. Крестьяне вовсе не собирались придерживаться выжидательной тактики. Например, для вооруженного захвата города Пошехонья был сформирован «крестьянский полк», общей численностью в полторы тысячи повстанцев, которым командовал некто Троицкий. В ночь на 10 июля повстанческий полк вышел на позиции к

Андреанову монастырю, откуда в сторону Пошехонья были направлены разведчики. Те, в полукилометре от города, натолкнулись на красный дозор и вступили в перестрелку.

Положение красного Пошехонья было откровенно «аховое». В городе остались лишь полсотни красноармейцев и пара десятков милиционеров. Ввиду нависшей над городом угрозы исполком мобилизовал боевой отряд коммунистов, боевой отряд анархистской федерации. Всех членов Совета и преданных ему работников большинства городских учреждений вооружили винтовками. Оперативно пытались вызвать боевые части из Рыбинска. Не дожидаясь их прибытия, в сторону монастыря выдвинулись самые боеспособные красные отряды: полурота красноармейцев (командир В.П. Казанский) и группы коммунистов-добровольцев (командир М.С. Яблоков). Они решили занять защищенные позиции в лесу. Эти передвижения не остались незамеченными. Однако идти на штурм города восставшие не решились. Полагаясь на преимущество в численности, они намеревались взять красные отряды в кольцо, после чего уничтожить их. Именно в это время на помощь пошехонским коммунистами прибыли бойцы 2-го Петроградского сводного отряда с двумя пулеметами. Фронт красного отряда был увеличен – в его центре залегла цепь петроградцев. Восставшие, которые не знали о прибывшем подкреплении, начали атаку с трех сторон. И фактически тут же попали под пулеметный огонь. Атака захлебнулась, а «крестьянский полк», понеся огромные потери, начал быстрое отступление. Красные части преследовали отступавших крестьян до села Белое, где вновь нанесли по ним удар. После этого белое крестьянство продолжило отход по двум направлениям – на село Николо-Раменье и на село Покров-Рогули, пытаясь скрыться в отдаленных деревнях и селах.

Отголоски новостей о крестьянских волнениях доходили до штаба Перхурова. Именно этим можно объяснить некоторые из пунктов в извещениях, которые готовились для горожан. *«К Добровольческой армии присоединились и присоединятся в настоящее время значительные силы подошедших к городу крестьян».* Или: *«В уездах все больше и больше разрастается восстание крестьян; по точным сведениям, в трех уездах свергнули и свергают власть большевиков, арестовывая советских руководителей и красноармейцев. Повсеместно в волостях крестьяне организуют отряды добровольцев, вооружают их и посылают в распоряжение Ярославского Штаба. По донесениям из волостей, в настоящее время к Ярославлю массами подходят крестьяне-повстанцы».* 10 июля: *«Движение против большевиков разрастается по волостям.*

Организуются и формируются отряды окрестных крестьян, возмущенных действиями большевиков».

Если бы не существовало риска, что ярославское восстание перекинется на всю губернию за счет более мелких крестьянских выступлений, то красное командование не стало бы прибегать к стратегической хитрости. В определенный момент как в Ярославле, так и в губернии стали распространяться листовки, сообщающие о том, что *«большевики разоряют села»*. Карл Гоппер очень верно подметил, что крестьяне прежде всего *«требовали только оружия, чтобы очистить от большевиков свои деревни»*. В итоге восставшие крестьяне группами стали покидать позиции как под Ярославлем, так в «мятежных» волостях – это было отнюдь не дезертирство в чистом виде, а стремление человека земли навести порядок у себя дома. Впрочем, это стремление по факту означало ослабление оборонительных позиций. Тенденция стала настолько тревожной, что штаб Перхурова был вынужден выпустить специальное воззвание. В нем говорилось: *«По сведениям, имеющимся в штабе Северной Добровольческой Армии, среди крестьян, прибывших на помощь в борьбе с большевиками, распространяются сведения темными личностями о грабежах в деревнях, будто бы чинимых большевиками. Сведения эти явно ложные и распространяются со злонамеренной целью отозвать обратно пришедших из деревень честных борцов»*. Как писал А.Е. Кидяров: *«В результате крестьяне без всякого предупреждения оставили ночью свои позиции и разошлись по домам, чтобы спасти свое имущество. Позднее повстанцы выяснили, что, убедившись в целостности своих деревень, крестьяне вновь собрались в отряды, но пробиться в Ярославль не смогли. Войска же красных после ухода крестьян с позиций двинулись в освободившиеся места и сильно потеснили весь участок. Крестьянские отряды продолжили действовать самостоятельно в окрестностях города, но, не имея руководства и пополнения патронами, существенной поддержки восставшим оказать не могли»*.

Подобная ситуация сложилась под Романово-Борисоглебском, где, например, в Шаготской волости крестьяне, не имевшие возможности пробиться к Ярославлю, создали собственное «народное собрание», во главе которого поставили находившегося в тот момент поблизости московского фабриканта Иванова. Однако, принимая во внимание «пошехонский опыт», советская власть решила не затягивать с ликвидацией «нарыва». Уездная ЧК направила в те края ударный отряд (150 штыков). В быстротечном бою повстанцы были разбиты, после чего начались массовые аресты.

Видя подобное развитие событий, многие из волостей, которые готовы были изначально поддержать мятежный Ярославль, заняли выжидательную позицию. Так было, например, в Тургеневской волости. Для агитации представители Перхурова пытались использовать в первую очередь возмущение крестьян продовольственной политикой большевиков. Недовольство действительно имело место, и в ряде селений крестьяне выступали с очень резкой критикой властей. Н.П. Рязанцев отмечал: *«Но от критики и резкой ругани на сельских сходах до желания с оружием в руках идти воевать в Ярославль – дистанция огромная. Далеко не везде эмиссарам Перхурова удалось набрать хоть сколько-нибудь добровольцев для борьбы с красными. Поэтому, как свидетельствуют источники, во многих селах почти сразу же была объявлена обязательная мобилизация крестьян в перхуровскую армию»*. Специфика Тургеневской (Сереновской) волости состояла в том, что она, в отличие от других заволжских волостей, непосредственно граничила с Ярославлем, охватывая его с северной (д. Рогове), южной (с. Савино) и восточной (ст. Филино и Яковлевская слобода) сторон. Поэтому влияние происходивших в губернском центре событий ощущалось здесь значительно сильнее, и восставшие против большевиков офицеры имели большие возможности влиять на население. Как позже вспоминали крестьяне, *«белогвардейцы направили письмо в волость о мобилизации всего мужского населения и сборах их в Тверицах на второй день восстания»*. Действовали они здесь через Е.С. Соловьева – секретаря волисполкома, бывшего до революции волостным писарем. На личности Соловьева стоит остановиться более подробно, поскольку это во многом объясняет дальнейшее поведение крестьян.

Судя по характеристикам местных жителей, до 1917 г. Соловьев был *«типичным слугой старого режима»* и *«кровожадным волком»*, который измывался над населением, используя служебное положение в своих личных целях. *«И когда случился февральский переворот, – вспоминали крестьяне, – первым движением волости было выбросить его вон, но он на коленях и со слезами на глазах умолял крестьян его оставить»*. Карьера для Соловьева была превыше всего, поэтому в конце 1918 г. он вступил в партию большевиков. Его политические «пристрастия» очень колоритно охарактеризовал один из крестьян с. Яковлевская слобода Андреев: *«Во время царизма он монархист, во время Львова он кадет, во время Керенского он правый эсер, в первые дни Советской власти он левый эсер, участник всех съездов, и теперь он коммунист...»* Благодаря родственным связям (брат Соловьева работал в уездном земотделе) Соловьев получил весной 1918 года должность секретаря Тургеневского волисполкома. При

этом стиль его поведения не изменился: он выдавал за взятки справки об освобождении от воинской службы не желающим идти в армию и произвольно обирал население. Крестьяне жаловались позднее, что Соловьев вместе с волостным милиционером ставил на развязке дорог в Яковлевской слободе телегу, в которую сваливались все продукты, отбиравшиеся у крестьян, проезжавших через эту слободу в город. Позднее на вопрос следственных органов, почему же крестьяне не пожаловались на Соловьева в вышестоящие инстанции, крестьяне отвечали: *«На Соловьева показать что бы то ни было боится вся волость, потому что если он узнает, что на него показали, то сейчас же что-нибудь будет у этого крестьянина реквизировано или конфисковано»*.

Итак, по получении воззвания к населению волости и приказа о мобилизации из Ярославля Соловьев разослал по деревням подписанные им приказы о сборе всего мужского населения *«на борьбу с красной сволочью»*. Приказы эти он рассылал по старым сельским старостам, которых он знал еще будучи писарем волостного правления. В этот же день Соловьев созвал в волостном центре селе Серенове волостной сход, на котором объявил о ликвидации Совета и восстановлении волостного правления, а также агитировал крестьян *«записываться в отряды белогвардейцев, говоря, что у белых уже все почти занято, надо нам присоединиться и оказывать сбою помощь»*. Помощь, по мнению Соловьева, должна была заключаться в том, что крестьяне формируют ополчение, которое должно будет направиться в Тверицы за получением оружия и приказаний от штаба перхуровцев. Исследователи отмечали: *«Поведение крестьян было неожиданным для Соловьева и вполне предсказуемым с точки зрения общечеловеческой обывательской логики. На призыв Соловьева идти в Тверицы воевать за белых молодежь просто и ясно показала свою аполитичность: „Если тебе нужно, то ты и иди“»*. По-иному отреагировало старшее поколение, которое с определенным сожалением вспоминало рухнувшие в одночасье привычные устои, они выразили согласие с Соловьевым *«и стали посылать своих сыновей записываться в штаб белой армии»*. При этом в ход была пущена традиционная и эффектнейшая в данном случае угроза – главы семей, сами не очень-то желавшие вспоминать молодость и брать оружие в руки, пригрозили сыновьям: *«Если не пойдете, то мы вам не дадим есть»*. Угроза сработала, и около 30 человек во главе с Соловьевым нехотя двинулись в Тверицы за оружием, которое они и получили в Тверицком штабе белых (он размещался в то время в доме купца Укропова). Крестьяне же других населенных пунктов Тургеневской волости предпочитали

соблюдать нейтралитет. Так, в селе Михайловском (ныне часть поселка Кузнечиха) получившие приказ за подписью Соловьева о мобилизации крестьяне *«собрались и обсудили этот вопрос и решили в борьбе не принимать никакого участия»*.

Перхуров прекрасно понимал, что, будучи запертым в городе, он не может контролировать ситуацию. Тем не менее до самого последнего момента он не оставлял надежды на поддержку со стороны крестьянства.

Глава 18

Маневр или бегство?

В первоначальных планах, разрабатывавшихся с прицелом на общую дестабилизацию политической обстановки в Центральной России, которая должна была закончиться серией вооруженных выступлений, предполагалось, что полковнику Перхурову будет достаточно удерживать Ярославль не более четырех дней. Когда этот срок прошел, а Ярославль не получил поддержки ни из Рыбинска, ни из Архангельска, неизбежно возник вопрос о целесообразности продолжения боев в городской среде. Перхуров не раз предлагал, чтобы восставшие покинули город, вокруг которого еще не было замкнуто кольцо окружения. С одной стороны, это могло бы позволить провести перегруппировку сил (Перхуров не оставлял надежды, что план Савинкова удался хотя бы отчасти), с другой стороны, это спасло бы горожан от бедствий и гибели. Впрочем, против такого плана решительно выступала именно ярославская часть офицерства, которая категорически не хотела покидать родной город.

После того как кольцо окружения все-таки было сомкнуто и стало неумолимо сжиматься, а атаки на город производились в буквальном смысле слова со всех сторон, стало очевидно, что надо что-то менять в обороне города, ибо теперь его падение было лишь вопросом времени. Перхуров вспоминал об этом так: *«Я собрал военный совет, объяснил положение на всех участках и то, что патронов у нас хватит по среднему расчету не более как на неделю. Значит, в этот срок должно быть принято и приведено в исполнение определенное боевое решение со всеми вытекающими из него последствиями»*. Карпов, который был на этом совете, предложил перейти к позиционной войне, *«заплестись в городе проволокой, устроить ряд опорных пунктов и держаться в Ярославле, отнюдь не оставляя его»*. На это Перхуров возразил, что без достаточного запаса патронов и со смутными перспективами относительно помощи извне выжидательная тактика была смерти подобна. Позже Перхуров написал в своих предсмертных воспоминаниях: *«Тогда я высказал свое решение: во что бы то ни стало прорваться частью наших сил через линию обложения, там соединиться с партизанскими отрядами, которые, по сведениям, были ближе всего к Ярославлю в юго-восточном направлении и вместе с ними действовать в тылу противника, чтобы заставить его*

хоть местами отодвинуться от города и тем облегчить положение. Кроме того, при успехе таких действий отбить запас патронов в свою пользу». Предполагалось, что на прорыв должно было пойти не менее двухсот человек, которые затем, воссоединившись с крестьянскими повстанцами, а возможно, и с рыбинцами (о провале выступления в Рыбинске в Ярославле не знали) должны были нанести удар по красным частям с тыла, после чего можно было деблокировать город. Перхуров писал: «Я высказал вкратце свой план: прорваться на пароходе вверх по Волге, затем зайти в тыл противнику с севера и действовать для облегчения левобережного участка, положение которого особенно тяжелое».

Желающих добровольно возглавить столь отчаянную операцию предсказуемо не нашлось. Многие отказывались, полагая, что когда пароход пойдет на прорыв, то будет потоплен красной артиллерией. После долгих препирательств было решено, что Перхуров возьмет осуществление этой рискованной затеи на себя. И тут в очередной раз неприятный «сюрприз» преподнес генерал Карпов, который заявил, что если в прорыв пойдут двести человек, то это ослабит городские позиции, а потому он не примет командование гарнизоном. Более того, он как потенциальный командующий в Ярославле не готов дать под эту операцию даже сто человек. Перхуров оказался перед сложным выбором: «Взвесив всю обстановку я решил, что могу взяться за исполнение намеченного плана с полсотней людей в надежде, что за линией обложения, найдутся новые добровольцы, которые и усилят мой отряд. Надо только захватить с собой запас оружия для вооружения новых добровольцев». Когда стало известно, что десантом будет руководить лично полковник Перхуров, оказалось, что очень многие офицеры, в свое время бывшие с ним в тайной организации, хотят пойти на прорыв. В итоге желающих оказалось так много, что пришлось бросать жребий. Из «старых» офицеров было отобрано тридцать человек – остальные должны были удерживать позиции, что было бы затруднительно без опытных фронтовиков. К этой прорывной команде затем было прикомандировано еще двадцать новобранцев. Перхуров стал в ней пятьдесят первым.

В планах предстоящей операции несколько странным выглядит намерение взять с собой слишком большое количество боеприпасов. По словам Перхурова, это выглядело следующим образом: «В это же время приказал выделить из числа пароходов приготовленных для общего прорыва, который проектировался раньше, небольшой, но возможно быстропроходный пароход и погрузить на него трехдневный запас

продовольствия по расчету на двести человек, а также 100 берданок с патронами, 10 000 трехлинейных патронов, считая в том числе и набитые ленты для пулеметов, два пулемета „Максим“, один „Лима“, несколько разных гранат (в Ярославле их было самое незначительное количество) и запас спасательных кругов, собранных с других пароходов». Что же странного в этом описании? А то, что на пароход грузили не патроны к японским винтовкам, равно как и не сами японские винтовки, коих в захваченном арсенале было великое множество. Из города вывозили крайне «дефицитные» патроны для «трехлинейки», которые, как было отмечено выше, в Ярославле использовались исключительно для пулеметов. Это, в свою очередь, наводит на мысль, что планируемое движение десанта вверх по Волге (конечной его точкой планировалась Толга) было отнюдь не случайным. Дело было даже не в том, что в этих краях действовал весьма активный крестьянский отряд. В нескольких документах Толгский монастырь упоминается как «запасная база» повстанцев, что косвенно подтверждается сведениями о том, что в этом монастыре послушником служил один из родственников Перхурова. Кроме того, в оперативной сводке красных войск за 13 июля 1918 года упоминается, что «в Толгском монастыре у белых, по-видимому, штаб». Можно было бы списать это предположение на мнительность и паранойю красных, но многие офицеры накануне выступления в Ярославле прибывали в город, предварительно остановившись именно в Толгском монастыре. Нельзя не вспомнить в этой связи и про ходившие долгое время по Ярославлю городские легенды о тайном складе оружия, который был расположен где-то в окрестностях Толги. Легенды, конечно, легендами, но если подобный «схрон» существовал и в нем были складированы именно трехлинейные винтовки, то это объясняет выбор боеприпасов, которые по приказу Перхурова были погружены на корабль.

Выдвинуться из Ярославля планировалось в ночь с 15 на 16 июля, чтобы под покровом темноты, незамеченными, пройти по Волге, максимально быстро миновав пристрелянный речной участок. Однако сборы затянулись. Кроме того, в назначенном месте на волжском берегу не оказалось парохода. На его поиски ушло некоторое время. Когда пароход наконец обнаружили, то выяснилось, что на него не доставлено достаточное количество перевязочных материалов и медикаментов. Пришлось делать еще один рейд в Ярославль и вновь возвращаться к пароходу. В итоге от берега он отчалил, когда уже светало. Перхуров ожидал худшего: «*Пришлось вновь посылать за материалом и ждать, когда его принесут. За это время капитан парохода, узнав о назначении*

парохода, распорядился устроить прикрытие на капитанском мостике. Стук топоров и визг пилы разносились далеко и могли привлечь внимание противника. За это же время люди отряда искали лодки, подводили их к пароходу и прицепляли к нему. Из массы лодок нашлось только две не пробитых осколками снарядов или пулями. Совсем рассвело, когда, кончились эти приготовления и был принесен перевязочный материал. Над рекой вился легкий туман, и только на прикрытие им я возлагал надежду. Осторожно пробрались между стоящими у пристани судами и, выйдя на открытый фарватер, пошли полным ходом вверх по Волге. Все люди были спрятаны в трюм, на верхней палубе лежал я и еще два-три человека. На капитанском мостике, забранном досками, находились капитан и штурвальные. Самое опасное место для нас было при подходе к мосту. Здесь река была идеально пристреляна несколькими батареями. После прохода под мостом положение сразу улучшилось: попасть в движущуюся цепь на непристрелянном пространстве было уже много труднее. Пароход проскочил благополучно. Я видел фигуру часового, стоявшего на мосту, но он по нам не стрелял. Только с правого берега один какой-то стрелок выпускал пулю за пулей по пароходу, задерживаясь только при перемене обойм. Пули попадали в различные части парохода, но существенного вреда не принесли». Не исключено, что пароход не обстреливали, так как его приняли за «красный транспорт». Дело в том, что в представлении красного командования все белогвардейцы должны были прорываться вниз по Волге, в сторону Нижнего Новгорода, а затем Казани. Вверх по Волге шли только суда с красными частями, которые направлялись на подавление мятежа. Именно поэтому Геккер бездеятельно спокойно наблюдал отбытие парохода с белым отрядом: «Благодаря белой ночи, мы сами убедились, что, действительно, пароход отчалил и благополучно проехал под мост, а затем скрылся в потемках».

Команда Перхурова высадилась на берег несколько выше Толгского монастыря, у деревенской пристани. Местные крестьяне встретили гостей очень настороженно: «Мы разговорились, и они сказали, что все ушли на работу, куда будут собираться, куда что, а поодиночке они решить не могут. Мы ждали обеденного часа. С парохода тем временем успели перевезти все запасы продовольствия, оружия и патронов. Были три пулемета и несколько винтовок бердана. Подводы раздобыты были крестьянами из Толгского монастыря. Затем стали постепенно собираться крестьяне, но довольно мало». После этого выяснилось, что и выступление в Рыбинске, и почти все крестьянские выступления уже были ликвидированы, а потому консолидированный удар с севера нанести не

было никакой возможности. Затея с прорывом оказалась бесполезной с точки зрения исправления положения Ярославля, но при этом все-таки не стала трагической ошибкой, поскольку сколь-нибудь заметных потерь в ходе операции не было.

Пребывание белых в Толге и в окрестностях монастыря породило множество легенд. В частности, одна из них гласит о том, что находившийся в тот момент в обители патриарх Тихон благословил повстанцев. Он действительно жил в 1918 году в Толгском монастыре, но все-таки не в июле, а парой месяцев позже. Однако в тот момент обстановка под Ярославлем была беспокойной, поэтому патриарх переехал в «более тихую» Мологскую Афанасьевскую женскую обитель. Отдельные свидетельства о пребывании там были записаны со слов отца Пава (Груздева). По его словам, патриарх Тихон жил в Мологской обители более двух недель. *«Пошел как-то Святейший по монастырю с осмотром, – вспоминает батюшка, – а заодно прогуляться, воздухом подышать. Изумения с ним, рыбинский благочинный о. Александр <...> Я рядом со святителем бегу, посох ему несю. Вскоре вышли мы из ворот и оказались на огурцовом поле: “Матушка игуменья! – обращается к настоятельнице Святейший Тихон. – Смотри, сколько у тебя огурцов!” А тут и благочинный о. Александр рядом, вставил словечко: “Сколько в монастыре огурцов, столько, значит, и дураков”. – “Из них ты первым будешь!” – заметил святитель. Все рассмеялись, в том числе и о. Александр, и сам Святейший. “Отправьте огурцов на Толгу”, – отдал он потом распоряжение».*

Говоря об июльских событиях 1918 года в Ярославле, нельзя не задать вопрос об отношении Православной церкви к повстанцам. Красные-то, понятное дело, со своим отношением к духовенству определились сразу же. В одном из сообщений, направленных в военный комиссариат, говорится: *«Гов. Аркадьев говорит: когда он был в Ярославле, то приказал расстрелять всех попов и монахов, так как они все были вооружены».* Среди частей Красной армии, принимавших участие в ликвидации выступления, даже появилась поговорка: *«В Ярославле что ни поп – то пулеметчик».* Это было связано в первую очередь с тем, что звонницы многих церквей в центре города использовались как пулеметные площадки. Однако нет никаких убедительных доказательств того, что именно священнослужители вели огонь по красноармейцам. Сторонники этой версии обычно приводят свидетельство командира новгородского отряда Полякова: *«Мною было выкачено одно орудие против этой церкви и шагов из 1000 она была обстреляна, но все же пулемет с таковой бил. В ночь на 8*

или 9 церковь была красноармейцами окружена и с таковой с пулеметом был снят поп». Много позже комиссия по канонизации, которая занималась делами ярославских новомучеников и исповедников, исследовала этот вопрос. Церковь Владимирской иконы Богоматери на Всполье оказалась в средоточии военных действий. После подавления восстания настоятель храма священник Александр Автономович Смирнов был расстрелян за то, что во время восстания с колокольни его церкви велся обстрел красных. Красными был распущен слух, что он якобы и вел обстрел. В материалах комиссии говорилось: «Красные расстреляли на месте, вымещая злобу за успевшего скрыться пулеметчика». Забегая вперед, надо отметить, что среди ярославских новомучеников очень заметно количество священнослужителей, которые стали жертвами именно в связи с причастностью к Ярославскому восстанию. Среди арестованных и расстрелянных был, например, ярославский священник Александр Петрович Елоховский. Другой, Владимир Флегонтович Виноградов, служивший в окрестностях Любима, был казнен за то, что помогал повстанцами из числа крестьян. Под расстрел можно было попасть и вовсе без свершения каких-либо ярко выраженных действий. Отец Николай (Любмудров) из села Лацкое был казнен за то, что свершил молебен о здравии крестьян, ушедших в повстанческий отряд, заказанный женами этих крестьян.

В материалах к житию сообщалось: «Матери, жены, сестры ушедших бросились к отцу Николаю, слезно прося отслужить молебен о спасении ушедших и уведенных ополченцев. Дочь отговаривала отца Николая от этого, но он счел своим христианским долгом, долгом пастыря выполнить просьбу женщин и отслужил молебен о здравии. Отряд повстанцев двигался медленно. Пройдя около десяти верст, они попали под дождь, стали разбредаться и к вечеру того же дня все лацковцы вернулись домой целыми и невредимыми. Собравшиеся вскоре активисты комбедовцы расценили молебен как контрреволюционный акт и впоследствии оклеветали отца Николая, утверждая, что он служил молебен якобы „о даровании победы над советской властью“. На другой день стало известно, что в Лацковскую и соседние волости направляется карательный отряд красноармейцев (латышских стрелков), чтобы расправиться с организаторами и участниками восстания; дошли слухи о расстрелах нескольких священников в соседних приходах. Отец Николай оставался в это время дома один с 22-летней дочерью Ольгой и 13-летним сыном Владимиром, жена находилась у больной матери, но должна была вскоре вернуться в Лацкое. И дети, и близкие к отцу Николаю крестьяне

советовали ему на время скрыться, предлагали убежище: „Батюшка, пойди в любую избу, и будешь цел“. Но отец Николай отвечал: „Я не совершал никаких преступлений и ничего не боюсь“. Не считая себя виновным в чем-либо перед властью, не находя возможным оставить паству и своим бегством дать повод к подозрениям, отец Николай решил всецело предаться воле Божией. В эти дни, предчувствуя близкую кончину, он написал прощальное письмо жене и детям, в котором выражал любовь и признательность супруге за прожитые вместе годы и за помощь во всех делах, обращался к каждому из детей, говоря об их достоинствах и недостатках, давая советы на будущую жизнь, призывал всех к твердой вере и любви друг к другу и благословлял всех. Получив утром 18 (или, по другим воспоминаниям, 19) октября телеграмму от жены, отец Николай немедленно поехал на станцию, чтобы встретить ее, но, прождав на вокзале целый день (поезда из Ярославля ходили нерегулярно), не встретил ее и поздно вечером вернулся домой. Дочь Ольга вспоминала, что этой ночью батюшка в своей комнате молился, стоя на коленях перед иконами со свечой в руке. 20 октября 1918 года была Димитриевская родительская суббота. Отец Николай служил в Вознесенской церкви заупокойную литургию и панихиду. Участь отца Николая была решена утром этого дня в разговоре командира прибывшего в Лацкое карательного отряда и членов волисполкома. В ответ на запрос, кого местный совет считает нужным предать казни, было предложено два человека: кузнец Д.Р. Воробьев, не сочувствовавший новым порядкам и волисполкому, и отец Николай. Однако члены исполкома пришли к выводу, что кузнец необходим селу, и было решено расстрелять только священника».

Если же возвращаться к сюжету с Толгским монастырем, то вовсе не исключено, что благословить Перхурова мог митрополит Агафангел, позже ставший местоблюстителем патриаршего престола. Отсюда и родилась легенда про благословение патриарха Тихона. Опять же, весьма показательно, что в своих показаниях и воспоминаниях Перхуров избегает упоминать Толгский монастырь, словно пытается старательно замолчать этот сюжет, что указывает на его стремление либо не выдать, либо не «подставить» кого-то связанного с монастырем. В любом случае, когда стало ясно, что помощи Ярославлю не приходится ждать ни из сел, ни из Рыбинска, то было решено нанести удар по позициям красных, которые вели в Тверицах активные боевые действия против отряда Карла Гоппера. Однако по мере приближения к станции Филино разведчики донесли, что бои в Тверицах прекратились и здесь теперь сосредоточена крупная красная группировка, атаковать которую силами пятидесяти человек было

бы форменным самоубийством. Путь в Ярославль также был закрыт. В своих воспоминаниях Перхуров написал: *«Действительно, от Ярославля не доносилось звуков стрельбы, которые перед этим были слышны хорошо. Тогда я окончательно решил двигаться на восток, предоставив желающим уйти из отряда. При подходе к Костроме у меня было не больше 35 человек. Остановившись под Костромой верстах в двенадцати, я послал двух человек в город узнать о происшедшем в Ярославле и принести, если возможно, газеты. Посланные ушли, а на рассвете мы были атакованы кавалерией красных, силой с эскадрон. После небольшой перестрелки нам удалось уйти в болото без потерь. Через это болото, пробираясь в некоторых местах в воде по пояс, мы вышли к деревне, около которой, по условию, должны были ждать посланные в Кострому. На следующий день они вернулись и принесли проверенные сведения о падении Ярославля. После этого известия из отряда ушли еще несколько человек, считавших более удобным пробираться на восток поодиночке. Осталось 17 человек. С ними я дошел до первой пристани на Волге ниже Костромы. Здесь я отпустил еще 11 человек. Остались я, поручик Березовский, подполковник Ивановский».* С этими людьми через месяц Перхуров добрался до Казани, где позже смог присоединиться к армии Колчака.

Глава 19

На линии огня

Уход Перхурова со своим отрядом, передача общего командования генералу Карпову и потеря тверицкого участка фронта произвели на оборонявшихся из последних сил ярославских белогвардейцев самое гнетущее впечатление. Карл Гоппер еще 17 июля запрашивал у Карпова разрешение на эвакуацию заволжского отряда, но получил отказ, а также «просьбу» продержаться еще хотя бы пару дней. Для крошечного тверицкого белого контингента это означало неизбежную гибель. Балашов в книге «Пламя над Волгой» так описывал этот трагический эпизод: *«После неоднократных атак красные войска полностью овладели Тверицами. Мятежники бросились к пароходам, баржам и просто плотам, стремясь переправиться на правый берег Волги и спастись бегством. Огнем артиллерии все эти переправочные средства были потоплены»*. Впрочем, далеко не всем удалось сесть на пароходы. Именно эта неудача случайно позволила спастись крошечному отряду, который возглавлял лично Карл Гоппер – он планировал прикрывать отход своих подчиненных: *«Мы вечером стали уже дожидаться прибытия за нами парохода – перевоза. В час ночи отчалил пароход с того берега, и, когда он стал приближаться к нашему берегу, я со своим адъютантом побежали, чтобы снять посты. Когда я вернулся с последними бойцами с постов и приближался к берегу, пароход отчалил, несмотря на наши крики подождать нас. Пароход находился под пулеметным огнем со стороны ст. Урочь и, очевидно, не мог больше ждать. Мы остались 16 человек в беспомощном положении на берегу, остальные, с постов, более близких к берегу, успели сесть на пароход. В последний день у нас осталось бойцов человек 35–40 и кроме того – человек 10 – заботившихся по хозяйству и разносивших патроны. Каждую минуту красные, заметивши наш отход, могли подойти к берегу и нас захватить. Мы стояли на месте, не зная, что предпринять. Более спокойная часть нашего участка была к югу, со стороны деревни Савино, откуда сегодня, почти весь день, не было стрельбы. Мы направились берегом в ту сторону. Но не отошли мы еще 300 шагов, как заметили, что с того берега снова отчаливает пароход, на этот раз другой, поменьше. Мы побежали навстречу. Осталось между нами уже не более 30 саженьей, как по пароходу красные снова открыли сильный пулеметный огонь, почему*

пароход повернул обратно, и мы очутились в еще более худшем положении, т. к. красные, заметив нас, направили свой огонь вдоль берега».

Погода резко испортилась. Невыносимая жара, терзавшая горожан и мятежников, сменилась проливным дождем, который перерос в самую настоящую бурю, которая превратила руины и перекопанные улицы в самое настоящее непроходимое месиво. Начались противоречия и в лагере повстанцев: генерал Карпов фактически никакого влияния на ситуацию не оказывал. Часть мятежников намеревалась оборонять город до последнего, кто-то планировал пойти на прорыв, выбрав для этого позиции красных, расположенные вдоль реки Которосль, – именно здесь они представлялись самыми слабыми. Некоторые и вовсе завели речь о капитуляции. В те дни в последний раз выходят обзоры боевых действий. Это скорее формальность, поскольку полезной информации они не содержат: *«На передовых линиях [за] минувшие сутки перестрелка и поиски разведчиков. С рассветом противник вновь начал бомбардировать центральные части города. Бомбардировка, не причиняя городу большого вреда, рассчитана только на угнетение духа граждан, утомленных осадой. Благодаря энергичной и сплоченной работе всех общественных организаций снабжение граждан продовольствием, водой и медицинской помощью».* Но куда более показательным было воззвание, обращенное к «воинам-добровольцам», которое было издано утром 19 июля 1918 года. Вероятно, оно должно было поднять дух повстанцев, но прозвучало едва ли не как «отходная молитва»: *«Вы показали в эти дни борьбы живым своим примером, что преданность общему делу освобождения России, честность и мужество, противопоставленные даже лучше вооруженному противнику, – побеждают. Как ни старается враг, – не сломить ему нашей воли к победе. Победа не там, где больше пушек, а там, где больше веры в правоту своего дела... История и современники оценят по достоинству Ваш подвиг. Недолго уже осталось сражаться, противник заметно слабеет, и силы его падают».*

Слова про ослабление позиций «противника», то есть частей Красной армии, принимавших участие в подавлении восстания, могли бы показаться очень сильным преувеличением, но доля истины в них все-таки была. Именно в это время прибывший в «красные» окраины Ярославля военный комиссар Аркадьев сообщал в Москву: *«Положение армии на Ярославском фронте и в Округе критическое. Запасы продовольствия иссякли, Красная армия обеспечена продовольствием на один день только. Необходимо срочная воинская продовольствие^[4] для Ярославля, Костромы и Новгорода. С ответом не медлите».* О том, что ликвидация «мятежа» может

затянуться еще не одну неделю, думал и помощник командующего красными войсками на станции Всполье К. Нейман. Он сообщал «наверх»: «Для ликвидации белых потребуется еще пятьсот человек латышских стрелков или интернациональных отрядов, фронт растянут на расстоянии пятнадцати верст. Сил же всего тысяча пятьсот человек. Сообщите, можете ли вы выслать латышских стрелков, латышские стрелки необходимы как ударная группа. Настроение белых временами подавленное, но бывают случаи, где они проявляют упорное сопротивление, как, например, на третьем участке, где у них на расстоянии четверть версты лежит цепь с двадцатью четырьмя пулеметами. Дисциплина в их рядах самая строгая».

Весьма показательно, что для городских боев в Ярославле все-таки предпочитали использовать «интернационалистов». Мы уже рассказывали выше о «красных венграх». Но еще более активно в боях с «мятежниками» использовали «красных китайцев». Они входили в состав Варшавского Красного полка. По этой причине, если изучать документы, может показаться в высшей мере странным, что у «варшавцев» были такие имена, как: Дю Зя Хо, Сяо Сан Лин, Фок Шен Хи, Хао Бао Шин, Чай Ян Сей и т. д. Китайцев использовали на самом «гибельном» участке фронта, когда приходилось штурмовать казармы близ храма Николы Мокрого. Установленный на колокольне пулемет «косил» их буквально десятками. Это подтверждается воспоминаниями многих участников событий. Потери китайцев они оценивали как крайне высокие («Мы понесли 75 %, а китайский 90 %; китайцы были посланы 5-м Всероссийским съездом Советов, и у них потери были в 90 %», «Прибывает полк китайцев, из Москвы приезжает Дмитрий Гарновский и тов. Будкин. Сразу с поезда полк направляется сменить уставших. Китайцы дерутся отважно, так что в подсчете из них остались в живых только 25 %»).

О боевых действиях Варшавского полка в те дни сохранилось сообщение, в котором говорилось: «Доношу, что из отряда убыло до сих пор 18 человек. Выбыли в наступление и заняли большое протяжение неприятеля. Во время наступления наши горячо рвали их, даже местами были сильные атаки, но наши выбили из домов неприятеля, но потеряв 14 человек. Девятнадцатого иду с ротой в наступление, надеюсь, что наша рота дальше отличится, так как мы стоим на духу боя и докажем, что мы истинные революционеры». Впрочем, для большинства последовавшая атака закончилась смертью. Очевидцы, которых опрашивали активисты поисково-исследовательской группы «Июль 1918», вспоминали, как еще детьми видели самые настоящие штабеля из убитых китайцев. Бурный

ветер трепал их расплетенные косички. Зрелище было жутким. Нашлись также свидетели, которые объяснили причину столь больших потерь среди китайцев. Оказывается, они не умели стрелять лежа, а потому вели огонь из винтовок «с колена».

Долгое время считалось, что относительно спокойным был участок от Стрелки, где Которосль впадала в Волгу, до Никольских казарм. Здесь белые повстанцы контролировали высокий берег, на котором создали целую систему укреплений – окопы, блиндажи. Несмотря на обстрелы, от которых капитальным образом пострадали Спасо-Преображенский монастырь и Демидовский лицей (горящие страницы из его библиотеки разлетались на несколько километров), выбить восставших из них не представлялось возможным. Территория у казарм прекрасно простреливалась с колокольни. Во время реставрации храма Николы Мокрого энтузиасты выгребли из всевозможных щелей несколько ведер пулеметных гильз. К слову, именно в те дни родилась инициатива создать группу «Июль 1918». Поводом для этого послужили не столько гильзы, сколько рассказы одного немолодого уже очевидца, который поведал о том, как «московские анархисты», закрепившись после атаки в одном из местных домов, тут же сели играть в карты. За игрой в карты они и погибли, когда белые, поддержанные пулеметным огнем с колокольни Николы Мокрого, предприняли стремительную контратаку. В документах не сохранилось ни слова об анархистах, но есть косвенное подтверждение этого рассказа. 17 июля наркому военных дел Муралову из Ярославля была отправлена телеграмма. Нейман просил забрать обратно Московский Советский полк и прислать вместо него новую часть. В частности, в телеграмме говорилось: *«Вышлите на смену отряда второго Московского Советского полка дисциплинированный и надежный отряд, полнейшая дезорганизация, люди несознательные, большая часть необучена»*. Когда этим отрядам пару дней спустя все-таки удалось прорваться в городской центр, в Москву полетела новая телеграмма. Ее текст можно оставить без комментариев: *«Положение несколько ухудшается тем, что наши красноармейцы страшно и доблестно грабят город, не удерживаемы своими начальниками. На старых местах в порядке, принимаются меры к выводу их из города, сбору и восстановлению фронта для дальнейших действий»*.

О событиях нескольких дней, когда кольцо вокруг Ярославля сжималось с каждым днем и каждым часом, можно судить на примере судьбы 22-летнего солдата Дмитрия Белова. Как отмечалось позже в приказе о назначении командиром взвода, он *«в боях показал себя умелым*

бойцом». Полвека спустя после ликвидации Ярославского восстания Белов, впрочем, прислал в музей-заповедник свои воспоминания – сто страниц, в которых утверждал: «Во время подавления Ярославского контрреволюционного мятежа командовал ротой...» Куда более важным является описание, с одной стороны, попыток белых вырваться из города через позиции 1-го Ярославского Советского полка, с другой стороны, попыток того же самого полка закрепиться на «белой» стороне Которосли. С 10 июля полком командовал Майоров, бывший командир 1-й роты. В один из дней три роты полка двинулись в наступление на Николо-Мокринские казармы. Менее чем за четверть часа все бойцы 1-й роты перебежали наплавной мост через Которосль и устремились в атаку. Вслед за ними переправились красноармейцы 2-й роты и через выгон тоже продвинулись в сторону казарм. Приблизившись к левому двухэтажному зданию, они закидали его через окна ручными гранатами и после этого ворвались на первый этаж. В одной из статей братья Шевяковы описывали дальнейшие события так: «Заработавший было на верхнем этаже пулемет повстанцев поднявшиеся туда красноармейцы отделения тов. Нефедова также забросали ручными гранатами. Боевой успех сопутствовал и бойцам 1-й и 3-й рот. Солдатам последней выпали особые трудности – они на руках катили 3-дюймовую полевую пушку, меткие выстрелы которой поддерживали атакующую пехоту. На руках же доставлялись с правого берега и снаряды – по два на каждого подносчика боеприпасов». Впрочем, успех был временным, а по этой причине Гузарский сообщал в Москву: «Новое наступление опять не оправдало понесенных потерь. Причины те же, что прошлый раз: малая стойкость некоторых частей, вновь присланных вами из Москвы, отряд снова сборный, следовательно небоеспособный».

Позже, пытаясь найти причины провальных атак на уже обескровленный город, общее командование выдвинуло следующую версию: «Советские войска начинают надевать стальное кольцо на противника, начинается правильная блокада города, которая сразу, конечно, не могла дать блестящих результатов в смысле подавления мятежа, потому что противник все-таки занимал наиболее выгодное положение, находясь под хорошим укрытием, да наши приготовления к окончательному штурму в данное время еще не были закончены, но в смысле группировки наших сил произошли уже яркие изменения, сравнительно с первоначальным положением: наш фронт шел от моста через Волгу, захватывая Ярославский продовольственный магазин, губернскую тюрьму, которая находится на Романовском шоссе и дальше

шел уже по Ярославским улицам, крепко зажимая противника в угол; правый же фланг боевого участка занимал все место за Которослью, начиная от Американского моста и кончая тюрьмой и до Волги, станции Урочь и Филино, раньше занятые белыми, были в наших руках, и было восстановлено телеграфное и телефонное сообщение».

Не менее выразительное описание событий последних дней Ярославля давал и комиссар финансов Петровичев: «Несмотря на окружение белогвардейцев в кольцо, замыкавшееся реками Волгой и Которосль, пустырем от реки Которосль и ст. Всполье, прилегающими улицами к ст. Всполье, доходящими до Сенной площади и Загородного вала до реки Волги, они еще не сдавались и на своих позициях, особенно со стороны железной дороги, держались крепко. Белогвардейцам и населению города для воздействия на первых предлагалось неоднократно (эта попытка делалась несколько раз и ранее) прекратить борьбу, во избежание дальнейшего кровопролития, но эта мера, как в предыдущие дни, не имела успеха: они продолжали оказывать сопротивление, иногда даже усиливая пулеметный огонь. Наконец решено было начать обстрел города из более тяжелых 8- или 6-дюймовых орудий. Числа 18 или 19 июля была доставлена шестидюймовая батарея из четырех орудий. Для установки последних требовались сырые кряжи, под руками которых и поблизости не нашлось, пришлось посылать за ними на Которосльскую линию. 20 июля утром, наконец, орудия были установлены и начался обстрел тех мест, где, по имеющимся сведениям, были белогвардейцы. Во время установки орудий белогвардейцы, как раненый, но недобитый зверь, собравшись с последними силами, бросается на охотника, выпустили еще несколько снарядов в направлении устанавливаемой батареи, один из которых, я помню, упал поблизости, в шагах 150–200 в крышу барака. Стрельба происходила навесным огнем; ввиду близкого расстояния в снарядах оставляли половину пороха. Сколько было выпущено всех 6-дюймовых снарядов, я точно не знаю, но всего их было у нас не более четырехсот штук. С шестидюймовыми снарядами были два значительных недоразумения: первый присланный вагон оказался со снарядами для морских орудий, второй со снарядами в не вполне готовом виде и только в третий раз прислали годных к употреблению в количестве 400 штук. Шестидюймовые снаряды, видимо, оказали гораздо большее воздействие, чем всякие словесные переговоры».

На 20 июля был назначен новый общий штурм города. Часть запланированного успеха предполагалось развить благодаря внезапному наступлению на «каторосльском» участке фронта. Здесь с 1914 по 1918 год

ярославский мещанин Александр Шабалин содержал летние лодочные перевозки и зимние плашкоутные, то есть наплавные, мосты через Которосль в Подзеленье и вблизи мельницы Вахрамеева. По этим переправам 20 июля 1918 года штурмовые красные роты перебрались на левый берег. Надо отметить, что на протяжении всех дней восстания на высоком левом берегу Которосли, от Стрелки до Спасского монастыря, держала оборону добровольческая часть Георгиевского кавалера капитана Николая Вологодского. Исследователи отмечали: *«Капитан был смел и хладнокровен в бою. Свыше тысячи дней и ночей провел он в окопах Первой мировой войны, был дважды ранен, заслужил не одну боевую награду. Еще в 1912 году сложные жизненные обстоятельства привели выпускника Ярославской духовной семинарии в армейский строй. Начав службу вольноопределяющимся, он закончил ее старшим офицером. Потом была революция и снова служба, теперь уже в Красной армии – командиром 2-й роты в Ярославском советском полку – и одновременно с этим членство в местной тайной офицерской организации с первых дней ее существования – с февраля 1918 года»*. В первые дни выступления Вологодский принял командование над двумя сотнями белых добровольцев. Свою позицию они заняли прочно: вырыли окопы и блиндажи, устроили проволочные заграждения. В саду перед Демидовским лицеем поставили трехдюймовую пушку. На этом боевом участке было немало пулеметов. Только на вооружении гарнизона Спасского монастыря, насчитывавшего 59 повстанцев, их было десять. Однако к последнему дню восстания на боевом участке Вологодского оставалось не более 30 бойцов. Именно эту горстку мятежников атаковал 20 июля отряд красноармейцев, в состав которого входил интернациональный батальон Яноша Гейгера. Через Которосль они переправлялись у бывшего перевоза Шебалина. На пяти его лодках за один рейс можно было перевезти до ста красных бойцов. Активно интересовавшиеся боями у мельницы Вахрамеева братья Шевяковы писали: *«К середине лета зеркало воды сжалось до 50 метров. Между береговыми баржами наплавного моста свободной воды было и того меньше – метров 25, но вброд их было не перейти. Пехота накапливалась для броска за многочисленными укрытиями. Берега и отмели Которосли были сплошь загромождены затонувшими и обсохшими судами да длинными штабелями дров. Боевая задача перед ивановцами стояла нелегкая: вначале овладеть мостом и поселком на берегу Которосли, а потом – зданием старой почты (ныне там расположен гарнизонный военный госпиталь), другими редюитами и Спасским монастырем. На оборудование мостовой переправы красноармейцы*

пустили деревянные постройки со дворов Тропинской улицы».

Бывший помощник командира взвода иваново-вознесенского караульного батальона А. Никонов вспоминал: *«Одна из женщин подвела нас к совсем еще новому сараю и сказала: „Бревна на плот пойдут, ломайте, родимые, а уж я как-нибудь обойдусь“».* Переправившись через Которосль, красные бойцы завязали бой в узких кварталах центральной части города. Они захватили здание старой почты и башню во дворе фабрики. Спасский монастырь ивановцы штурмовали через главные ворота (ныне это вход в краеведческий музей). Штурмовую роту в атаку вел бывший кавалерист прославленного лейб-гвардии Павловского гусарского полка, кавалер четырех Георгиевских крестов Семен Патоличев. С некоторым запозданием форсировали Которосль и бойцы 1-го Ярославского Советского пехотного полка. В ночь с 19 на 20 июля, под личным руководством командира полка Майорова, они приступили к оборудованию переправы. Упомянутый выше командир взвода 2-й роты Д. Белов вспоминал: *«Сверху по течению реки подтянули к месту переправы баржу и поставили ее поперек реки. Положили подготовленный заблаговременно настил и мостки. Образовался устойчивый плавучий мост, рассчитанный на передвижение по нему не только пехоты с пулеметами, но и 76-мм орудия».* Перебравшиеся по этому импровизированному мосту на «белый» берег Которосли три роты полка атаковали позиции белогвардейцев в районе мельницы Вахрамеева. Еще одним местом переправы красных войск через Которосль был плашкоутный мост, наведенный вблизи церкви Иоанна Предтечи в конце Подосеновской улицы. Как отмечали краеведы: *«С 1887 по 1918 год его содержал ярославский мещанин К.А. Зынин, поэтому за ним прочно закрепилось название „зынинский“.* Выше него на Которосли находился железнодорожный мост». Пулеметы белых, расположенные на колокольнях церквей Николая Мокрого, Никиты Мученика и на верхнем этаже мельницы Вахрамеева, в очередной раз накрыли огнем красные цепи. Если принять во внимание, что дальность действенного пулеметного огня по прицелу достигала тогда 2700 метров, а расстояние от повстанческих огневых точек до моста не превышало 1700–2000 метров, то красные не могли не понести большие потери. В одной из статей отмечалось: *«На последних делениях прицела опытные белые пулеметчики метко обстреливали красных бойцов, находившихся даже на дамбе плотины, что перегораживала Которосль у Ярославской Большой мануфактуры. Прилетавшие с городских колоколен пули могли найти свои случайные жертвы и много дальше – у станции Полянки и даже у села Крест-*

Богородское. Поэтому переправа через Которосль по железнодорожному мосту и по плотине была небезопасна. Перебравшиеся с берега на берег люди укрывались за высокой насыпью и предпочитали пользоваться лодками, а не пешеходной дорожкой моста, легко могущей стать дорогой в могилу». Итогом этой атаки стали несколько кварталов, в которых удалось закрепиться красным, но успех в очередной раз казался небольшим. Никому из красного командования и в голову не приходило, что следующий день станет последним днем мятежа, так как восставшие продолжали оказывать ожесточенное сопротивление, а на пути у красных со всех сторон лежали десятки перепаханных снарядами кварталов, где каждый разрушенный дом мог превратиться в самую настоящую крепость.

Одновременно с этим начался штурм города с северо-восточного направления у железнодорожного моста через Волгу. В атаку были брошены прибывшие под Ярославль свежие боевые части из Твери. Комиссар дивизии Подгорецкий указывал в своем более позднем отчете: «По прибытию в Ярославль отряду был дан участок на левом фланге на железнодорожной насыпи, недалеко от Волги. 20 июля идет артиллерийская подготовка, наши войска в 4 часа дня под огнем мятежников, стрелявших из пулеметов разрывными пулями, стали спускаться передовыми цепями 1-го и 2-го взводов с высокой насыпи, перебежали по одному и целыми звеньями, в огороды для занятия вкопавшегося на валу противника. Расстояние до неприятельских окопов на участке отряда было около ½ версты. В небольшом расстоянии за цепями последовал резерв – 3-й взвод. Ввиду того, что соседний слева Галичский отряд запоздал с наступлением и повел его от Волжского железнодорожного моста, не рассыпавшись в цепь по своему участку, оперативная часть Тверского отряда вынуждена была выслать из резерва в срочном порядке одно отделение для удлинения обнаженного левого фланга, прося начальника Галичского отряда принять меры к немедленному соприкосновению с нами. В то же время в соседних Шуйском и Буйском отрядах произошло замешательство с остановкой продвижения вперед, ввиду выбытия из строя начальника первого отряда. Распоряжением оперативной части в этот отряд путем личных переговоров был назначен новый начальник под непосредственным наблюдением одного опытного тверца из нашего отряда. В это время цепи тверяков, обнажены с правого фланга, в неудержимом порыве уже достигли вала и стремительной атакой выбили мятежников с их позиции, захватив по одному пулемету почти без потерь. Но ввиду замешательства правофланговых отрядов, которые не дошли до вала, правый фланг

Тверского отряда от пулеметного огня стал нести большие потери. Поставив пулеметы на перекрестке шоссе и вала, начали отступать от последнего, несмотря на высылку на чужой участок 10 человек. Правый фланг 1-го взвода вынужден был отойти на 30 шагов, держа вал на своем участке под обстрелом и не допуская противника. Весь отряд честно выполнил свой революционный долг и боевую задачу, действовал как одно целое, все инструктора шли во главе своих взводов, пулеметчики без промедления сменяли выбывших товарищей (4 чел.), санитары, подносчики патронов, пулеметных лент, поставленные для связи телефонисты под непрерывным непрерывным огнем бесстрашно двигаясь по огородам между старой и новой позициями, выполняя быстро и точно боевые приказания. Не помню ни одного, кто бы дрогнул. К вечеру по стратегическим соображениям отряду был отдан командующим фронтом приказ отойти на прежние позиции, впереди были только одни разрушенные здания и горевшие постройки». В ночь с 20 на 21 июля тот же самый отряд был срочно поднят по тревоге – именно на его участке повстанцы пытались прорвать кольцо окружения и покинуть город. Очевидец сообщал: «По шоссе под железнодорожным мостом, к которому примыкал наш правый фланг отряда, мятежники, пользуясь густым туманом, подошли к насыпи очень близко. Секреты и частные дежурные взводы заметили их, когда они уже успели поставить пулеметы в огородах в 80–100 сажнях от насыпи. Ураганным огнем всех имевшихся орудий наступление было отбито. И таким образом отряд не допустил ухода врагов рабоче-крестьянской власти от наказания за свершенные злодеяния».

Глава 20

Альтернат цвета фельдграу

Первые военнопленные (германские, австрийские, венгерские) стали появляться на территории Ярославской губернии еще в 1914 году. Как правило, это были интернированные иностранцы, которых война застала на территории Российской империи. Поначалу они размещались в Мологском уезде, на значительном удалении от Ярославля. Местное население не испытывало к ним никаких враждебных чувств, эксцессы были единичными. В документах сохранилось лишь упоминание о том, что в 1915 году местная крестьянская молодежь затеяла с иностранцами драку, причиной которой был конфликт при дележке самогона. В статье, посвященной проблеме германских и австрийских военнопленных, М. Кербиков со ссылкой на неназванный источник указывал, что по состоянию на 1 февраля 1917 года на территории Ярославской губернии находилось около 7,5 тысячи военнопленных. После заключения Брестского мира вопросами их возвращения домой должны были заниматься специальные комиссии. В связи с событиями июля 1918 года в Ярославле, равно как и прекращением боев, нас должны интересовать в первую очередь германские военнопленные. Их делами занималась располагавшаяся в Ярославле комиссия № 4, которой управлял К. Балк – по одним сведениям, лейтенант рейхсвера, по другим – оберлейтенант.

С советской стороны решением этих проблем занималась Центропленбеж, Центральная коллегия по делам пленных и беженцев (с февраля 1920 года – Центральное управление по эвакуации населения, Центрэвак), которая была создана специальным декретом от 23 апреля 1918 года. К ее задачам относилось *«...согласование, объединение и направление деятельности всех учреждений и организаций, ведавших делами о военнопленных, беженцах, гражданских пленных, для руководства всеми делами, возникающими в отношении лиц перечисленных категорий»*. Центральную коллегия наркомата по военным делам РСФСР возглавил Иосиф Станиславович Уншлихт, также в ее состав вошли К.М. Радек, И.И. Ульянов, М.М. Луцкий и Н.С. Тихменев. В областях, губерниях и уездах были организованы местные пленбежи. Изначально планировалось, что в ведении Центропленбежа будет находиться и сеть концентрационных лагерей, в которых содержались ожидающие обмена

военнопленные других государств. Так, «задержанию и немедленному водворению в ближайшие концентрационные лагеря», согласно плану эвакуации 1918 года, подлежали все пленные и беженцы, следующие вне плана или распоряжения отдела обмена Центральной коллегии – кроме гражданских пленных, следующих за свой счет.

Один из лагерей располагался под Ярославлем, а сама комиссия № 4 базировалась в городе. Буквально накануне начала выступления из Уфы прибыл транспорт с немецкими военнопленными, в итоге 3 июля количество немцев в окрестностях Ярославля увеличилось на тысячу человек. В своих воспоминаниях лейтенант Балк сообщил: *«Вместе с военнопленными, присоединившимися в пути, а также вместе с прочими невоенными транспортами степень загрузки лагеря, находящегося в ведении немецкой комиссии, в этот день увеличилась с нескольких сотен до 1500 человек. Было предпринято все возможное для обеспечения отправки этого транспорта. Вечером 5 июля было получено разрешение русских властей на его отправку. Предполагалось, что 6 июля лагерь будет полностью разгружен».*

Поскольку начало Ярославского восстания совпало с началом мятежа левых эсеров в Москве, сигналом к которому послужило убийство шефа немецкой дипломатической миссии графа Мирбаха, то в комиссии № 4 встретили выступление белых настороженно, ожидая различных эксцессов. Однако отношение к немцам со стороны повстанцев было в высшей степени корректным. Тот же Балк указывает: *«Уже в ночь на 7 июля Красная армия перешла в наступление и начала интенсивный обстрел города. Названный лагерь находился в зоне боевых действий, однако пока что мало пострадал от обстрела. 7 июля бои постепенно переместились в район лагеря. Вечером 6 июля в лагерь верхом прибыл некто полковник Ташинцкий, на которого штабом Ярославского отделения Северной Добровольческой армии было возложено санитарное обеспечение города. Он попросил доложить ему о положении военнопленных и пообещал сделать немедленно необходимые распоряжения относительно продснабжения лагеря».*

А вот в описании более поздних событий есть очень сильные расхождения. Балк при любой возможности пытался подчеркнуть, что в сложившейся ситуации занимал подчеркнуто нейтральную позицию. Словно вторя ему, германский дипломат Карл фон Ботмер позже записал в своем дневнике: *«Поведение наших офицеров в этой чрезвычайной и сложной ситуации было и разумным, и тактичным. Умело лавируя, затем в решительный момент приняв правильное решение, они сумели*

предотвратить почти неизбежное вовлечение доверенных им многочисленных пленных в водоворот событий и тем самым снять с себя подозрение в том, что комиссия попечения занимается политической деятельностью, что могло бы полностью парализовать ее дальнейшую работу. Немецкий лейтенант везде на месте, и сам при необходимости может успешно выступать в роли дипломата и блюстителя авторитета Германии».

Однако в реальности поведение того же самого Балка с самого начала было вовсе не столь «тактичным», как это пыталась позже представить германская дипломатия. При изучении документов в глаза бросаются показания упоминавшейся выше актрисы Валентины Барковской, которая отвечала за вопросы снабжения при штабе Перхурова. Так вот, на допросе Барковская сообщила: *«Около 14-го лейтенант Балк передал Перхурову предложение вооружить пятьсот человек германских военнопленных для вступления в ряды добровольческой армии с целью борьбы против советских войск».* Подобное предложение может показаться парадоксальным или даже сочтено за фантазию Барковской, если бы не целый ряд других свидетельств. Сам же Балк, словно желая реабилитироваться за свою инициативу, выдвигал следующую версию: *«К полудню 7 июля, когда лагерь уже находился под сильным обстрелом, названный полковник снова прибыл в лагерь и заявил руководству немецкой комиссии, что немецкие военнопленные должны теперь активно включиться в боевые действия, а именно против Красной армии. Он не говорил прямо, однако дал понять, что в случае отказа лагерь, во-первых, не получит продовольствия и, во-вторых, будет взят под артобстрел; что, далее, в этом случае будут приняты меры даже против попыток побега из лагеря, поскольку территория лагеря может простреливаться пулеметным огнем. Ташинцкий приказал выстроить все подразделения военнопленных лагеря и обратился к ним с соответствующей продолжительной речью с различными обещаниями и с вышеназванными угрозами. Руководством Ташинцкому на это был дан уклончивый ответ с целью выиграть время. Этот ответ на первое время удовлетворил его. Он покинул лагерь, заявив, что во второй половине дня он доставит оружие».*

Версия об отстраненности Балка должна быть поставлена под сомнение, поскольку бухгалтер Госбанка Н.И. Седов, видевший работу штаба восставших, сообщал: *«При Перхурове находился германский лейтенант Балк».* Позже, во время судебного разбирательства, Перхуров подтвердил, что его контакты с лейтенантом Балком вовсе не были единичными. Он сообщал: *«Он проявлял ненужную энергию. Лейтенант*

Балк предъявлял очень много требований относительно пленных, чтобы, в частности, пускать их на прогулку во время обстрела. Он предлагал свои услуги и подобрать людей». История Гражданской войны знает примеры того, как германские «добровольцы» включались в состав русских белогвардейских формирований. Достаточно упомянуть Западную добровольческую армию Бермондта-Авалова, которая возникла в конце 1918 года на территории Прибалтики. Впрочем, для складывания подобного «тандема» были необходимы две предпосылки. Белогвардейцы должны были быть последовательными антиреспубликанцами (в случае с Ярославлем такое можно допустить). Однако Германия еще не пережила Ноябрьскую революцию и вовсе не рассматривалась как страна, проигравшая войну. И Перхуров, и многие из свидетелей не раз заявляли, что Северная Добровольческая армия в лице ее ярославского отряда объявила Германии войну. Однако никто не смог сказать, как и когда это было сделано. Почему-то называлась дата 8 июля 1918 года, однако в тот день лейтенант Балк как единственный официальный представитель Германии на территории Ярославского края никаких уведомлений не получал. Не менее уклончиво Перхуров рассказывал об этом и на судебном процессе. Был задан вопрос: «Скажите, какая цель была объявления Балку, что Вы находитесь в состоянии борьбы с Германией?» Ответ Перхурова был очень расплывчатым: «Я говорил венгерцам, что я стою на точке зрения продолжения войны с Германией и поэтому от их услуг отказываюсь». «А официально Вы Балку не объявляли?» «Не помню». «Писаного документа мне не давали. Балку было известно, что мы находимся в состоянии войны с Германией». Таким образом, можно смело утверждать, что Ярославский отряд Северной Добровольческой армии официально войну Германии не объявлял. Однако вполне объяснимо, что некоторые из офицеров-монархистов выступали как раз за союз с Германией и предполагали разрыв отношений с Антантой. В такой ситуации штаб Перхурова решил не загонять себя во «внешнеполитический» угол, оставив возможность для широкого дипломатического маневра.

Это предположение подтверждается также тем, что большая часть германских военнопленных была переведена из лагеря в город и была размещена в здании Волковского театра. Если бы восставшие не планировали «разыгрывать» германскую карту, в этом действии не было бы никакого смысла. Балк вспоминал о переезде: «С величайшим трудом, в постоянной смертельной опасности, спасательной команде под командованием состоящего в штате комиссии фельдфебеля Шмидта и

унтер-офицера Мункельта удалось спасти наиболее ценные вещи и переправить их в город. Все обитатели лагеря – военнопленные, гражданские пленные с женщинами и детьми, в том числе венгры, австрийцы, поляки, а также военнослужащие Красной армии, укryвшиеся в лагере, – все они к 8 часам вечера под вооруженным конвоем были переправлены из зоны лагеря, оборона которого стала невозможной, в черту города... Между тем пленные из лагеря были размещены в здании городского театра и содержались там под сильной охраной. Обращение с ними со стороны охранных команд было возмутительное, кормили пленных так скудно, что у них возникли тяжелые заболевания. Всякое снабжение пленных было затем прекращено. И если удалось сохранить жизнь всем этим заболевшим, то только благодаря самоотверженности и мужеству нескольких человек, которые, несмотря на опасность быть схваченными и расстрелянными повстанцами, направились в город, чтобы раздобыть продовольствие».

На какое-то время о немцах забыли. О них вспомнили только 19 июля, когда выяснилось, что генерал Петр Карпов, похитив обманным путем из Госбанка два миллиона рублей, скрылся в неизвестном направлении. Чтобы понять, насколько это была внушительная сумма, отметим, что под поручительство Перхурова на выплату жалованья, обеспечение порядка в городе, содержание семей повстанцев, обеспечение мирных жителей питанием и всем необходимым была «заимствована» сумма в два с половиной миллиона рублей. Впрочем, если принимать во внимание личные особенности генерала Карпова, то его поступок не кажется совсем уж удивительным. Особенно если учесть, что тот целых два дня активно «распинался» относительно того, что «Перхуров предал и бежал», чем изрядно подорвал и без того невысокий моральный дух повстанцев.

Решение использовать германцев в интересах восстания явно принадлежало принявшему на себя командование коменданту города, генералу Веревкину – многочисленные свидетели (включая Карла Гоппера) рассказывали о его германофильских настроениях. Впрочем, не надо забывать, что летом 1918 года Германия все еще оставалась монархией, а потому у части российских монархистов теплилась надежда, что именно былой противник поможет восстановить в России монархический уклад, тем более что «союзники» данный уклад на протяжении многих лет активно подрывали. В Ярославле было решено разыграть очень хитрую комбинацию, которая с чисто дипломатической точки зрения была почти безупречной и даже по-своему гениальной, однако имела мало общего с политическими реалиями погрывавшейся в хаос революционной России.

Детальное описание того, как остатки мятежников планировали скрыться от большевиков, сохранилось только у лейтенанта Балка. Он писал в своем отчете, который был позже представлен в германскую дипломатическую миссию: «20 июля штаб восставших предложил заявить о своей готовности сдаться немецкой комиссии. Так как штаб еще 8 июля официально заявил комиссии, что Северная армия находится в состоянии войны с Германией, руководитель немецкой комиссии, как старший по воинскому званию среди подданных Германии в лагере, счел себя вправе и даже вынужденным принять такую сдачу в плен. Тактическое и военное разоружение и пленение противника после тщательного обсуждения было возложено на лейтенанта Мюллера. По окончании всех военных приготовлений штабу было заявлено, что немецкая комиссия принимает факт сложения оружия. 21 июля в 2 часа утра штаб заявил о своей сдаче в плен немецкой комиссии, после чего началось его разоружение».

Некоторые детали этой авантюры можно почерпнуть из показаний Валентины Барковской: «19 числа было созвано заседание штаба, присутствовало человек двадцать; ген. Карпова на этом заседании не было. Были только некоторые штабные и несколько нештабных офицеров, назначенных полковником Перхуровым. Было сделано предложение прорваться и уйти из Ярославля или сдаться в плен Германии. Лейтенант Балк дал честное слово германского офицера, что он действует от имени императора Вильгельма и что все сдавшиеся в плен будут отправлены в германскую миссию в Москву, откуда их, по всей вероятности, отправят или в Берлин, или в оккупированные местности. Вообще гарантировал им полную безопасность, но требовал немедленного вооружения содержащихся в городском театре 1400 человек военнопленных». Сразу же подчеркнем, что решение сдаться в плен германцам было вовсе не единодушным. Многие из офицеров все еще не оставляли надежды вырваться из осажденного города. Однако по итогам боев 20 июля стало ясно, что прорыв невозможен даже на «слабом» котлосельном направлении. Присутствовавшая той ночью в штабе повстанцев Барковская свидетельствовала: «Ночью решено было сдаться в плен Германии, а затем нас всех заключили в фойе городского театра. Лейтенант Балк говорил по-русски и гарантировал еще раз полную безопасность. К своим германским солдатам лейтенант Балк обратился с речью на немецком языке и сказал, что они скоро будут отправлены на родину, но возможно, что им придется предварительно выдержать карантин на границе. Жалованье им будет повышено: солдатам до пяти руб., унтер-офицерам до 10 рублей в сутки. В случае открытия военных действий, что возможно каждый час,

жалованье с того же часа будет удвоено. В это время, уже утром, лейтенант Балк облачился в полную форму германского офицера, раньше же он ходил всегда в штатском; забрал два штабных автомобиля и поставил во дворе своей квартиры». Кое-кто из современных ярославских журналистов в красках и деталях описывает церемонию сдачи офицеров Северной Добровольческой армии в плен. «Перед театром было построено каре из вооруженных германских военнопленных. В него по очереди входили офицеры белогвардейского штаба, они бросали личное оружие под ноги лейтенанта Балка – и тем самым подтверждали то, что они сдавались в плен Германии. Власть в Ярославле официально переходит в руки Германии». Впрочем, все это больше походит на буйную фантазию. Судите сами: выстраивать каре под ураганным артиллерийским огнем дело красивое, но, мягко говоря, нелепое. Кроме того, ни один достоверный документ не подтверждает, что такая пышная церемония вообще имела место. Тем не менее существует рассказ очевидца о том, что в те дни Балк был облачен в парадную форму: «В начале одиннадцатого часа дня к зданию подошло несколько автомобилей с солдатами, одетыми в германскую форму, и несколько конных, которые заняли всю Варваринскую (ныне Февральскую) улицу). С главного входа раздался звонок. Часовой охраны Банка передал мне, что просит впуска немецкий лейтенант. Я просил впустить только его одного. Оказалось, что это был лейтенант Балк. Явился он в полной парадной форме, вплоть до блестящей каски и белых перчаток, сказав, что ввиду того, что Штаб добровольческой армии сдался в плен немецким войскам, то охрану здания берет он на себя».

Балк в своем отчете сообщает интереснейшие сведения: «Немецкая комиссия ни одной минуты не планировала занять в Ярославле какие-либо объекты или иным образом пойти на политические акции. В продолжение нескольких часов, начиная со сдачи мятежного штаба в плен и до вступления в город частей Красной армии, город фактически находился в руках немецкой комиссии – такое положение оказалось просто неизбежным в возникших конкретных условиях. Со стороны самих советских властей были даже просьбы о целесообразности временной передачи исполнительной власти в городе в руки немецкой комиссии. Подобные просьбы поступали с различных сторон, в частности, от представителей граждан города, предложивших немецкой комиссии наличность своей городской кассы в размере 60 миллионов рублей на том основании, что в руках немецкой комиссии эти деньги будут в наибольшей сохранности».

Утром 21 июля 1918 года лейтенант Балк выпустил обращение,

которое было отпечатано и развешано на улицах города:

ГРАЖДАНСКОМУ НАСЕЛЕНИЮ ГОРОДА ЯРОСЛАВЛЯ

1.

Допущенная на основании Брестского договора правительством Русской Федеративной Советской Республики и уполномоченная тем же правительством германская комиссия № 4 в Ярославле имеет честь оповестить следующее: Штаб Ярославского отряда Северной Добровольческой армии объявил 8-го сего июля германской комиссии № 4, что Добровольческая армия находится с Германской империей в состоянии войны. Так как военные операции не привели к желательным результатам и дабы избежать дальнейших разрушений города и избавить жителей от неисчислимых бедствий, Ярославский отряд Северной Добровольческой армии 21 июля 1918 года предложил германской комиссии № 4 сдаться ей и выдать свое оружие.

Германская комиссия № 4 приняла предложение.

2.

Комиссия передаст штаб в качестве военнопленных Германской империи своему непосредственному начальству в Москве, где дано будет все дальнейшее. Германская комиссия № 4 располагает сильной боевой частью, образованной из вооруженных военнопленных, и займет для поддержания спокойствия в городе Ярославля до получения решения из Москвы положение вооруженного нейтралитета. Для соблюдения порядка и восстановления нормального течения жизни комиссия окажет по возможности мирному населению должную поддержку. Да займутся обыватели многострадального города вновь своими делами и заживут с полной надеждой на лучшее будущее.

Проблема состояла в том, что содержание этого воззвания не представлялось возможным довести до сведения красного командования. Балк вспоминал: «До сих пор не представлялось возможным связаться с Красной армией. Было также, по меньшей мере, сомнительным, признают ли и выполняют ли подчиненные штабу части саму операцию сдачи оружия. Кроме того, не было четкого представления и о настроениях среди населения города. Поэтому комиссия должна была взвесить все возможные варианты и быть готовой к любым неожиданностям, а

также предусмотреть вероятность того, что в последующем русская советская власть города сделает комиссии упрек в некоторой формальной некорректности». Впрочем, новость о том, что Ярославль внезапно перешел под контроль немцев, долетела до командования Красной армии очень быстро. В первой половине дня 21 июля Геккер сообщал в Москву: «Военнопленных на постах, то есть караулящих сдавшихся белогвардейцев, не более сотни, но по городу их несколько тысяч, вооружены они винтовками, которые выдал им Исполнительный Комитет раньше, чем наши части успели дойти до этого пункта города. Их отношение к Красной армии самое лучшее, так как белогвардейцы во время своего владычества обращались с ними плохо и вызывающе. Справиться с ними думаю с помощью одной бумажки, то есть ордера о сдаче всех караулов нашим частям». Впрочем, решить проблему с помощью «одной бумажки» не удалось. И сей факт не вызывал у большевиков ни малейшего восторга. Только-только они вознамерились сровнять Ярославль с землей, как внезапно пришлось учитывать множество «дипломатических хитростей». Однако вскоре из Москвы пришел ответ на запрос от Карла Радека, который отвечал за взаимодействие с Германией. Тот фактически разрешил, плюнув на дипломатию и этикет, оказать давление и на комиссию № 4, и на лейтенанта Балка. Гузарскому этого было вполне достаточно. Он незамедлительно отбывает в Ярославль для переговоров с Балком. Когда германский офицер заявил о своей позиции, то Гузарский обложил его матюгами и в угрожающей форме потребовал передать всю полноту власти в городе красному командованию. На этом дипломатический кризис был исчерпан.

Еще буквально за несколько часов до этого разговора красное командование не рассчитывало на быстрое взятие Ярославля, а теперь город оказался у них в руках фактически без единого выстрела. Заканчивая рассказ об аванюре с лейтенантом Балком, обратим внимание читателя на массу фейков, возникающих в связи с этой фигурой. Например, существует миф, что Балк лично вел картотеку желавших принять «германскую защиту», которую позже передал ЧК. Теоретически он мог, конечно, составить небольшие списки, например, штаба Ярославского отряда Северной Добровольческой армии – это еще можно себе представить. Но картотека на 50 тысяч персон, по которой позже проводились массовые расстрелы – это уже нечто из разряда ненаучной фантастики. Во-первых, даже если бы у Балка был разветвленный чиновный аппарат, на составление подобной картотеки ушли бы недели, даже месяцы. Во-

вторых, для массовых расправ, которые начались сразу же после перехода города под контроль красных, особых поводов не требовалось. Судя по рассказам очевидцев, в течение кошмарного полумесяца расстрелять могли кого угодно. Для того чтобы гарантированно «встать к стенке» хватало, чтобы «человеку с ружьем» показалось, что у прохожего на лбу «кант от фуражки»...

Глава 21

Кровь на развалинах

Советские историки не очень любили рассказывать о том, как и в каком состоянии 21 июля перешел под контроль красных частей Ярославль. Об этом могли бы вспомнить выжившие в боях белые повстанцы, но их, в большинстве своем, расстреляли. Какие-то подробности можно найти в документальной повести Николая Чуковского «Ярославль»: *«Он шел не по улицам, а напрямик, по пожарищам, перепрыгивая через обгорелые бревна и обходя торчащие трубы. В печальных грудах мусора копались женщины, отыскивая остатки своего имущества – ложки, железные кровати, кастрюли, пуговицы. Бледные, испуганные дети играли пустыми патронами. Деревья пожухли от жары и стояли увядшие как осенью».* Комиссар финансов Петровичев давал схожее описание: *«Проезжая по Октябрьской ул., видим, пожаром освобождена громадная площадь от деревянных строений, а стояли каменные дома, без рам, стекол, даже крыши. Провода все порваны, столбы где выворочены, где стоят покривившись, во многих местах мостовая перекопана канавами. Рельсы трамвая изогнуты. На пути то и дело попадается оборванная и смятая проволока, которая зацепляется за автомобиль и, затянувшись, останавливает его или вырывает из него какую-либо часть. На Любимской улице, разрушенной меньше, на тротуаре лежат несколько трупов в серых шинелях, некоторые уже почернели. Едем далее. Провода оборваны по всему городу, стекла выбиты, стены домов где со следами пуль и снарядов, где разрушены или полуразрушены».* Столь же пугающую картину дает оставшийся неизвестным корреспондент «Известий»: *«На Сенной площади все лари сгорели. Пожарная вышка разрушена. В уцелевших домах выбиты все стекла. Цирк разрушен снарядами. Красуется на балаганчике вывеска с надписью „Разумное развлечение. Театр миниатюр“.* На эту вывеску нельзя смотреть равнодушно: до того она нелепа. Тут же на груде мусора, обхватив кучу руками, лицом вниз лежит девушка... совершенно нагая и обгорелая».

Трупы, обгоревшие, истерзанные осколками, разлагающиеся, – улицы Ярославля были просто завалены ими. Разумеется, первоочередной задачей новой городской власти стало хотя бы не минимальное благоустройство улицы, а уборка, вывоз и захоронение мертвых тел; малейшее промедление

– и в любой момент могли начаться эпидемии. В государственном архиве Ярославской области, документах фонда Ярославского городского и уездного отдела здравоохранения хранится тонкое, в дюжину страниц, дело № 18, названное: «Сведения о работе санитарного отряда “Помощь пострадавшим”». Документы, в нем содержащиеся, охватывают период с 22 июля по 8 августа 1918 года. С их страниц беспристрастный рассказ о тяжелой работе по ликвидации последствий Ярославского восстания ведет доктор В. Алферов. Отряд приступил к работе на следующий день после подавления восстания – 22 июля. Ему был выделен автомобиль «Рено» № 3203, иногда давали и вторую автомашину. Одна из наиболее трудных задач – розыск и вывоз к месту захоронения тел погибших людей. Трупы убирались как по заявкам, поступавшим от жителей, так и по результатам санитарноэпидемиологической разведки, которую вели медики отряда. Например, 22 июля они обходили убежища жителей, пострадавших во время подавления мятежа, для выявления раненых, больных и погибших. Особенно многочисленными были эти убежища в домах, расположенных в районе Ильинской площади. 23 июля медики отыскали и отырыли на Рождественской улице труп председателя горисполкома Д.С. Закгейма и перевезли его в помещение губернской земской больницы. 31 июля весь отряд, разбившись на группы, обследовал руины Ярославля с целью поиска неубранных трупов. Утром 1 августа часть людей была отправлена для обнаружения тел погибших на левый берег Волги. За две недели работы сотрудники отряда подобрали на ярославских улицах и в развалинах домов сотни трупов, а еще десятки были вывезены из церквей и «мертвецких», которые создавались при больницах и лазаретах.

Кроме «старых» трупов в городе каждый день появлялись «новые». Кое-что о массовых расправах, которые начались в Ярославле с вечера 21 июля, рассказал ставший свидетелем этих событий певец Ю. Морфесси. *«Тогда в разрушенный город стали с опаскою и с разведкою вливаться „победители“. Этот авангард состоял из каких-то уже совсем иррегулярных частей: какое-то юное, преступное хулиганье в шинелях!.. Советское командование, взбешенное большими потерями, умышленно бросило это хулиганье в первую очередь, дабы оно показало мятежному населению, где раки зимуют... И показали! Бесчинства, насилия, грабежи, убийства на улицах и в домах – все это повергло Ярославль в большой ужас, чем двадцатидвухдневный ливень снарядов. В первый же день большевики расклеили декрет: в такой-то день, в такой-то час все мужское население должно явиться на вокзал. Ко всем уклонившимся будет применена „высшая мера наказания“. В переводе же на их волчий*

язык – пуля в затылок». На самом деле декретов с угрозами расстрела было несколько. Например: «Приказываю всем, у кого имеется холодное и огнестрельное оружие, в трехдневный срок со дня опубликования сего внести в военно-революционный комитет. В противном же случае, у кого будет обнаружено оружие, виновные будут расстреливаться на месте». Фактически при желании человека могли расстрелять за обычный нож. За свою жизнь опасались не только те, кто поддерживал белых повстанцев, но и те, кто изначально симпатизировал советской власти. Один из выживших в кошмаре обстрелов житель Ярославля вспоминал по этому поводу: «На другой день повели нас в сад к столу для регистрации. Когда подходили к столу, то спрашивали, где я находился в это время, т. е. с 6 до 22 июля 1918 и не знает ли кого из присутствующих участников мятежа. Я, конечно, сказал, где был, и мне выдали удостоверение, которое хранится у меня по сие время. Но удостоверения выдавали не всем. Кто был подозрительней, того отправляли на железнодорожную насыпь для расплаты. После этого нас распустили по домам, иду обратно домой, а там нас и не ждали живыми, думали, что нас погнали на расстрел».

В течение пары недель расправы в Ярославле совершались без всякого суда и следствия. Что показательно, это происходило задолго до официального объявления политики т. н. «красного террора». Именно ярославские расстрелы ставят под сомнение официальную хронологию «красного террора», которую советская историография выводит с покушения на Ленина и Урицкого, то есть начало датирует осенью 1918 года. Еще до того, как Ярославль был взят красными войсками, Геккеру пришла телеграмма из комиссариата военных дел, в которой было четко обозначено: «Белогвардейское восстание в Ярославле должно быть подавлено беспощадными мерами. Пленных расстреливать; ничто не должно останавливать или замедлять суровой кары народной – против известных поработителей. Террор применительно к местной буржуазии и ее прихвостням, поднимающим головы». Как тут не вспомнить «товарища Аркадьева», «когда он был в Ярославле, то приказал расстрелять всех попов и монахов, так как они все были вооружены». Тот факт, что в Ярославле был установлен откровенно террористический режим, следует из воззвания Троцкого, которое так и называлось – «Помните о Ярославле». В нем говорилось: «Буржуазно-офицерский мятеж в Ярославле подавлен советскими войсками беспощадно. Сотни мятежников были перебиты или потоплены в Волге. Свыше 350 захваченных белогвардейцев были расстреляны после усмирения мятежа. Попытки буржуазии вернуть в рабство рабочих и крестьян обрушили на заговорщиков суровую кару.

Помните об Ярославле, контрреволюционные бандиты Казани, Симбирска и Самары!

Темные, обманутые, одурманенные солдаты и чехословаки еще могут надеяться на помилование, если своевременно раскаются и сдадут оружие. Но буржуазные заговорщики, иностранные агенты-provokatory, офицеры-белогвардейцы будут истреблены поголовно. Советская Власть каленым железом отучит буржуазных авантюристов устраивать мятежи против рабочих и крестьян. Помните об Ярославле, наемники буржуазии!» То есть жестокость, с которой изначально подавлялось выступление в Ярославле, была инструментом запугивания, так сказать, «дидактическим приемом» от террора.

Первыми жертвами стали сдавшиеся немецкой комиссии № 4 белогвардейцы, преимущественно состоявшие в штабе повстанцев. Поначалу их планировали направить в Москву. Об этом говорит телеграмма начальника «красного» штаба Афонского, которую он направил в Кострому. В ней сообщалось: *«Мятеж в Ярославле ликвидирован. Советская власть восстанавливает свой аппарат по управлению городом. Штаб белых отправлен в Москву»*. Приблизительно то же самое можно прочесть и в воспоминаниях комиссара финансов Петровичева: *«Стали прибывать из города пленные белогвардейцы. В числе последних был и белогвардейский штаб последнего состава. Их привели рано утром 22 числа. Ночь была дождливая, и было еще темно. Всмотревшись в их лица, мне показались почти все людьми незнакомыми, но, правда, было очень темно и некоторые сами старались скрыть свои лица, так что мной могли быть и не замечены, к тому же и давно прибывших людей я мог не заметить в городе, постоянно занятый делами и имея очень ограниченный район»*. Однако в Москву они не уехали. Мятежников вывели из здания Волковского театра, где они некоторое время находились под «патронажем» немцев, после чего расстреляли. В Москву из Ярославля летит телеграмма: *«Оперод Аралову Пречистенка 37 копия Москва Наркомвоен Троцкому Лесной 2 Москва Военком Округа Муралову Пречистенка 7. Сведения 21 час. В Ярославле все спокойно, расстреляно 41 чел., штаб белогвардейцев, а среди них Гудим и Левкович, в наших руках»*. По чьей инициативе и по чьему приказу был проведен расстрел, до сих пор непонятно. В любом случае Гузарский возмущенно рапортовал в Москву: *«Я удивлен телеграммами от имени Троцкого, которые приписываю интригам всех приезжих гастролеров, которые ни в чем не помогают, но зато подкапываются под меня. Ныне, считая возложенную на меня задачу выполненной, передаю военную власть Окружному Комиссару,*

гражданскую – Исполнительному Комитету и возвращаюсь в Москву для доклада и разъяснения кому следует, что я отлично знаю свои обязанности».

А Ярославль все глубже погружался в пучину террора. В одной из своих сводок Геккер сообщал: «В городе начала работать чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией, прибывшая из Москвы во главе с [нрзб.]. Теперь выясняется, что белых было около двух с половиной тысяч. Списки таковых в наших руках, аресты производятся». Судя по этой записи, можно предположить, что местным чекистам была поставлена задача в кратчайшие сроки выявить в городе две с половиной тысячи человек, которые поддерживали выступление и принимали в нем активное участие. В итоге аресты и расстрелы превратились в непрерывный конвейер. Оставшаяся в живых в очередной раз актриса Валентина Барковская вспоминала: «Всех допрашивали 2 1/2 часа, всего 73 человек, из которых осталось 18 человек, из которых было 3 женщины, остальные тут же у вагона были расстреляны». Казни происходили по всему городу, поначалу активнее всего на станции Всполье. Именно по этой причине до середины августа 1918 года в вагонах проезжавших через Ярославль поездов надо было задерживать шторы. Один из очевидцев вспоминал: «И когда через два-три дня мы возвращались через Ярославль, на железной дороге, за целую станцию до Ярославля, в каждый вагон вошло по два красноармейца. Они спустили занавески окон совсем наглухо, приказав еще вдобавок:

– Не смей в окна глядеть. Перед собою гляди!»

Впрочем, очень быстро расстрелы переместились с железнодорожной станции непосредственно в город, даже на речные пляжи. Советский писатель Роберт Штильмарк («Наследник из Калькутты», «Повесть о страннике российском» и т. д.), подростком оказавшийся в Ярославле тех дней, вспоминал об ужасе, накрывшем город: «А тем временем папа с мальчиком Роней ходили по разрушенному, еще горящему Ярославлю. Насмотрелись такого, чего не на всякой войне увидишь. Однажды под босыми ногами Рони из приречного песка близ берегового устоя железнодорожного моста через Волгу вдруг выдавилась кровавая жижа... Проступив между пальцами, она, слегка еще пузырясь, быстро засохла, и смыть ее со ступней в волжской струе оказалось не так-то легко... Это они с папой ступили на присыпанные песком недавние окопы, ставшие могилами расстрелянных лишь вчера участников восстания. Свидетели потом говорили им, что расстреляли здесь многие сотни юнцов, зеленых

мальчишек – гимназистов, студентов, юнкеров и кадетиков, в возрасте от 14 до 18 лет. Закопали до 800 тел... Их геройская армия из нескольких сотен обманутых пропагандой мальчишек осталась брошенной на произвол судьбы. Кровь этих мальчишек теперь и пузырилась под Ронинными ногами, а были многие из них почти ровесниками ему, возможно, даже однокашниками – ведь Роня и сам недель шесть ходил в кадетках».

Оценить размах и топографию террора лета-осени 1918 года помогли разработки поисково-исследовательской группы «Июль 1918» (надо отметить, что именно один из ее создателей Н.У. Козак обнаружил более поздний «ярославский расстрельный полигон» под селом Селифонтово). Благодаря собранным свидетельским показаниям, документам, удалось восстановить часть страшных в своем натурализме подробностей.

По воспоминаниям краеведа Ивана Васильевича Озерского, жившего в 1918 году на улице Варваринской (ныне ул. Трефолева, 12), большевики, собрав подозреваемых мужчин, повели их от мельницы Вахрамеева по Рождественской улице (Б. Октябрьская) до железнодорожного моста у Всполья и там, за мостом, расстреляли. Раиса Васильевна Щелкачева в 1991 году рассказывала, что она в 1918-м в возрасте 11 лет со сверстниками видела, как расстреливали белых офицеров и скидывали трупы во рвы там же, за железнодорожным мостом. По воспоминаниям бывших водителей автоколонны № 1138, что находится справа от моста на Всполье, при рытье земли экскаватором находили царские медали, офицерские кокарды, монеты. О расстрелах за железнодорожной насыпью рассказали свидетели А.Г. Чуклинов, его жена Ксения Николаевна и М.Г. Кутузова. Пулемет стрелял с насыпи, пулеметный расчет состоял из трех человек. Они же рассказали о том, что после восстания трупы людей, подобранные в городе, свозили к тому же мосту. Трупам, присыпанными землей, была завалена территория от железнодорожной насыпи до поймы реки Которосль. Позже некоторые жители Краснопереконского района города Ярославля, «потомки седьмой тысячи», мародерствовали там. В 1976 году при рытье котлована для фундамента насосной станции, находящейся за заправкой напротив асфальтового завода, были обнаружены останки людей: простреленные черепа, бедренные кости и др. Рафаил Владимирович Балашов рассказывал о расстрелах за насыпью моста через Которосль. В 50-х годах там находили много стреляных гильз старого образца. В 60-е годы, по воспоминаниям С.Н. Епахова, жившего тогда на Гражданской, 17, соседи рассказывали о больших расстрелах у моста через Которосль. Долгое время на месте рвов, поглотивших трупы, возвышались насыпи-валы.

Теперь о расстрелах и захоронениях у Леонтьевского кладбища. Вот

что писал в своей неопубликованной документальной повести Владимир Александрович Мясников: *«В Ярославле, у подножия холма Леонтьевского кладбища, вырыли две гигантские могилы. Канаву длиной 150 метров забросали свозимыми на телегах с городских улиц белыми... Сколько их, никто не знает»*. Тогда немногих красных захоронили отдельно.

В 40-е годы канава увеличилась за счет захоронения ленинградских блокадников, снятых с поездов. Последующие земляные работы, проводившиеся в тех местах (строительство ДКЖ, спортивной площадки, дороги), подтверждают большое количество останков людей вне кладбища и без гробов. По отдельным сведениям, зафиксированным В.А. Мясниковым, в саду дома губернатора также имело место захоронение погибших и расстрелянных.

Расстреливали везде и хоронили практически везде – на Волжском берегу, во дворах домов, у стен церквей центра города, так как почти все они имели действующие кладбища, сохранявшиеся до 30-х годов. Это церковь Святого Власия, на месте которой стоит гостиница «Ярославль»; церковь Духа Святого, где возвышается знаменитый «серый дом», у храма Владимирской Божьей Матери на Божедомке, у церкви Николы Надеина, храмов Петра и Павла, Николы Мокрого, у стен главного храма Ярославля – Успенского собора на Соборной площади (сейчас Демидовский сад или пл. Челюскинцев) и др.

Отдельно надо осветить расстрелы у стен Власьевской церкви. *«Расстреливали там целыми группами; могилы велели рыть самим. Особенно много там было расстреляно белых офицеров»*, – значит в воспоминаниях Никитина, записанных Р.В. Балашовым.

Есть еще интересная информация, полученная от историков. Как уже говорилось выше, арестованные и охраняемые бывшими немецкими военнопленными перхуровцы были размещены в здании Волковского театра. По воспоминаниям В.Э. Лазарянца, в шестидесятые годы шепотом, озираясь, чтобы никто другой не услышал, Эдит Леонардовна Бредрих (1896 года рождения) рассказывала о восстании. После подавления восстания группы большевиков ходили по улицам города и у встречных проверяли руки. Если руки были мозолистые, человека отпускали, если без мозолей, белые, чистые или со следами пороха – расстреливали на месте. После этого другая группа подбирала убитых и свозила их к храму св. Власия для опознания. Родственники могли даже забрать убитого домой, но потом большевики расстреливали всю семью убитого. Так был убит ее младший брат, а при опознании и ее дядя, которого закололи штыками, когда он что-то сказал большевикам.

По рассказам отца, Игоря Николаевича Иванова, в 1918 году, после разгрома восстания, в женском епархиальном училище (ныне педагогический университет на ул. Республиканской) заседала «тройка». В составе судей этой «тройки» были латыш М. Кадек, впоследствии президент Академии наук Латвии, и молодая девушка, которая особенно свирепствовала на суде. О третьем члене суда ничего не известно. Выполняли ли приговор суда прямо в здании, И.Н. Иванов не знает. Но яма, заполненная трупами и кое-как забросанная землей, из которой местами видны были руки и ноги, около училища после восстания появилась. Так пишет в своих воспоминаниях со слов своей матери Ольга Сергеевна Зотова. После восстания телегами возили трупы по московской дороге. Закапывали их в сосновом бору слева от дороги. Из домов выходить и смотреть запрещали. Свидетельница из окна дома видела, что возили на телегах несколько дней подряд (из воспоминаний Л.Г. Гузанова).

В.Э. Лазарянец свидетельствовал, что в начале 50-х годов он от многих слышал, что за нынешней улицей Калинина была большая свалка и туда свозили и закапывали трупы людей. Также об этом рассказывала Э.Л. Бредрих. Упомянутый Лазарянец слышал и о расстрелах в 1918 году за стенами конной жандармерии (сейчас Кировский РОВД). Это подтверждается другими источниками, в частности воспоминаниями жителей дома № 36 по улице Большая Октябрьская. Рядом с этим домом находилась длинная стена, у которой каждую ночь на протяжении нескольких недель начинались расстрелы. В итоге жители этого дома были вынуждены перебраться на новое место жительства, так как полагали, что их прошлое жилище проклято. Те же самые жители свидетельствовали, что расстрелы у «стены плача» прекратились только в середине сентября 1918 года.

О расстрелах в здании ОГПУ по рассказам своих друзей, написал в своих воспоминаниях Мстислав Владимирович Штурман. Евгения Шibaева, жившая в деревянном доме за бывшим зданием ОГПУ на Циммервальда, рассказала, что ее соседи неоднократно выкапывали на своем огороде останки людей. Кладбища там никогда не было.

По свидетельству А. Ржевского, на гауптвахте Фанагорийского полка № 11 (улица Большая Октябрьская) после восстания 1918 года красные латыши судили его участников, и здесь же, в подвале гауптвахты, их расстреливали. Здание гауптвахты не сохранилось, подвал же остался. Деду А. Ржевского, одному из счастливо прошедших следствие, латыши выдали справку – узкую полоску бумаги с печатью, удостоверяющую его непричастность к восстанию.

Мятеж, террор, голод и разрушения привели к тому, что город опустел и фактически прекратил свое существование. Перечень уничтоженных за две недели зданий оказался воистину шокирующим: четыре здания занимаемых правительственными государственными учреждениями; шесть зданий, занятых административными городскими учреждениями; четыре здания, предназначенные для культурно-просветительских целей (в том числе легендарный Демидовский лицей), десять школ полностью уничтожены, а еще двадцать непригодны для использования; шесть больниц и лечебниц; пять зданий общественного призрения; семнадцать зданий торгового значения (рынков, гостиниц и т. д.); двадцать промышленных предприятий и заведений; более двух тысяч жилых домов; в разной степени пострадало двадцать восемь ярославских храмов.

Корреспондент одной из газет сообщал несколькими годами позже: *«Число жителей Ярославля перед войной достигало 120 000 человек. Во время войны с приливом беженцев цифра населения (включая войсковой гарнизон) доходила до 190 000 чел. После мятежа значительная часть жителей вынуждена была покинуть город, и в настоящее время в городе около 76 000 человек. Оставшееся население терпит крайнюю нужду в жилых помещениях, вследствие уничтожения пожаром значительной их части и сильного повреждения их».* При этом надо учитывать, что сразу же после подавления восстания численность городского населения уменьшилась приблизительно до 40 тысяч человек. В общей убыли нельзя провести четкую грань между убитыми во время боев, расстрелянными за месяц неслыханного террора, беженцами и прочими, кто покинул разрушенный до основания город. Один из очевидцев вспоминал: *«На бульваре деревья стояли частью опаленные, и встречались поломанные снарядами. Редкий каменный дом остался без отверстия от разорвавшегося снаряда, и начиная с Мологской улицы и к Всполью начиналось сплошное поле выгоревших улиц с торчащими трубами, среди которых бродили погорельцы. Число убитых точно выяснить не удалось, но должно быть велико, так как через две недели после мятежа еще находились колодцы с трупами».*

Вместо послесловия. Эхо «мятежа»

Было бы глубоким заблуждением полагать, что для Ярославской губернии все закончилось сразу же после ликвидации мятежа в ее административном центре. На самом деле край лихорадило еще несколько лет. Мелкие восстания случались одно за другим. В них принимали участие крестьяне, которыми руководили офицеры, каким-то чудом спасшиеся из разрушенного Ярославля. Важно учитывать, что эти выступления вовсе не были случайными и спорадическими. Предпринимались даже попытки консолидации и координации действий отдельных крестьянских повстанческих отрядов. В качестве связующего звена повстанцы пытались использовать семейство Черносвитовых. Старшего Черносвитова (Кирилла Кирилловича) в свое время Перхуров планировал поставить во главе гражданского управления Ярославля. Этот пошехонский купец даже входил в состав Петроградского отделения «Национального центра». Однако в дни выступления он оказался в Москве. Во второй половине 1918-го и в 1919 году куда более важную роль играл другой Черносвитов. Александр Михайлович, выпускник императорского Александровского лицея. Он был депутатом 4-й Государственной думы и предводителем дворянства в Пошехонском уезде. Вступив по рекомендации Кирилла в «Национальный центр», Александр Черносвитов, во избежание провала, редко появлялся на родине, приобрел фальшивые документы на другое лицо. Он регулярно навещал родственника в Петрограде, принимал участие в конспиративных встречах, выполнял различные поручения. Было установлено, что Черносвитов выезжал в Череповец, где встречался с посланником Колчака и получил от него инструкции по активизации действий крестьянских повстанцев. В его доме в Пошехонье (ныне ул. Пролетарская, д. 4) находили кров и хлеб белогвардейцы, скрывшиеся после подавления мятежа. Командированный в Петроград ярославский чекист Михаил Григорьев с помощью местных сотрудников ЧК выяснил, что здесь, при содействии Кирилла Черносвитова, бежавшие из Ярославля мятежники получили подложные документы и затем возобновляли борьбу против советской власти в составе «бело-зеленых» частей. В частности, они отвечали за организацию крестьянской армии в Пошехонском уезде. Если говорить о крестьянском повстанческом движении в Ярославской губернии, которым край был охвачен несколько лет, то советские источники предпочитали называть его не «зеленым», а «бело-зеленым», чем

подчеркивались принципиальные различия от прочих крестьянских повстанцев. Во-первых, на территории Ярославской губернии движение было политизированным и носило ярко выраженный белый антисоветский характер. Во-вторых, оно «окормлялось» офицерством, а потому его можно было считать сознательным продолжением Ярославского «мятежа».

Губерния стала выходить из-под советского контроля в середине октября 1918 года, когда в ходе мобилизации произошли крестьянские выступления в Ильинской, Васильковской и Микляевской волостях Угличского уезда. Кроме отказа служить в Красной армии восставшими выдвигались политические лозунги созыва Всенародного или нового Учредительного собрания, звучали призывы к свержению Советов. Однако в данном случае все закончилось очень быстро. Через несколько дней угличский уездный военком телеграфировал в Ярославль: *«Все ликвидировано. Обложили контрибуцией, взяли заложников. Белые растерялись. Красные действовали решительно».*

Самым масштабным в 1918 году стало Мологское восстание, которое началось в конце октября – начале ноября и охватило ряд волостей Мологского и Мышкинского уездов. Непосредственным поводом к выступлению стала опись хлебных запасов, проводившаяся в уезде, в ходе которой комбеды наложили на крестьян многочисленные «контрибуции» и осуществили разного рода «реквизиции». Среди крестьян быстро распространились слухи о том, что большевики заберут весь хлеб и зимой придется голодать. Масла в огонь подлили также злоупотребления местной власти и Мологской ЧК. Выступление началось как стихийное, но скрывавшиеся в уезде офицеры (как из местных жителей, так и бежавшие из Ярославля после подавления мятежа) попытались придать движению более или менее организованный характер.

Центрами восстания стали села Покровское-на-Сити, Некоуз, Веретея и другие. Из них объединенные силы крестьян двинулись на Мологу. В городе было введено осадное положение, был создан военно-революционный комитет. Положение казалось настолько критическим, что из Мологи предполагалось эвакуировать по Волге все советское руководство. Однако благодаря резервам, прибывшим из Рыбинска, наступление удалось остановить. После этого повстанцы захватили железнодорожные станции Харино, Шестихино, Маслово. Когда возникла угроза захвата станции Волга и стратегически важного моста через одноименную реку, реакция властей была предельно жесткой. В уездах начался террор, который осуществлялся как отрядами ЧК, так и красными воинскими формированиями. Выступление было окончательно подавлено

уже в ноябре 1918 года.

Ожесточенное противостояние проявлялось даже в том, что представители советской власти отказывались выдавать тела погибших крестьянских повстанцев их родственникам. На это указывал краевед К.К. Озеров. Сохранилась весьма показательная переписка, которую вела Екатерина Паутова, просившая выдать ей для захоронения тела сына и зятя, убитых во время ликвидации восстания на станции Волга. Местные власти отказывали ей в этом. Тогда крестьянка решила обратиться в Москву. Она писала: *«Я желала бы получить лучше смерть, чем это испытание, но судьбою не бывает спора. Я глубоко верю, что Вы, Гражданин Председатель, поймете состояние моей души. Я бесконечно верю в Вашу гуманность и человечность. Вы, великий основатель мирового братства людей, учтете психику несчастной матери, и я надеюсь, согласитесь, что если кто-либо и совершает преступные действия, так они всё же люди. Дети мои понесли наказание, получив смерть. Прошу Вас избавить от наказания их трупы. Я никого не виню в их смерти, кроме судьбы. Я понимаю, вольные или невольные были действия моих детей, но такие действия – преступны. Я прошу Вас и молю об одном, чтобы мне дали возможность похоронить их там, куда вероятно скоро и меня повезет смерть. Прошу Вас дайте мне эту милость и я, пока жива, не забуду Вашего благородного сердца и буду просить судьбу, чтобы она всегда и всю вашу жизнь покровительствовала Вам. Прошу не отказать в спешности и в уверенности, что не откажете в успокоении изболевшегося сердца несчастной матери»*. Однако вместо ответа из Москвы она получила справку от уездного комитета. В ней значилось: *«Исполнительный комитет Мологского уездного Совета крестьянских, солдатских и рабочих депутатов 9 февраля 1919 года, № 583, город Молога, Ярославской губернии. В Некоузский волостной комитет. Мологский уездный Исполнительный комитет предлагает объявить гражданке Паутовой Екатерине Арсеньевне, проживающей в деревне Пустоселицы, Некоузской волости, что ходатайство и выдача трупов сына и зятя, убитых при ликвидации восстания на станции Волга (пересланное Народным Комиссариатом внутренних дел при отношении 830 на рассмотрение Уездного Исполкома) во избежание возможных нареканий Уездным Комитетом – отказано»*.

Однако на этом крестьянские восстания не прекратились. Летом 1919 года они вспыхнули с новой силой. Существовало три основных очага крестьянского сопротивления: первый включал Угличский, Мышкинский и частично Мологский уезды, второй – Пошехоно-Володарский уезд и третий

– Даниловский и Любимский уезды.

По подсчетам ярославского историка Н.П. Рязанцева, в отдельные месяцы отряды восставших в целом по губернии насчитывали до 20 тысяч человек. Он писал: *«Обстановка в губернии была настолько тревожной, что 3 июля 1919 г. в Ярославле был образован губернский революционный комитет и оперативный штаб по борьбе с восстаниями. Военно-революционные комитеты создавались также в уездах, охваченных крестьянскими выступлениями».*

На территории Мышкинского и Угличского уездов центрами крестьянских выступлений стали Васильковская, Богородская, Климатинская и Юрьевская волости. Для подавления этого восстания сюда были посланы различные отряды под общим руководством командира 46-го Рыбинского стрелкового полка железнодорожной охраны Д. Кузьмина, к которому позже добавился отряд Ярославской ЧК под началом А.Ф. Френкеля. В одном из материалов Н.П. Рязанцев отмечал: *«Развернулись самые настоящие сражения, имелись большие потери с обеих сторон. Среди захваченных красными трофеев упоминались не только винтовки и пулеметы, но даже два орудия... Не желавшие сдаваться мятежники были оттеснены в соседнюю Тверскую губернию».*

Пошехонье традиционно славилось своими крестьянскими мятежами, направленными против советской власти. К июлю 1919 года здесь скопилось около 5 тысяч вооруженных крестьян. Дело дошло до того, что повстанцы снова двинулись на Пошехонье, намереваясь захватить город, что им не удалось сделать летом 1918 года. В сторону Пошехонья были посланы регулярные части, в том числе артбатарея из двух орудий из Рыбинска. У деревни Михалково произошло ожесточенное столкновение красных с отрядами крестьянских повстанцев. Около села Пречистое восставшие были окончательно разбиты, их общие потери составили около 500 человек убитыми и ранеными. Одним из руководителей восставших был бывший генерал Майер, которого красные пленили и расстреляли. Одновременно с этим была дестабилизирована обстановка в Даниловском и Любимском уездах. Здесь действовали разрозненные группировки, общая численность которых составляла до восьми тысяч человек. Наиболее крупные отряды возглавляли бывшие офицеры братья Озеровы и Пашков. Отряды действовали в местных краях вплоть до 20-х годов, а их предводители превратились в фольклорные фигуры, которые обросли легендами. Разгромить отряд братьев Озеровых удалось только в 1925 году.

Мятеж и его последствия постепенно ушли в прошлое. Теперь предстояло восстанавливать истерзанный и разбитый город, точнее –

фактически создавать его заново. Разумеется, что именно делать, большевистское руководство не знало, но оно стопроцентно было уверено, что все должно базироваться на основе самых современных принципов градостроения. *«Управление обращается к своему ближайшему руководящему представителю власти – комитету Государственных Сооружений с прямой просьбой дать для предпринятого дела общие директивы и необходимые специальные конкретные указания для идейного обоснования и проведения в жизнь всей программы научных, художественных и технических работ, предпринятых Управлением, имеющих кроме технической задачи и высокую социально-политическую цель: создание первого совершенного образцового социалистического города с коммунистическим обоснованием всей жизни обывателей и всего городского хозяйства... В области градостроительства у нас вообще не было не только каких либо проектов готовых, но даже отсутствовали какие-либо предложения. Воссоздание Ярославля является первой попыткой разрешить силами государства проблему коммунального градостроительства, создание города на новых социалистических началах... В новом городе всё должно быть направлено для удовлетворения и улучшения условий жизни трудящихся масс... Влияние жилищного вопроса на человека сказывается на физической стороне организма, а также в еще гораздо большей степени на его духовной и моральной стороне... Вместо города Ярославля, мрачного и хаотичного, создадим новый город будущего, радостный и гармоничный...»*

В завершение рассказа о Ярославском восстании полагаю необходимым пару слов сказать о судьбах некоторых из тех, кто избежал гибели в разрушенном городе.

Перхуров Александр Петрович. После прибытия в Казань возглавлял отдельную стрелковую бригаду. Затем командовал 13-й Казанской дивизией. Произведен Колчаком в генерал-майоры, получил почетное именование Перхуров-Ярославский. Участник Великого Сибирского Ледяного похода. В 1920 году на реке Лене пленен красными войсками. 19 июня 1922 года осужден в Ярославле показательным судом и расстрелян.

Гонпер Карл Янович. Из Твериц добрался до Уфы. Назначен главным комендантом войск Директории. Затем отбыл в Омск. Перебравшись через океан, вернулся в Латвию. Один из инициаторов создания там русского скаутского движения. После вхождения Прибалтики в состав СССР арестован в 1940 году и расстрелян.

Карпов Петр Петрович. После побега из Ярославля с двумя миллионами рублей вместе с сыном скрывался на севере Ярославской губернии. Перебрался в Финляндию. Затем вернулся в Советскую Россию по поддельным документам. Арестован во время облавы, устроенной ЧК. Расстрелян ориентировочно в 1920 году.

Гузарский Юрий Станиславович. В начале 1919 года стал командиром 15-й стрелковой дивизии, вступил в конфликт с Троцким, критиковал «комиссародержавие». Обвинен в «невыполнении приказов командования, своевременной неявке в штаб и дискредитации политработников». Расстрелян в 1919 году.

Геккер Анатолий Ильич. Стал командующим 13-й армией. С февраля по июнь 1922 года он начальник Военной академии РККА, позднее – военный атташе в Китае. С 1929 года – военный атташе в Турции. С июня 1934 по февраль 1937 года – начальник отдела внешних сношений Разведывательного управления РККА. В 1937 году расстрелян как троцкист.

Доброхотов Николай Федорович. По решению ЦК отправлен на Украину, где возглавлял Херсонский исполком. В 1938 году расстрелян как троцкист.

Душин Александр Флегонтович. После освобождения с «баржи смерти» отошел от левых эсеров, примкнул к Партии революционного коммунизма. Расстрелян большевиками в 1919 году.

Большаков Федор Федорович. После освобождения с «баржи смерти» был обвинен в злоупотреблении властью и мародерстве. В 1919 году расстрелян большевиками.

Библиография

Архивные фонды

Архив Ярославского областного управления ФСБ (АУФСБ РФ), фонды 22, 35.

Государственный архив Ярославской области (ГАЯО), фонды 180, 238, 239, 426, 516, 601, 1431, 3008.

Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ), фонд 9431.

Российский государственный военный архив (РГВА), фонд 1.

Центр документации новейшей истории архива Ярославской области (ЦДНИ), фонд 394.

Сборники документов

Белый Север. Мемуары и документы. Выпуск 1. Архангельск, 1993. 432 с.

Борис Савинков на Лубянке. Документы. М.: Российская политическая энциклопедия, 2001. 624 с.

Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Том 39. Издательство политической литературы. М., 1970. 624 с.

Служить Отечеству честь имею: Сборник документов по истории органов внутренних дел Ярославского края в конце XVIII – начале XXI в. Ярославль, 2002. 632 с.

Троцкий Лев. Как вооружалась революция. Т. 1. Высший военный редакционный совет, 1923. 430 с.

Ярославская ГубЧК: начало пути. Том 1. 1917–1919 гг. Сборник документов и материалов по истории органов государственной безопасности Ярославской области. М.: Граница. 448 с.

Ярославский край. Верхне-Волжское книжное изд-во. Ярославль, 1972. 271 с.

Ярославское восстание. 1918. М.: МФД: Материк, 2007. 704 с.

Неопубликованные материалы

Материалы научно-практической конференции «Память. Июль 1918 года». 26 июня 1998 года. Ярославль. Волжская набережная, д. 1 («Митрополичьи палаты»).

Материалы поисково-исследовательской группы «Июль 1918»

(А.Б. Киселев, Н.У. Козак).

Мясников В.А. Красный туман (вторая редакция).

Воспоминания и мемуары

Бройде С. Ярославский мятеж: по запискам генерала Перхурова. М.: Госюриздат. 172 с.

Гарашин Рудольф. Красные гусары. М.: Воениздат, 1970. 240 с.

Клементьев В.Ф. В большевицкой Москве (1918–1920). М.: Русский путь, 1998. 448 с.

Перхуров А.П. Исповедь приговоренного. Рыбинск. Рыбинское подворье, 1990. 40 с.

Розов Виктор. Удивление перед жизнью. М.: Вагриус, 2000. 490 с.

Савинков, Борис. Борьба с большевиками. Литература русского зарубежья. Антология в шести томах. Том первый. Книга вторая: 1920–1925. М., Книга, 1990. С. 151–176

Документальные и автобиографические повести

Мясников В.А. Красный туман (не опубликована).

Сударушкин Б.М. По заданию ГубЧК: Повесть. Ярославль: Верхне-Волжское кн. изд-во, 1982. 223 с.

Чуковский Н.И. Ярославль. Советский писатель, 1957. 212 с.

Штильмарк Р.А. Горсть света: роман-хроника. Терра-Книжный клуб, 2001. 576 с.

Исследовательская литература

Балашов Р.В. Пламя над Волгой. Ярославль: Верхне-Волжское книжное изд-во, 1984. 131 с.

Волков П.М. Очерки истории Ярославской организации КПСС. Ярославль. Верхне-Волжское книжное издательство, 1967. 560 с.

Галкин В.А. Разгром белогвардейского мятежа в Ярославле в 1918 году. Ярославль: Ярославское областное издательство, 1939. 110 с.

Женькин Л.Б. Ярославские рабочие в годы гражданской войны и иностранной интервенции, 1918–1920 гг. Ярославль: Ярославское книжное изд-во, 1958. 269 с.

Какурин Н.Е. Стратегический очерк гражданской войны. Directmedia, 2014. 114 с.

Красная книга ВЧК. Т. 1. М.: Политиздат, 1989. 415 с. Новомученики и исповедники Ярославской епархии. Часть 3. Священнослужители и миряне. Романов-Борисоглебск, 2000. 142 с.

Лебедев Н.В. Вологодские большевики в борьбе за советскую власть, 1917–1920 гг. Вологда: Областная книжная редакция, 1957. 230 с.

Мельгунов С.П. Красный террор в России. СП «РИУСО», 1990. 207 с.

Посадский А.В. Девятнадцатый, зеленый... («Зеленое» движение в годы Гражданской войны в России). Саратов, 2014. 196 с.

Рачков В.П. В борьбе с контрреволюцией: ярославские чекисты в годы гражданской войны. Ярославль: Верхне-Волжское книжное изд-во, 1968. 64 с.

Ярославские губернаторы. 1777–1917. Историко-биографические очерки. – Ярославль, 1998. 418 с.

Ярославское восстание: июль 1918. М.: Изд-во «Посев», 1998. 112 с.

Научные публикации

Кидяров А.Е. Костромичи и Ярославский мятеж // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. № 4, 2008 г.

Кидяров А.Е. Муромское восстание 1918 г. // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. № 4, 2016 г.

Миронова Н.А. Санитарное состояние Коровницкой тюрьмы в 1918–1920 гг. // Ярославский педагогический вестник. № 1. 2010.

Перхавко В.Б. Судьба памятников русской старины в годы Гражданской войны // Материалы международной научно-практической конференции «История Гражданской войны в России 1917–1922 гг.». Москва, ЦМВС РФ, 24–25 мая 2016 г.

Рязанцев Н.П. Ярославский мятеж 1918 г.: новые подходы или очередной миф // Дискуссионные вопросы российской истории. Арзамас, 1998.

Федюк В.П. Новое о «Союзе защиты Родины и Свободы» // «Минувших дней связующая нить...» Ярославль, 1995.

Шивина Е.И. Православная церковь и Ярославский мятеж 1918 года: историография проблемы // Вестник ЯрГУ. Серия «Гуманитарные науки». № 1 (31), 2015.

Публикации В.А. Мясникова и братьев Шевяковых в газете «Золотое кольцо» (Ярославль)

Рядовой у Перхурова, министр у Колчака, спецкор «Огонька». 5 августа 1992 года.

Судьба офицера. 22 августа 1992 года.

Геккер и Гоппер, или Поединок в Тверицах. 1 октября 1992 года.
Латыши в Ярославле. 3 ноября 1992 года.
Иван Савинов и другие меньшевики. 14 января 1993 года.
Эсер Николай Мамырин. 24 февраля 1993 года.
Два цвета Ярославля. 19 марта 1993 года.
Жизнь и смерть Гузарского: Почему Троцкий расстрелял бывшего командующего Ярославским фронтом. 2 апреля 1993 года.
Красный костер. 22 апреля 1993 года.
Генеральская планида. 29 апреля 1993 года.
Полковник Перхуров. Кто он? 25–26 мая 1993 года.
Водяная тюрьма. 27 мая 1993 года.
Трагедия семьи Богородских. 24 июня 1993 года.
Про матроса с Сицилии и красных мадьяр...: Интернационалисты на Ярославском фронте. 1 июля 1993 года.
Дама в малиновых галифе. 31 августа 1993 года.
Ярославль занят... сербами. 7 сентября 1993 года.
Когда отгремели последние залпы... 16 ноября 1993 года.
Важно все-таки знать погибших. 21 января 1995 года.
Здесь была кошмарная работа: Военная медицина на Ярославском фронте в июле 1918 года. 8 апреля 1993 года.
Предписываю... сбросить бомбы на собор. 3 июня 1993 года.
Волжский флот Ярославля. 10 июня 1995 года.
Два ультиматума: 9 июля 1918 года: Сражавшиеся в Ярославле противники предприняли первую попытку переговоров. 19 августа 1995 года.
Совершенно секретно: Боевой отчет костромичей об усмирении Ярославского восстания 1918 г. 2 сентября 1995 года.
Выполняя приказ № 1: Штурм восставшего села Диево-Городище красными войсками 10 июля 1918 года. 16 сентября 1995 года.
Карта для наркома: О Ярославском восстании 1918 года рассказывают бывшие секретные и спецхрановские документы. 18 января 1997 года.
Ярославские пленники: Рассказ о судьбе кораблей и автомобилей, захваченных повстанцами в июле 1918 года. 8 февраля 1997 года.
Переправа: Драматические события развернулись на Волге и Которосли в дни Ярославского восстания 1918 года. 22 февраля 1997 года.
Жертвы Ярославского восстания 1918 года. 15 марта 1997 года.
Карандаш командующего: Рассказ о некогда секретной личной рабочей карте усмирителя Ярославского восстания Гузарского. 12 апреля 1997 года.
Горячая точка: Борьба за Николо-Мокринские казармы в ходе

Ярославского восстания 1918 года. 31 мая 1997 года.

В огненном вихре: Участие рабочих бывшей табачной фабрики «Наследники И.Н. Дунаева» в Ярославском восстании 1918 года. 28 июня 1918 года.

В тисках блокады: Новые сведения о ходе Ярославского восстания 1918 года. 20 сентября, 18 октября, 8, 22 ноября 1997 года.

На западной окраине Ярославля: Участие кинешемцев в усмирении Ярославского восстания 1918 г. 24 января 1998 года.

Энергичная атака: Борьба за Сенную площадь в дни Ярославского восстания 1918 г. 7 февраля 1998 года.

Удачное начало: Ярославское восстание 1918 года началось с захвата артиллерийского склада. 7 марта 1998 года.

Между строк: Радиосвязь в дни Ярославского восстания 1918 года. 4 апреля 1998 года.

Испытание на преданность: Участие полевых войск РККА в усмирении Ярославского восстания 1918 года. 23 мая 1998 года.

Бой у монастыря: Ярославское восстание 1918 года с оружием в руках поддержали крестьяне трех северных уездов губернии. 27 июня 1998 года.

Журнальные и газетные статьи

Авенир Евгений. Ярославская «стена плача» // Северный край, 10 сентября 2008 года.

Ермолин Е. Победители побежденные // Северный край, 6 июня 2000 года.

Киселев А.Б., Козак Н.У. Революция продолжается // Ярославские епархиальные ведомости. 1998, № 7–8.

Козляков В. «Эта служба была для России...» – Ярославский мятеж 1918 года // Волга (Ярославль). № 3, 1993.

Крылов В. Пантеон воинской славы России // Защита и безопасность. 2003. № 3.

Кукина Н. Схватка носила бескомпромиссный характер // Северный край, 15 августа 2000 года.

Озеров К.К. Некоуз. Крестьянское восстание в октябре 1918 года. Письмо Ленину // Некоузская летопись. 2017, № 2 (12).

Привалов Александр. Год из жизни семьи Толбухиных // Северный край, 16 июня 2007 года.

Примечания

Оригинальные тетради, которые готовились братьями в течение двадцати лет, по завещанию Юрия Николаевича Шевякова в середине «нулевых» были переданы Ярославскому музею-заповеднику, где заняли достойное место и помогли в формировании выставочной экспозиции «Расстрелянный Ярославль».

Доброхотов был ошибочно отнесен к числу убитых в ходе первого дня белогвардейского восстания.

Район на левом берегу Волги близ Ярославля, между селами Прусово и Диево-Городище.

4

Так указано в документе.